

**В.Е. Ключко
Э.В. Галажинский**

ПСИХОЛОГИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

В.Е. Клочко, Э.В. Галажинский

ПСИХОЛОГИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Томск
2009

УДК 159.901

ББК 88

К 509

Клочко В.Е., Галажинский Э.В.

**К 509 Психология инновационного поведения. – Томск: Томский
государственный университет, 2009. – 240 с.**

ISBN 5-94621-281-8

Проблемы инновационного поведения рассматривается в книге с позиций системной антропологической психологии, начала которой заложили сибирские ученые в процессе изучения психики человека в контексте понимания его в качестве открытой саморазвивающейся и самоорганизующейся системы.

Книга адресована психологам, участвующим в разработке и продвижении инновационных проектов, а также всем тем, кто по роду деятельности имеет отношение к организации инновационных сред в образовании, бизнесе и т.д.

УДК 159.901

ББК 88

ISBN 5-94621-281-8

© В.Е. Клочко, Э.В. Галажинский, 2009

© Томский государственный университет, 2009

ОТ АВТОРОВ

Мы назвали свою книгу «Психология инновационного поведения», желая тем самым предупредить читателя о том, что речь в ней пойдет именно о психологических проблемах, связанных с феноменом, который с некоторых пор стал предметом пристального внимания для ученых, представляющих разные науки. Есть в проблеме инновационного поведения два плана: один из них можно определить как «узкий», а второй – как «широкий». Первый возникает в связи с устоявшейся привычкой видеть за инновациями глобальные вещи, ассоциируемые с нанотехнологиями, биотехнологиями, альтернативной энергетикой и т.д. Второй возникает из убеждения в том, что построение инновационной экономики невозможно без формирования инновационного поведения граждан. Для страны, выбравшей путь инновационного развития, проблема инновационного поведения людей, сопряженная с выявлением психологических механизмов, на основе которых оно возникает (мотивация) и реализуется, является одной из самых актуальных.

Пытаясь отзывать на социальные заказы, психология создала много разных научных «психологий»: инженерная психология, космическая, военная, педагогическая и т.д. Психология инновационного поведения имеет право на существование, поскольку более острого, более адресного социального заказа психологическая наука, на наш взгляд, еще не получала. Тем более, что и военным (инженерам, космонавтам, педагогам и т.д.) предстоит в ближайшем будущем испытать на себе вызовы инновационной экономики, и оценивать их начнут (если уже не начали) как субъектов инновационного поведения.

Если психология не раскроет природу и механизмы инновационного поведения, если она не покажет как, почему и зачем возникает и формируется инновационное поведение в конкретных жизненных ситуациях, то инновации в образовании просто «провиснут». Ведь эти инновации направлены на подготовку «инновационной личности», человека с «инновационным сознанием», «инновационным интеллектом», «инновационной культурой» и т.д. При этом ни одно из этих понятий (сознание, мышление, культура и пр.) нельзя рассматривать в качестве источника инно-

вационного поведения, хотя они и характеризуют разные стороны инновационной личности.

По большому счету речь идет о том, каким образом в пространстве своего актуального бытия человек открывает и формирует пространства свободного движения, в которых и совершает выход «за пределы» сложившегося образа жизни, устоявшихся приспособительных поведенческих форм. Выходит за эти пределы не психика, не сознание, а «весь человек» как сложнейшая пространственно-временная организация, как открытая система, устойчивое существование которой обеспечивает избирательный обмен со средой. Ни психика, ни сознание, ни мышление сами по себе (и сами для себя) ни в каком обмене со средой информацией, веществом, энергией не заинтересованы. Они, безусловно, участвуют в этом обмене, обеспечивая его избирательность в пользу человека, но они не выступают в качестве самостоятельных открытых в мир субъектов, разыскивающих в этом мире «нечто», в чем они нуждаются или такое «нечто», через которое они могут утвердить свою трансцендентальную природу. Это человек, а не его атрибуты, постоянно находится в точке несовпадения с собой.

Тем не менее все, что удается обнаружить в литературе, посвященной инновационному поведению человека, сводится к тому, что в качестве его мотивов выступают либо «внутренние напряжения», связанные с противоречиями в системе его потребностей, установок, ценностей, либо эти мотивы связывают с его ответом на «инновационные изменения» во внешней среде. Иногда говорят о неких комбинациях внутренних и внешних факторов.

Необходимо учесть, что современная психология – это уже далеко не столь простая и тотально доступная сфера познания, постижение которой не требует специальной (профессиональной) подготовки. Сегодня можно уже безо всякой иронии отнести к высказыванию А. Эйнштейна о том, что «психология гораздо сложнее физики». Психология уже вышла к познанию многомерных человеческих миров, сложность которых превышает те четырехмерные пространства (три пространственных координаты и время) с которыми привычно имеет дело физика. Не поняв устройство этих миров, не оценив закономерности их становления, не разглядев за этими закономерностями процесс порождения человеком собственного многомерного пространства жизни, не сводимого ни к внешнему, ни к внутреннему, ни к субъективному, ни к объективному, невозможно объяснить инновационное поведение человека – поведение, превосходящее

объем сложившегося опыта, выводящее человека за пределы требований и норм, установок, стереотипов, обычаев и традиций.

В книге раскрывается проблема инновационного поведения, точнее, то, как она выглядит в ракурсе системной антропологической психологии, которая активно разрабатывается на факультете психологии Томского государственного университета, хотя она уже вышла далеко за эти пределы. Системная антропологическая психология вобрала в себя методологическую базу теории самоорганизующихся психологических систем (ТПС), которая уже не могла «вместить» разветвляющуюся сеть представлений о роли психики в саморазвитии и самоорганизации человека как открытой системы. После публикации нашей совместной книги «Самореализация личности: системный взгляд» прошло уже 10 лет, за это время были развернуты исследования в рамках проекта «Человек в условиях перемен», были подготовлены пять докторских и десятки кандидатских диссертаций. Постепенно наметился выход к истокам инновационного поведения и его регуляции. В данной книге мы сконцентрировались на теоретико-методологических аспектах изучения психологии инновационного поведения, зацепив только краешком прикладные вопросы, в частности проблемы формирования инновационной личности в условиях профессионального образования.

Авторы просят не оценивать их работу в качестве конъюнктурного ответа на актуальный социальный заказ. Хотя, как писал В.В. Налимов, надо «суметь создать свой текст, отвечающий смыслу и требованиям сегодняшнего дня», рассказчик может «изменять текст в соответствии с запросами культуры», но это не означает, что меняется дух учения – изменяется только его звучание. Своей книгой мы хотели показать, каким образом системная антропopsихология, не меняя своего духа, начинает звучать в контексте действительно важного социального запроса.

1. ИННОВАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: «МНОГОМЕРНОСТЬ» СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА И «БИНАРНЫЙ» ОТВЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

1.1. Общество и инновации: сущность социального заказа, обращенного к психологии

В попытке выделения нового раздела психологической теории и практики, названного нами «психология инновационного поведения», нет ничего искусственного или избыточно конъюнктурного. С одной стороны, для земного сообщества открылся путь инновационного развития и, кажется, что сворачивать с него оно не намерено. Понятия «инновационной экономики», «экономики, основанной на знаниях», или «интеллектуальной экономики», «новой экономики», получающее все большее распространение в экономической литературе, отражает признание того, что научные знания и специализированные уникальные навыки их носителей становятся главным источником и ключевым фактором развития материального и нематериального производства, обеспечения устойчивого экономического развития. Не случайно в современной науке «зреет понимание того, что общество стоит перед лицом нового изменения, которое несводимо к трансформации прежнего порядка, а представляет собой формирование нового социального устройства»¹.

С другой стороны, как пишет А. Адамский, «построение инновационной экономики невозможно без формирования инновационного поведения граждан. Любой вектор инновационной экономики споткнется о психологическое сопротивление граждан»². Однако, что же такое «инновационное поведение»? И почему непременно «любой вектор» инновационной экономики споткнется о психологическое сопротивление людей? Можно ли так проводить экономическую политику, чтобы она в макси-

¹ Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 34.

² Адамский А. Качество российского образования. Режим доступа: <http://www.govoritmoskva.ru/sov/081013153500.html>

мально возможной степени соответствовала бы природе человека, предполагала бы ее, и тем самым хоть в какой-то степени минимизировала ожидаемое «психологическое сопротивление»?

Вопросы эти, при всей их важности, пока не имеют обоснованных ответов. Остается не вполне понятным, что такое инновационное поведение, каковы его механизмы, что включает в себя понятие «мотивация к инновационному поведению» и какими способами эту мотивацию можно развивать. Что же касается природы человека, имея в виду ее сообразность тем или иным формам экономики, включая и инновационную экономику, то и здесь объем незнания заметно превышает объем знания. «Белым пятном», «слабым звеном», «окном уязвимости» во многих социальных проектах XX в. оказывался человек. *Он опять и опять оказывался совсем не таким, каким ему надлежало бы быть, по мнению философов и политиков*³. Исторический опыт показывает, что при больших несоответствиях экономических форм природе человека действительно возникает «психологическое сопротивление». Причем такое, что может разрушить не только эти формы, но вместе с ними и саму формацию. В свое время В.И. Ленин отметил, что крестьяне «не принимают фантастических форм хозяйствования» и попытался ввести «новую экономическую политику», т.е. форму менее «фантастическую», что означает и более сообразованную с человеком. «Не крестьянина пристраивать к сложным для его понимания экономическим формам и отношениям, а последние перестроить в соответствии с психологическими возможностями самого обыкновенного крестьянина»⁴.

Сегодня ситуация другая: инновационное поведение имеет выраженный сверхадаптивный, (сверхнормативный, нормотворческий) характер, но ведь и природу человека, если судить по тому, как он открывается в психологии, характеризует присущая ему способность выходить «за пределы» – ситуации, норм требования, себя самого. Получается, что сегодня нет необходимости приспосабливать к человеку экономические формы, поскольку здесь нет попытки ввести людей в новую экономику, партийными решениями опережая психологические возможности людей. Прежняя система, которая сделала нас такими, какие мы есть, была убеждена в том, что развитие человека идет по линии его социализации, т.е. достаточно организовывать новое социальное бытие – пусть насильно, пусть вопреки способно-

³ Малинецкий Г.Г. Синергетика. Король умер, да здравствует король. Режим доступа: http://www.keldysh.ru/departments/dpt_17/koru.html

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 372

сти человека адекватно воспринять новые «правила игры», – и это новое бытие начнет определять признаки нового сознания. С этой точки зрения, достаточно создать «инновационное бытие» и оно начнет определять «инновационное сознание», каковое и станет регулятором «инновационного поведения». Скорее мы наблюдаем другие процессы, а именно то, каким образом *саморазвитие общества приводит к продуцированию таких экономических форм, которые естественным образом соотносятся с человеческой природой* – в том числе и в той ее части, которую сами люди еще не успели в полной мере понять и оценить. Ведь не случайно приход новых экономических реалий связывают с переходом общества от технократической к антропоцентрической организации производства и экономики⁵.

Собственно здесь и образуется «зазор» – спящее в человеке трансцендентальное начало, спящее, потому что до сих пор оно оставалось не в полной мере затребованным самой организацией социально-экономического жизнеустройства, теперь предстоит будировать и активизировать, т.е. переформатировать в активность, способную проявить себя в инновационных формах поведения. По самым серьезным оценкам, само будущее России сегодня оказалось в зависимости от степени развития у людей *«стремления к самосовершенствованию и использованию своих навыков и талантов»*, а также от развития у них *«мотивации к инновационному поведению»*⁶.

Никогда ранее важнейшая государственная задача не оформлялась в столь выражено звучащих психологических контекстах. Внешне кажется, что достаточно обратиться к психологии и можно сразу получить готовые ответы на вопросы о том, что включают в себя понятия «инновационная личность», «инновационное поведение», «мотивация к инновационному поведению», «инновационный потенциал человека», как связаны между собой инновационное поведение и самореализация личности, как может быть организована образовательная среда, формирующая инновационную личность, и как организовать предпринимательскую среду, в которой эта личность может перевести свои возможности в действительность. Вопрос теперь заключается в том, насколько психология готова дать приемлемые ответы на обращаемые к ней вопросы. Тем более, что и время не терпит: в «Стратегии национальной безопасности Российской

⁵ Михеева С.Г. Интеллектуализация экономики: инновационное производство и человеческий капитал // Журнал Инновации. 2003. № 1.

⁶ Путин В.В. О стратегии развития России до 2020 года: Выступление на расширенном заседании Государственного совета 8 февраля 2008 г.

Федерации до 2020 года» (утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537) указано, что экономический рост страны «достигается прежде всего *путем развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал*». Акцентируется также, что отставание в переходе в последующий технологический уклад и *слабая мотивация в сфере инновационной политики оказывают «прямое негативное воздействие на обеспечение национальной безопасности»*.

Никогда прежде психологическое знание не обладало такой востребованностью. Однако прежде и не стояла задача удержания суверенности страны в эпоху инновационного развития земного сообщества. Поэтому, например, проблема становления инновационной личности в условиях образования – это не рядовая проблема институционально понятого образования, не уже знакомая педагогическая «головоломка», возникшая под воздействием очередного партийного заказа на формирование «нового человека» – теперь уже «инновационного». Реальность в том, что игнорирование этой проблемы (или ее недооценка) становится фактором, сдерживающим общественное развитие. Другая сторона этой реальности в том, что *проблема развития инновационной личности отражает менталитет новой эпохи, а решать ее приходится в образовательных процессах, которые и по сути своей, и по ментальности людей, их организующих, порождены уходящей индустриальной эпохой*. И эти попытки решать новые проблемы на базе старых установок происходит буквально во всех сферах нашей жизни.

Понятно, что любая проблема имеет шанс стать актуальной для науки только в том случае, если в самой науке складываются условия для ее решения. Проблема мотивации поведения и деятельности является в психологии одной из заметных и достаточно активно обсуждаемых проблем. Тем более кажется удивительным, что, судя по публикациям, именно психология откликнулась на социальный заказ гораздо менее выражено, чем, скажем, экономика, социология или педагогика. Это позволяет сделать предположение о том, что в психологической науке проблема инновационного поведения, его мотивации, детерминации, направленности и т.д., еще не вполне «вызрела» в плане ее фундированности соответствующим теоретико-методологическим обеспечением.

Более заметная реакция на проблему, которую демонстрируют другие науки, в принципе объяснима. Для экономической науки становление инновационной экономики является элементом экономической реальности, от которой нельзя уклониться. Она будет решать возникающие в

этой области проблемы своими способами, несмотря на то, что наступающая «новая экономика» имеет явно выраженным антропоцентрированный крен, подталкивающий экономику на контакт с науками, имеющими непосредственный выход к антропологии (философской, педагогической, психологической и т.д.), и независимо от того, насколько эти науки способны сегодня оправдать обращенные к ним ожидания.

Ясно, что социология, постоянно имеющая дело с «человеческим фактором», найдет свое место в выявлении всякого рода барьеров (в том числе психологических), мешающих осуществлению социально-экономических преобразований, и доступными ей средствами, так или иначе, выделит проблему инновационного поведения человека, организации, предприятия, социума.

Педагогика уже давно исследует инновационные процессы в образовании, которые возникли самопроизвольно и достаточно стихийно – скорее как предчувствие наступающих перемен. Только сегодня педагоги стали осознавать опережающий характер собственных образовательных инноваций и инициатив. Это осознание проявляется в замыкании связи: все чаще инновационное образование (т.е. «новое», отличное от «старого») понимается как образование, направленное на подготовку «инновационной личности», формирование человека с высоким «инновационным потенциалом», обладающего «инновационным сознанием», «инновационной культурой» и т.д.

Однако необходимо отметить, что вся эта многослойная и полидисциплинарная по сути проблема инновационного поведения все еще остается в ожидании вклада, который должна внести в ее решение научная психология. Почему это происходит? Наверное потому, что заказ пока превышает возможности его адекватного принятия конкретной наукой. Тут открывается основное противоречие. На актуальный запрос психология дает пока ответы, представленные в бинарной логике, т.е. ответы, в которых инновационное поведение и его мотивация выступают в логике бинарных оппозиций, представленных либо внешними побудительными причинами, либо внутренними причинами в виде стремления к творчеству, уходу от монотонии стереотипных действий, вдруг возникающих позывов к проявлению инициативы, неожиданно актуализирующейся потребности к самоактуализации и т.д. Связано это с тем, что в психологии еще жива отмеченная А.Г. Асмоловым классическая традиция «означивать» неадаптивное (сверхадаптивное) поведение как патологию, и еще актуальна установка на обсуждение проблем в рамках логических дихо-

томий и бинарных конструкций (внешнее – внутреннее, объективное – субъективное, психическое – физическое, социализация – индивидуализация, развитие – формирование и т.д.)⁷. Думается, однако, что при условии сохранения этих бинарных конструкций, своеобразно ориентирующих мышление психологов, можно решить много разных проблем, но *проблема мотивации инновационного поведения в бинарной логике не только не может быть решена, но даже адекватно поставлена.*

Иными словами, озадачивающая психологов новизна социального заказа заключается в том, что на этот раз он вовсе не реанимирует привычную проблему поиска оптимального соотношения между материальным (внешним) и моральным (внутренним) стимулированием человеческого труда, которую психология всегда легко переводила в многозначительные рассуждения о внутренней и внешней мотивации. Психологи Запада принимали участие в разработке системы организации труда и управления производством, основной на принципах Ф.У. Тейлора, которая привела к разделению труда, максимальной рационализации движений и внедрению сдельной заработной платы. Отечественные психологи привлекались для доказательства преимуществ внутренней мотивации: на материальное стимулирование средств откровенно не хватало. «Труд в СССР есть дело чести, славы, доблести и геройства» – сталинские слова, произнесенные 27 июня 1930 г. на XVI съезде ВКП(б), на долгие годы определили направленность исследований в области организации «социалистического соревнования», как источника актуализации внутренней мотивации. С тех пор многое изменилось, осталось только постоянство, проявляющееся в тяготении психологических исследований к бинаризму.

Например, в психологической литературе можно обнаружить огромное количество работ посвященных мотивации трудовой деятельности, но основной их массив посвящен частным проблемам и, как правило, отражает методологические установки исследователей, но установки эти либо полярны, либо направлены на поиск «единства» внутри биполярного континуума. Способствует этому вовсе не изжившее себя *понимание психики как того, что обеспечивает «приспособление человека к меняющейся среде в процессе ее отражения», при том, что инновационное поведение направлено как раз на изменение среды путем изменения своего поведения.* И не сильно мешает этой классической позиции специфичная для неклассической психологии позиция, в силу которой человек

⁷ Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.

понимается как самоактуализирующееся, саморазвивающееся, самореализующееся существо. Остается не понятной предзаданность самоактуализации и самореализации, выступающих как формы активности, изначально присущие самой человеческой природе. Скрыто проступает здесь все тот же бинарный взгляд, который просто не виден за этим позитивным флером человеческой «трансценденции». Самоизменяющемуся миру, к которому нужно приспосабливаться, противостоит самоизменяющийся человек, к которому не успевает приспособиться мир, изменяемый по субъективным «меркам» самореализующегося существа. Тем не менее, неклассическая психология, реально осуществляет переход к тернарному мышлению. Ее можно рассматривать как зону перекрытия между двумя парадигмальными установками, зону перехода от бинарного способа мышления к многомерному. Ю.М. Лотман по поводу такого же перехода в социальных системах отметил «своеобразие момента: сам переход мыслится в традиционных понятиях бинаризма»⁸.

Пока же сущность инновационного поведения не может объяснить ни одна из современных зарубежных теорий мотиваций, большинство из которых легко укладывается между полюсами, представленными теорией иерархии потребностей Абрахама Маслоу и теорией усиления мотивации Берреса Скиннера. Если бы это входило в задачу нашей работы, то можно было бы показать, что в этот бинарный континуум легко укладываются теория потребностей существования, роста и связей Клейтона Альдерфера, теория приобретенных потребностей Дэвида Макклелланда, теория двух факторов Фредерика Герцберга, теория трудовой мотивации Джона Аткинсона, теория ожидания Виктора Врума, теория постановки целей Эдвина Локка. Не случайно все эти теории практически не касаются проблем мотивации инновационного поведения. Разница между ними заключается в той роли, которую они отводят внутренней или внешней мотивации в их влиянии на такие показатели поведения, как направленность, организованность, активность и устойчивость.

Наука все еще путается в бинарных конструкциях, делая упор то на «внешней мотивации», то на «внутренней», выделяя полярные конструкты в виде «субъективной реальности» и «объективной реальности», «гомеостаза» и «гетеростаза», «Я» и «не-Я», «субъективной реальности» и «объективной реальности», «адаптивного поведения» и «неадаптивного поведения» и т.д. Можно понять стремление ученых уложить все слож-

⁸ Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. С.146.

ность человека и его многомерного бытия между относительно постоянными биполярными шкалами, когда «любой персонолог может обозначить свою позицию в виде определенной точки между этими крайними полюсами»⁹. Л. Хьелл и Д. Зиглер, авторы книги «Теории личности» – труда объемного, основательного и крайне полезного для профессиональных психологов – раскрывают бинарные положения в виде континуума с двумя экстремумами (например, свобода расположена на одном полюсе первого континуума, а детерминизм на противоположном полюсе этого же континуума). Авторы понимают, что категории, образующие эти положения, следовало бы рассматривать скорее как два противоположных друг другу класса, чем в виде континуума (например, люди или свободны, или управляемы). Однако они предпочитают говорить о континууме, поскольку, по их мнению, среди персологов имеются большие различия: «скажем, ученый А полагает, что люди более свободны, чем считает ученый Б». Таким образом, желательно рассматривать исходные положения в виде континуума, благодаря чему будет легче устанавливать существенные различия между самими теоретиками»¹⁰. Безусловно, это облегчает улавливание различий между теоретиками, но при этом из поля зрения вовсе выпадают великолепные умы, которые ценой большого напряжения (и с большим риском остаться непонятыми), вывели себя за пределы бинарных шкал в многомерную методологию.

Если классическая психология склонна вовсе не замечать сверхадаптивный характер инновационного поведения, ибо не выходит из адаптивных схем понимания роли психического, то неклассическая психология, безусловно, делает шаг в направлении выделения тернарных систем. Здесь инициативное, сверхадаптивное, открытое, творческое, нестандартное, сверхнормативное поведение иногда еще рассматривают как особую форму «отклоняющегося» поведения, но уже многими исследователями оно рассматривается как нормальное поведение человека, обусловленное его человеческой сущностью и обуславливающее ее. Как признак перехода в новую методологию мышления в неклассике появляются «многомерные человеческие миры», обеспечивающие возможность многомерного бытия человека, анализируются «жизненные миры» разной сложности, выделяются особым образом организованные «жизненные пространства». В лице неклассической психологии наука осваивает идеологию многомерности и постепенно начинает искать побудительные

⁹ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1999. С. 40.

¹⁰ Там же. С. 40.

причины поведения уже не во внутреннем или внешнем, а в том системном их единстве, которое давно уже своим афоризмом выразил Гёте: «нет ничего у нас внутри, всё, что внутри, то всё снаружи».

Здесь нужна особая логика многомерности, при этом нельзя сказать, что человечество только сегодня ее обретает. Например, она уже около двух тысячелетий пробивается к нам через религиозные документы: «Иисус сказал: ...царствие внутри вас и вне вас...и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону... – тогда вы войдете в [царствие]». И словно обращаясь к современным психологам, все еще пытающимся изучать психику и самого человека с точки зрения «субъективной реальности»: «Почему вы моете внутри чаши (и) не понимаете того, что тот, кто сделал внутреннюю часть, сделал также внешнюю часть?»¹¹. Психологи все «моют внутри чаши», пытаясь остаться в пространстве сугубо личного субъективного мира опыта, задавая вопрос, не этот ли мир оказывает решающее влияние на поведение людей? И тут же следует дополнение: «или на их поведение влияют прежде всего, если не исключительно, внешние, объективные факторы?»¹².

Самое поразительное, что эти вопросы задают ученые, делающие аналитический (и достаточно глубокий) обзор почти всех современных теорий личности, которые, как становится понятным, легко дифференцируются по тем предпочтениям, которое отдается в них внутреннему или внешнему, субъективному или объективному в организации поведения человека.

«Если проблема веками не решается, то необходимо изменить то мышление, с помощью которого мы над ней работаем», – пишет А.Г. Асмолов в своих комментариях к тексту Д.Н. Узнадзе¹³. Действительно, как с помощью бинарной логики можно не то чтобы ассимилировать, но просто хотя бы выявить, объективировать более сложные ходы мысли? Например, мысль Д.Н. Узнадзе, к которой он пришел, последовательно анализируя сменяющие друг друга теории эмпиризма, нативизма, конвергенции, своеобразно устанавливающие взаимосвязи между внешним и внутренним в поведении и развитии человека. «Таким образом, понятие внутреннего уже содержит в своем содержании то, что считают внешним,

¹¹ *Апокрифическое «Евангелие от Фомы».*

¹² *Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. СПб : Питер, 1999. С. 40*

¹³ *Узнадзе Д.Н. Антология гуманной педагогики. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2000. С. 110.*

и наоборот, понятие внешнего – то, что считают внутренним. Это значит, что размежевание содержаний этих понятий совершенно невозможно, и, следовательно, перед нами стоит факт коинциденции, единства понятий внутреннего и внешнего, врожденного и приобретенного». Далее он утверждает, что и идея «размежеванности» и самостоятельности внутреннего и внешнего по отношению друг к другу, которая является аксиоматической основой всех этих теорий, «совершенно не соответствует действительному положению дела: это – ошибочная идея и не может быть пригодной в качестве предпосылки для теоретического рассуждения»¹⁴.

Какое отношение имеет этот новый ход мысли к психологии инновационного поведения? Для этого надо проникнуть в глубину сказанного: «Во внутреннем уже четко включено внешнее, но, с другой стороны, внешнее... подразумевает определенную структуру, на которую оно может воздействовать»¹⁵. Д.Н. Узнадзе понимал, что он вышел к решению проблемы «актуализации и развития сил человека», причем не традиционным путем разделения внутренних или внешних воздействий на человека, но путем такой организации внешних воздействий (воспитание), что эта актуализация оказывается целиком зависящей от того, «насколько правильно найдена основа именно этих внешних воздействий, которые определяют их внутреннюю структуру. Согласно изложенной теории, перед воспитанием раскрываются широчайшие перспективы»¹⁶. Для того чтобы внутренние силы активизировались и пришли в действие, необходима коинциденция – соответствие между тем, что внутреннее предполагает и тем внешним, которое этим внутренним предполагается. Но разве актуализация и развитие сущностных сил человека не определяет стержень всей проблематики психологии инновационного поведения?

Не внутреннее и внешнее в их самостоятельности, а присутствие внешнего во внутреннем, предопределяющее его (внутреннего) ближайшее будущее. Значит и *будущее присутствует в настоящем*. Это переворот мысли является знаковым: он означает еще один переход к многомерному мышлению, и столь же труден для осмысления. Этот переход осуществляет в своем творчестве А.А. Ухтомский и тут же выпадает из поля зрения современников: их «бинарное сито» отсеивает идеи вышестоящего уровня. «Человеческое понятие и образ реальности всегда есть *проект и предвиде-*

¹⁴ Узнадзе Д.Н. Антология гуманной педагогики. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2000. С 110–111.

¹⁵ Там же. С 110.

¹⁶ Там же, С. 115.

ние предстоящей реальности... Мысль человека это уже начатки действия и проекты, так или иначе могущие осуществиться и направленные на то, чтобы осуществиться»¹⁷. Поистине прав мудрый Ницше: если тебя не замечают, значит, ты невысоко взлетел над своим временем.

Так поднимается на новый уровень мышления мысль Л.С. Выготского, и он тут же становится «таинственным», «загадочным», «романтическим» методологом, одним словом «Моцартом в психологии» – с легкой руки Ст. Тулмина. Но разве может пройти сквозь это «бинарное сито» мысль о том, что «актуально воспринимаемые элементы настоящей ситуации включаются в одну структурную систему с символически представленными элементами будущего» и это создает «совершенно новое психологическое поле для действия, ведя к появлению функций образования намерения и спланированного заранее целевого действия»¹⁸. Будущее присутствует в настоящем, порожаемое этим присутствием «совершенно новое поле действия» и образование намерений, целеобразование, связанное с динамикой «психологического поля», – разве это не описание того, как зарождается инновационное поведение? Уже на исходе жизни Л.С. Выготский наметит пути окончательного вывода своей теории за пределы бинарной логики: надо избавиться от параллелизма в диаде «внешнее поле – смысловое поле», взять их «в едином плане», иначе не выйти к «динамике сорта *flus sig*» (текучей динамике. – В.К.)¹⁹.

Итак, выделяется третий момент, усложняющий всю процедуру выхода к многомерному мышлению – «текучая динамика», к которой нельзя подобраться, оперируя бинарными конструкциями «внешнее – внутреннее», «прошлое – настоящее», «настоящее – будущее», «гомеостаз – гетеростаз». А без выхода в эту «текущую динамику» совершенно не понять природу и происхождение инновационного поведения, которое зарождается в условиях сложившихся и устоявшихся поведенческих актов, ценностно-смысловых нормативов и установок. «Крайняя трудность для мысли взять предмет в его текучести», – прав А.А. Ухтомский²⁰.

Что обуславливает эту трудность? Стереотипы нашего собственного мышления, то предпочтение, которое отдается в нем бинарным построениям путем выделения противостоящих между собой диад – как по от-

¹⁷ Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. Рыбинск, 1997. С. 249.

¹⁸ Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1984. Т. 6. С. 49.

¹⁹ Завершинева Е.Ю. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 120–135.

²⁰ Ухтомский А.А. Доминанта души. Рыбинск, 2000. С. 79.

ношению к пространству («субъективная реальность – объективная реальность», «внутренний мир – внешний мир»), так и по отношению ко времени («прошлое – настоящее», что и означает собой «до», и «настоящее – будущее», что и означает «после») и такой диаде, как «пространство – время». Текучая динамика (становление, *порождение нового*) диадами не фиксируется – она в них просто не вмещается. Можно возразить, ссылаясь на авторитет Ж. Пиаже, что согласно его исследованиям четырехлетний ребенок оценивает «до» и «после» в соответствии с пространственной последовательностью, т.е. он органичен и целостен в своей пространственно-временной организации. На это можно ответить, что такая «целостность» и не позволяет ему быть самостоятельным. Он и целостен потому, что пространство и время у него еще не дифференцированы, да и само пространство его жизни еще далеко не так многомерно, как у взрослого (нормального) человека.

Драма ученого-психолога заключается в том, что он, уже владея сложившимися представлениями о пространстве и времени, о внутреннем мире и мире внешнем, должен снова выйти к их единству (со-бытию), но уже на уровне мыслителя, который, пользуясь дифференцированными понятиями, отталкиваясь от них, выходит к другим понятиям, с помощью которых можно реконструировать то исходное единство мира и человека, которое оказалось разорванным этими же дифференцированными понятиями. Иными словами, преодолевая логику бинаризма, мышление должно подняться к реальной многомерности человеческих миров, устойчиво существующих только в динамике их становления, самодвижения, саморазвития.

Таким образом, наша наука оказалась в эпицентре гораздо более широких «подвижек», чем может представить себе психолог, профессионально решающий конкретную научную задачу с помощью принятых им когда-то методологических установок, направляющих его мышление. «В настоящее время осуществляется переход к принципиально новой парадигме мышления – многомерности. Этот переход предполагает, – как справедливо считает В.Л. Алтухов, – революцию в категориальном каркасе научного и философского знаний, поиск иных их логико-методологических оснований»²¹. Многие задачи можно решить, оставаясь на позициях зарекомендовавших себя парадигм. Может это звучит тавтологично, но для постановки и решения проблемы истоков инновационного поведения человека, его мотивации и направленности, сама психология нуждается в идеях, иннова-

²¹ Дрюк М.А. Современные концепции многомерности как новой парадигмы мышления // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2002. № 2. С. 30–46.

ционных по существу. По большому счету, речь идет о том, каким образом человек оказывается способным превращать внешние условия в пространство для самодвижения, причем таким образом, что саморазвитие становится фактором, обеспечивающим устойчивость многомерного бытия человека в создаваемом им самим многомерном мире.

С познанием природы человека дело обстоит точно так же, как и с познанием природы (миссии) психики. Накопление знаний о психических явлениях всегда сопровождалось попытками через это знание угадать предназначение психического. Сегодня вопрос переориентируется: надо понять то целое (человек), элементом которого является психика и тогда, может быть, откроется и ее природа, поскольку она именная такая, которая и требуется человеку для выполнения им своего предназначения. Иными словами, как только вопрос заходит о природе явления, необходимо подниматься в более высокую систему, которой и обуславливается природа составных частей. Вопрос о природе человека решается через выявление роли и места человека (разума) в космическом универсуме. Пока же приходится довольствоваться тем, что есть, т.е. опираться на тот предельный образ человека, который сложился на сегодняшний день, и на те инструменты познания, которые определяются сложившимся уровнем культуры мышления.

Выход за пределы бинарной логики в многомерную логику как раз и продиктован повышением уровнем системности мышления исследователей. Имеется в виду, что *простые системы являются доминирующими объектами исследования в классической науке, сложные саморегулирующиеся системы – в неклассической, а сложные саморазвивающиеся системы начинают доминировать в качестве объекта в науке постнеклассической*²². Проблема инновационного поведения, как уже упоминалось, напрямую связана с саморазвитием человека, с самореализацией как формой, в которой выступает саморазвитие для самого человека и тех, кто пытается его исследовать. В такой форме подан и социальный заказ: если вновь вернуться к уже цитированному документу, то можно обратить внимание на то, что в нем мотивация к инновационному поведению совмещена с самосовершенствованием и использованием своих навыков и талантов²³. Наука с большим трудом выходит за рамки классической традиции рассматривать поведение человека в пределах «психологиче-

²² Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Режим доступа: http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml

²³ Путин В.В. О стратегии развития России до 2020 года: Выступление на расширенном заседании Государственного совета 8 февраля 2008 г.

ского гомеостаза», опирающегося на идеи динамического равновесия (достигаемого и путем приспособления, адаптации к среде). Использует гомеостатические схемы и неклассическая наука. Гомеостаз, как известно еще от У. Кэннона, характерен для *сложных саморегулирующихся систем* и сущность его заключается в поддержании важных для сохранения системы параметров в допустимых пределах. Однако если адаптационное поведение еще можно описать в терминах стремления системы к восстановлению *состояния равновесия* со средой с помощью саморегуляции, то для инновационного поведения главными являются не параметры, обеспечивающие устойчивое состояние системы, но такие параметры, которые обеспечивают устойчивость протяженного во времени *процесса изменений*. Гомеорез (К.Х. Уоддингтон) представляет собой *стабилизированный поток*, а не стабилизированное состояние²⁴.

Гомеорез как раз и есть то, что можно представить в качестве третьего члена, дополняющего диаду «гомеостаз – гетеростаз». Но разве это не то самое, о чем писали Л.С. Выготский про «динамику сорта flussig» (текущую динамику), А.А. Ухтомский, утверждая, что «крайняя трудность для мысли взять предмет в его текучести», или то, что открывает в своей «теории потока» один из основателей позитивной психологии М. Чиксентмихайи? О чем говорят нам как эти ранние, так и современные попытки мыслить в логике гомеореза?

Наверное о том, что в психологии уже давно наметились тенденции движения мысли к тому, что называют сегодня «постнеклассический идеал рациональности», и в этом проявляется саморазвитие науки как открытой системы. Следовательно, рассматривая процесс становления психологического познания транспективно²⁵, т.е. представив науку в качестве открытой саморазвивающейся системы, можно объективировать внутренние тенденции ее развития и тем самым доказать, что они, эти тенденции, непосредственно выводят науку к постановке и решению широкого спектра проблем, связанных с нормотворческими возможностями человека, со сверхадаптивной природой его собственно человеческой сущности. Инновационное поведение знаменует собой процесс перехода возможностей человека в действительность, а такой переход и есть не что иное, как саморазвитие. Сверхадаптивное поведение (инициированное возможностями, а не актуальными потребностями из числа периодически

²⁴ Уоддингтон К.Х. Основные биологические концепции // На пути к теоретической биологии I. Прологомены. М.: Мир, 1970. С. 11–38

²⁵ Сущность транспективного анализа будет раскрыта в других параграфах.

насыщаемых) имеет глубокий смысл: с его помощью человек удерживает себя в режиме саморазвития, итогом которого является расширяющееся и обретающее новые измерения пространство жизни.

Далее мы попытаемся показать, как выглядит проблема инновационного поведения в ракурсе системной антропологической психологии. Это направление психологической науки изначально выстраивалось в ориентации на многомерную логику в понимании человека и его психики. Оно развивает системные идеи культурно-исторического подхода и при этом отвечает идеалам постнеклассической рациональности. В нем используется логика гомеореца, в рамках которой получает объяснение гетеростатическая природа человека, истоки его стремления к самореализации, созиданию новых поведенческих норм.

Иными словами, системная антропологическая психология предоставляет все необходимые теоретико-методологические основания для выявления природы инновационного поведения, структуры инновационной личности, природы инновативности человека. Для того чтобы читатели могли пользоваться не просто готовыми теоретическими выводами и обобщениями, на которых базируется прикладные и практические разработки, но попытаться проникнуть в то мышление, которое реализуют создатели и разработчики указанного направления, следующая глава будет посвящена методологическим основаниям и принципам системной антропологической психологии. Хотелось предупредить читателя, что в рамках понимания человека как сложной саморазвивающейся (и самоорганизующейся) системы, психика, сознание, да и все такие знакомые «психические свойства, состояния и процессы» получают другое содержательное наполнение, и к этому надо быть готовым. Пока же остановимся на определении понятия «инновационное поведение» и покажем, что в динамике становящегося понятия отражается то, как развивается научная мысль за пределы бинарной логики.

1.2. Инновационное поведение: определение понятия

Самое распространенное и часто цитируемое (хотя бы в сети Интернет) определение инновационного поведения, занесенное в словари и справочники, дано социологами. «Инновационное поведение – инициативный тип индивидуального или коллективного поведения, связанный с систематическим освоением социальными субъектами новых способов деятельности в различных сферах общественной жизни либо созданием новых объ-

ектов материальной и духовной культур. Являясь средством осуществления инноваций социальных и относясь к активным типам поведения, инновационное поведение выступает основным способом развития индивида, коллектива, сообщества»²⁶. Автор статьи в «Социологическом словаре» О.В. Кобяк полагает, что в условиях полноценного функционирования социально-экономических закона разделения труда и закона перемены труда, а также их «катализатора» – закона конкуренции, инновационное поведение становится естественным, массово востребованным, стратегическим типом поведения, который обеспечивает его носителям широкий спектр возможностей для легального развития соответственно вложенным усилиям. Когда же действие объективных социально-экономических механизмов подвергается жесткому искусственному ограничению со стороны управляющих надсистем (например, государства), то в этой ситуации существует опасность трансформации инновационного поведения в псевдоинновационное. Далее полагается, что названный тип поведения связан с постоянным поиском и апробацией наиболее эффективных тактических поведенческих моделей, в том числе полуправовых и неправовых, которые отвечают истинным интересам конкретного социального субъекта и обеспечивают ему возможность индивидуального выживания при сохранении автономности и относительной независимости от регламентирующих его деятельность надсистем. С нашей точки зрения, важно учесть понимание инновационного поведения в качестве основного способа развития индивида, коллектива, сообщества.

Иногда инновационное поведение определяют в контексте других понятий, в которых оно проявляется, таких как «инновационные настроения», «культура инноваций», «инновационное сознание», «инновационное мышление». «Инновационный образ мышления является, с одной стороны, предпосылкой формирования инновационной культуры социального субъекта, а с другой – он сам развивается на основе содержащихся в культуре норм и правил организации нововведений. Внешним проявлением мыслительных процессов по поводу осуществления инноваций выступает инновационное поведение индивидуальных или коллективных социальных субъектов, связанное с обновлением способов либо преобразованием объектов их деятельности»²⁷.

²⁶ *Инновационное поведение* // Кобяк О.В. Социологический словарь. Режим доступа: http://murslovarei.com/content_soc/INNOVACIONNOE-POVEDENIE-11379.html

²⁷ *Социология инноваций* // Кобяк О.В. Социологический словарь. Режим доступа: http://murslovarei.com/content_soc/SOCIOLOGIJA-INNOVACIJ-10671.html

Можно выделить достаточно распространенные определения инновационного поведения, в которых оно рассматривается как реакция человека на происходящие вокруг него перемены. «Инновации – это произвольные или целенаправленные (чаще всего прогрессивные) изменения, происходящие в организационно-трудовой сфере или косвенно ее затрагивающие. Индивиды и группы определенным образом воспринимают инновационный процесс и инновационную ситуацию, соответствующе реагируя на них, что и определяет саму *проблему инновационного поведения*»²⁸. Связь инновационного поведения с реакциями людей на происходящие изменения в окружающем мире подчеркивает вторую половину проблемы, когда человек не свободно реализует свои возможности, переводя их в действительность (что и означает саморазвитие), но вынужден формировать и проявлять новые поведенческие акты в изменившихся условиях.

Интересно, что и психологи иногда разделяют с социологами понимание инновационного поведения как реакции на перемены. «Инновационное поведение представляет собой действие, где проявляются личностные отношения субъекта к происходящим переменам». Правда, на деле уже говорится о связи инновационного поведения с готовностью к самосовершенствованию. «Выбор инновационного поведения зависит от уровня инновационной предрасположенности, потенциала каждого конкретного субъекта. Инновационный потенциал педагога – совокупность социокультурных и творческих характеристик личности преподавателя, выражающих готовность совершенствовать профессионально-педагогическую деятельность и наличие внутренних, обеспечивающих эту готовность средств и методов»²⁹.

Во многих работах инновационное поведение рассматривается как функция сознания, которое в связи с этим приходится называть «инновационным». Например, «инновационное сознание человека является непосредственным регулятором его инновационного поведения. Инновационное поведение играет важную роль в осуществлении нововведений, способствуя либо не способствуя этому процессу. Высшей формой инновационного поведения является самостоятельная разработка новшеств и их активное внедрение»³⁰. Отсюда вытекает, что развитие инновационного

²⁸ *Инновационное поведение*. Режим доступа. <http://rrix.ru/innovacionnoe-povedenie/>

²⁹ *Психолого-педагогическое сопровождение реализации инновационных образовательных программ* / Под ред. Ю.П. Зинченко, И.А. Володарской. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 14.

³⁰ *Павлова Е.Г.* Развитие инновационного сознания в подготовке современных специалистов // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Подготовка научных кадров высшей квалификации

сознания, непосредственно регулирующего инновационное поведение человека, должно лежать не только в основе системы подготовки современных специалистов, но «первичные инновационные элементы» в процессе образования должны внедряться уже в школе на базе профориентации учащихся. Обучение, включающее «компоненты инновационности», полагает Е.Г. Павлова, позволяет школьникам почувствовать тягу к новым знаниям. Вузовское образование должно стимулировать стремление к овладению инновационными технологиями, мотивировать студентов к инновационной деятельности. Тогда на выходе мы получим специалистов с «инновационной доминантой», которые, продолжая свою научно-исследовательскую работу, становятся кадрами высшей квалификации с инновационными, перспективными, передовыми взглядами, обеспечивающими инновационный путь развития экономики и страны в целом

Можно отметить подход к пониманию инновационного поведения как формы «отклоняющегося поведения». В таком подходе еще звучит мысль о некоторой ненормальности, деструктивности сверхадаптивного поведения, свойственная классической психологии, но уже просвечивает неклассическая по сути мысль о социальной значимости сверхадаптивных форм поведения, в том числе и инновационного поведения. И.В. Романенко определяет отклоняющееся поведение как форму дезорганизационного поведения индивида или группы, которая противоречит, расходится с общепризнанными либо узаконенными нормами и правилами конкретного социума (общества). Анализируются два типа отклоняющегося поведения (деятельности):

- *инновационное* поведение, связанное с выдвижением и реализацией новых идей, разработок, инициатив, средств и методов получения новых результатов, способствующих преодолению рутинных, консервативных компонентов, элементов традиционной деятельности;

- *девиантное* поведение, под которым понимается деятельность людей, которая нарушает устоявшиеся нравственные и правовые нормы, не соответствует социальным ожиданиям и имеет негативные социально – экономические и нравственно – духовные последствия.

При этом признается, что «творчество есть способ бытия инновационного поведения», которое, тем не менее, имеет значительное место и в девиантном поведении. Объединяет их наличие одних и те же биолого-

психологических корней и даже некоторая схожесть внешних признаки проявления. Различие же составляет только их социальная сущность и направленность – они полярны. «Если девиантная деятельность, особенно в своих социально опасных формах (терроризм, оргпреступность, наркомания, алкоголизм, проституция, суицид) совершается за счет общества в интересах обогащения отдельных лиц или групп, то творчество в инновационной сфере – во благо личности, всего общества и всего человечества». Вывод, к которому приходит И.В. Романенко, следующий. «Чем выше уровень и качество, объем легитимной творческой деятельности, тем выше динамика прогрессивного развития общества, тем быстрее решаются назревшие проблемы и, наоборот, чем выше уровень творчества у девиантов, тем деструктивнее и опаснее для общества, а сегодня и всего человечества, их деятельность»³¹.

Со многим здесь можно согласиться, особенно с тем, что касается социального критерия, необходимого для различения инновационных форм в многообразии творческих проявлений. Но трудно принять идею отсутствия отличий между двумя формами поведения в психологическом плане. Выходить за пределы личных норм – это нормально для человека и соответствует его гетеростатической природе. Человек живет в режиме саморазвития, каковой и является для него способом сохранения устойчивости бытия. Проблема в том, чтобы его растущие личные нормы не переросли бы требования социальных (правовых) норм. Но и последние тоже иногда надо менять, соотнося с изменяющимся инновационным потенциалом общества.

Здесь необходимо учитывать, что «инновационное поведение – не приспособление, а максимальное развитие своей индивидуальности, самоактуализации... если кто-то отказывается от части своих ценностей и идеалов, он нарушает свою моральную и интеллектуальную целостность, становится несчастным, утрачивает свободу. Свобода предполагает уважение себя, как личности»³². Е.И. Каменкова указывает на то, что в обществе «существуют» специальные приемы, блокирующие инновационную деятельность, но развитие общества требует от человека (речь идет об учителе) инновационного поведения, то есть активного и систематического творчества в педагогической деятельности.

³¹ Романенко М.В. Отклоняющееся поведение и творчество // II Всерос. Науч. Конф. «Сорокинские чтения-2005. Будущее России: стратегии развития». 14–15 декабря 2005 г. Москва

³² Каменкова Е.И. Проблема подготовки педагогических кадров к инновационной деятельности. Режим доступа. <http://festival.1september.ru/articles/516438/>

В близком для нас контексте звучат слова В. Исакова – вице-президента Торгово-промышленной палаты РФ. «В ней (жизни) сегодня немало трудностей и противоречий, но и огромное количество возможностей – политических, экономических, социальных, научных, технических. Найти их, правильно понять и воплотить в жизнь с пользой для себя и для других людей – это и будет, как мне кажется, современным инновационным типом поведения»³³.

Наше понимание инновационного поведения связано с определением человека как целостной открытой саморазвивающейся системы. Мы приведем его по ходу развития в книге представлений о том, что мы вкладываем в это понятие. С нашей точки зрения, ответ на вопрос о том, что включает в себя понятие «инновационное поведение», необходимо искать путем обращения к этому целостно понятому человеку. Каждая наука стремится превратиться в некую упорядоченную систему (понятий, принципов, знаний, способов познания и т.д.), и это стремление вполне оправдано. Дело в том, что «понятие никогда не может быть определено в его единичности и обретает полную научную завершенность лишь посредством установления его связи с целым»³⁴. Признавая правоту Шеллинга, необходимо согласиться и с тем, что в психологии пока отсутствует представление об этом «целом», в силу чего и понятия продолжают сохранять свой статус единичности, а потому еще далеки от искомой «научной завершенности». Более того, до сих пор еще теплится иллюзия того, что можно каким-то способом привести понятия в систему и тогда перед нами предстанет то самое «целое», различные части, детали, стороны, аспекты которого улавливали (фиксировали, объективировали) эти единичные понятия. Идея фантастическая по сути, но удивительно живучая – за неимением других.

Совокупность референтов, стоящих за неупорядоченным множеством единичных (научно незавершенных) понятий никогда не сможет образовать нечто завершенное (целостное, системное), которое, возникнув, станет тем основанием, посредством которого исходно незавершенные понятия потеряют свой статус единичности. Бороться с этой иллюзией бессмысленно: наука избавится от нее сама, но только тогда, когда сможет подняться от эмпирически определенного понимания своего предмета к теоретически (системно) определенному представлению о нем. До сих пор мы

³³ Исаков В. Когда мы поймем, что идеи – это ценность. Режим доступа: http://www.russia-today.ru/2008/no_08/08_economics_02.htm

³⁴ Шеллинг Ф.В.И. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 87.

обозначаем это целое далеко не завершенным понятием «психологическая реальность», получая в результате удовлетворение от мысли, что разнообразие разномасштабных, не интегрируемых между собой моноаспектных теорий, которыми представлена современная психология, позволяет считать психологию наукой, поскольку все эти теории раскрывают разные стороны, грани одного предметного поля, именуемого «психологическая реальность». Будучи самым неопределенным понятием нашей науки, «психологическая реальность», тем не менее, пытается занять в ней место системообразующего фактора. Когда ей это удастся, исчезает возможность анализа того, как бьется психологическая мысль в попытках выйти за пределы бинарных оппозиций, как в этой борьбе постепенно нарастает уровень системности мышления в психологии, как при этом падает оптимизм, связанный с идеей открыть, наконец, миссию и роль психики в процессе изучения ее самой, т.е. этой таинственной «психологической реальности».

1.3. Опыт преодоления бинарных оппозиций в психологии

В целях выявления позитивного опыта, накопленного наукой, необходимо осуществить анализ тех теоретических заделов, которые существуют в современной психологии, и которые возникли в результате попыток выхода науки за пределы объяснительных схем «психологического гомеостаза». Можно показать, что причиной таких попыток является тот факт, что способность человека к инновационному поведению была замечена давно, но представители различных научных школ выделяли разные его характеристики, не улавливая при этом, что это всего лишь частные признаки и проявления некоего целого – системного феномена, который сегодня называют инновационным поведением. Так возникали во многом пересекающиеся, но имеющие свою специфику теории «открытого поведения», «инициативного поведения», «креативного поведения» и такие показатели поведения, как нешаблонность, сверхнормативность, нестереотипность, надситуативность, гетеростазичность и т.д.

Поднимая проблему открытого поведения, следует, прежде всего, переопределить само понятие. Для этого стоит противопоставить понятие «открытое поведение», ранее других употребленное Б.Скиннером, ярким представителем бихевиоризма, а потому тяготеющее к биологическим метафорам и «открытое социальное поведение», разработанное в социологии М. Вебером.

Теория Скиннера, как это и принято в поведенческой психологии, не делает попыток задавать вопросы или рассуждать о процессах внутреннего состояния человека. С точки зрения бихевиоризма, это считается неприменимым к научному объяснению поведения. Для того чтобы избежать замечания, что описание есть объяснение, Скиннер утверждал, что человеческий организм – это «черный ящик», чье содержимое (мотивы, влечения, конфликты, эмоции и так далее) следует исключить из сферы эмпирического исследования. Переменные организма ничего не добавляют к нашему пониманию человеческой деятельности и служат только для того, чтобы замедлить развитие научного анализа поведения. По Скиннеру, адекватные толкования можно сделать, не обращаясь к каким-либо иным объяснениям, кроме тех, что отвечают за функциональные отношения между различными стимулами и поведенческими реакциями, открыто проявляемыми человеком. Однако Скиннер не отвергал категорически изучение внутренних явлений или того, что иногда называют «высшими психическими процессами». Действительно, он полагал, что психологи должны давать адекватные объяснения частным явлениям, но необходимо, чтобы эти изучаемые явления можно было надежно и объективно измерить. Именно этот акцент на объективность характеризует попытку Скиннера признать законность внутренних состояний и явлений.

Скиннер допускал, что поведение можно достоверно определить, предсказать и проконтролировать условиями окружения. Понять поведение – значит проконтролировать его, и наоборот. Он всегда был против допущения какой-либо свободной воли или любого другого «сознательного» явления. Люди, по своей сути, очень сложные, но все же машины. Хотя он и не был первым психологом, предложившим механистический подход к изучению поведения, его формулировка отличалась тем, что он доводил идею до ее логического конца. По Скиннеру, наука о поведении человека принципиально не отличается от любой другой естественной науки, основанной на фактах; то есть имеет ту же цель – предсказать и проконтролировать изучаемое явление (открытое поведение в данном случае). Б. Скиннер утверждал, что если наука развивается от простого к сложному, то логично изучить существа, находящиеся на более низкой ступени развития, прежде чем изучать самого человека. По его мнению, это позволит психологу легче раскрывать основные процессы и принципы поведения. Ясно, что такая «помощь» перекрывает пути к объяснению природы инновационного поведения.

Разрабатывая свою теорию *открытого социального поведения*, М. Вебер отметил следующую зависимость: у более опытных работников ориентация на новое ниже, чем у менее опытных. Решая проблему «предпочтительности» дилетанта, М. Вебер отмечал, что идея дилетанта с научной точки зрения может иметь такое же значение, как и открытие специалиста. Видимо, психология инноватора должна включать в себя способность «синектического остраения», и даже умение «прикинуться невеждой» перед другими и самим собой. Однако известно, что творческое озарение и кропотливый труд, как правило, идут рядом. Вместе с тем, исследования креатологов показывают, что инноватор должен примириться и с тем риском, которым сопровождается всякая творческая работа.

Вовсе не каждое действие, даже «открытое» поведение, по мнению Вебера, является «социальным». «Открытое» действие не является социальным, если оно ориентировано исключительно на «поведение» неодушевленных объектов. Субъективные установки конституируют социальное действие в той мере, в какой оно ориентировано на поведение других. Например, религиозное поведение нельзя считать социальным, если его предмет – только созерцание или уединенная молитва. Экономическая деятельность оценивается социологом как социальное действие лишь в том случае, пишет Вебер, если при таком действии берется в расчет поведение кого-то еще, например, тех, кто согласится признать право данного индивида некоторым образом контролировать движение товаров или других экономических ценностей. Если говорить более конкретно, то данный индивид совершает социальное действие, если он строит свой потребительский бюджет в зависимости от того, какими в ближайшем будущем могут стать потребности других людей, как они могут измениться. Точно так же и производство ориентируется на будущие потребности людей.

Человек не может поступать иначе как часть «массы», находясь в подобных ситуациях. Он просто ограничен в выборе средств. У него появляются такие психологические реакции или поведенческие акты – раздражение, энтузиазм, страсти и т. д., – которые он, как правило, не испытывает в одиночестве. Индивид подчиняется логике массового поведения бессознательно, поэтому его действия не являются в строгом смысле индивидуальными. Впоследствии эти идеи М. Вебера получили свое развитие, когда предметом исследования стал организационный уровень инновационности, предполагающий изучение факторов инновационности в контексте формирования такого психологического микроклимата, тради-

ций и корпоративной культуры, которые бы всячески способствовали их появлению и внедрению. Например, М. Уэст показал, что можно выделить уровень инновационности организации на основе учета организационный климата (общая атмосфера в фирме или на предприятии), который либо способствует рождению новых идей и решений, либо угнетающе воздействует на эти процессы³⁵.

Различными исследованиями доказано, что если в организации поддерживается творческая инициатива, а также прилагаются определённые усилия по реализации предложенных идей и предложений, то общий уровень креативности и инновационности в ней остаётся весьма высоким, и сотрудники значительно чаще задумываются об оригинальных и новых способах повышения эффективности своей работы, улучшения эргономических параметров их профессиональной деятельности³⁶. Уровень инновационности психологического климата в организации связан также с уровнем автономии и толерантности к неопределённости и разнообразию у её членов³⁷.

Открытость опыту – это еще один подход к проблеме открытого поведения, по сути дела развивающий теорию открытого социального поведения. Р. Линн в исследованиях национальных различий личностной черты «открытость опыту» определяет ее как «относящуюся к научной и художественной креативности, дивергентному мышлению и политическому либерализму»³⁸. Сущность этого измерения – открытость чувствам и новым идеям, гибкость мышления»³⁹. Было показано, что Открытость опыту коррелирует на уровне около 0,40 с различными показателями креативности, включая дивергентное мышление. Отсюда берет начало гипотеза о том, что европейцы более креативны, чем восточные азиаты, и что это является причиной превосходства первых в творческих достижениях. Данные по Открытости опыту для 64 стран приводит Р. Линн

³⁵ West M.A. Creativity and Innovation in Organizations // Management of International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2004. P. 2895–2900.

³⁶ Mumford M.D., Marks M.A., Connelly M.S., Zaccaro S.J., Johnson J.F. Domain-Based Scoring in Divergent-Thinking Tests: Validation Evidence in an Occupational Sample // Creativity Research Journal, 1998. Vol. 11, iss. 2. P. 151–164.

³⁷ Siegel J.I., Licht A.N., Schwartz S.H. Egalitarianism, cultural distance, and FDI: A new approach // Harvard Business School working paper. April 2007.

³⁸ Lynn R. Race differences in intelligence, creativity and creative achievement // Mankind Quarterly, 2007. № 48 (2). P. 157–168.

³⁹ Wang M., Erdheim J. Does the five-factor model of personality relate to goal orientation? // Personality & Individual Differences 2007. № 43 P. 1493–1505.

(Lynn, 2007). За среднее в 50 (и стандартное отклонение = 10), по отношению к которому вычислялись показатели каждой страны, взято среднее значение для Соединенных Штатов. Среднее значения для 35 стран, преимущественно населенных европейцами, составило 50,10. Среднее по 6 странам Восточной Азии оказалось равным 44,15 (значения для каждой из стран существенно ниже европейского среднего). Среднее для 11 стран Южной Азии и Северной Африки составило 49,20. Среднее для 6 стран Тропической Африки равно 47,40. Имеются также результаты для 4 стран Латинской Америки со средним 51,00.

Таким образом, все 6 стран Восточной Азии имеют низкие показатели по Открытости опыту. Их среднее значение (44,15) ниже европейского среднего (50,10) чуть больше, чем на половину стандартного отклонения. В единицах стандартного отклонения (d) среднее для Восточной Азии на $0,6d$ ниже среднего по Европе. Это можно сравнить с преимуществом северо-восточных азиатов в интеллекте в 6 баллов, что составляет $0,4d$. Следовательно, преимущество Восточной Азии в $0,4d$ в IQ, в сфере инновационности компенсируется преимуществом европейцев в $0,6d$ в креативности.

Все эти данные, безусловно, интересны с точки зрения влияния национального менталитета на инновативность личности, заставляя задуматься об особенностях российского менталитета и, прежде всего, таком его качестве как патернализм. Но они не проливают свет на сам механизм возникновения мотивации к инновационному поведению в конкретных условиях жизнедеятельности человека.

В.П. Зинченко вышел к проблеме «свободного действия» в рамках культурно-исторического подхода в психологии. Говоря о свободном действии, автор полагает, что вместе с этой проблемой психология вступает в область совершенно особых реалий, а именно собственно психологических явлений, «которые есть акты, а не факты». По мнению В.П. Зинченко, источник происхождения свободных действий следует искать в характеристике живого движения, которое должно рассматриваться не как перемещение тела в пространстве, а как преодоление пространства. «Так же как мы с большим трудом осваиваемся с идеей относительности в физике, нам трудно освоить мысль, что внутри самого сознания возможно различение и оперирование явлениями двоякого рода: 1) явлений, сознанием и волей контролируемых и развертываемых (и в этом смысле идеалконструктивных), и 2) явлений и связей, хотя и действующих в самом же сознании, но неявных по отношению к нему и некон-

тролируемых (и в этом смысле не контролируемых субъектом)»⁴⁰. Именно в этом контексте понятия «физического действия», «объективного» (от сознания независимого), «внешнего», «пространственного» и т.п. должны быть пересмотрены и расширены. Ясно также, что обнаруживаемые в явлении свободного действия временные состояния растворенности в предметной действительности следует относить к сознанию, а не к бессознательному, понимаемому в традиционном смысле. «Вневременность» свободного действия в критических «для субъекта ситуациях подобна «вневременности» актов творчества, озарений, открытий, необходимым условием которых является растворение субъекта в явлениях свободы, отказ от собственной субъективности. При всем при этом, проблема свободного поведения остается пока закрытой проблемой. «Анализ свободного человеческого действия – серьезный вызов психологической науке», – заключает В.П. Зинченко⁴¹.

В свое время Д.Н. Узнадзе ввел в обращение понятие «функциональная тенденция»⁴². С точки зрения А.Г. Асмолова, это была «первая продуктивная попытка» найти источник развития деятельности в ней самой⁴³. Д.Н. Узнадзе, выводя это понятие, подчеркнул, что деятельность может активизироваться не под влиянием потребности, а сама по себе содержит тенденцию к активации. Именно функциональная тенденция является источником игры и творчества, подчиняющихся формулам «творчество ради творчества», «игра ради игры». Представления Д.Н. Узнадзе о функциональной тенденции могут служить теоретической основой для конкретных разработок мотивации развития ребенка, например потребности во впечатлениях и потребности в общении как специфически человеческих движущих силах развития личности.

Действительно, Д.Н. Узнадзе одним из первых попытался реализовать принцип саморазвития, который сегодня признается отличительным признаком постнеклассической науки, предметом которой как раз и являются саморазвивающиеся системы. Пытаясь преодолеть дихотомию Материи и Духа, Д.Н. Узнадзе вышел к «трансубъективному пространству» человека, этому прообразу многомерного жизненного пространства, к которому так долго выходила психология после него. В этом пространст-

⁴⁰ Зинченко В.П. Идеи Л.С. Выготского о единицах анализа психики // Психологический журнал. 1981. № 2, т. 2. С. 118–133.

⁴¹ Там же С. 132.

⁴² Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966. С. 452.

⁴³ Асмолов А.Г. О предмете психологии личности // Вопросы психологии. 1983. № 3. С. 118–125.

ве, представляющем собой органическое единство внутреннего и внешнего, объективного и субъективного, рождаются импульсы самодвижения человека и его деятельности. В том числе и такие потребности, по отношению которых невозможно сказать, возникают ли они как внутренних или внешний импульс, и которые невозможно определить как адаптивные или гомеостатические. Они имеют в качестве своего мотивирующего источника сам факт взаимодействия субъекта с миром. Различное толкование порождающей роли этого взаимодействия в становлении свободного действия, породило различие в концепциях В.П. Зинченко, А. Менегетти, Д.Б. Богоявленской, В.А. Петровского, В.Е. Ключко, на которых мы остановимся ниже.

Антонио Менегетти – создатель онтопсихологии и онтопсихологической педагогики, определил свой подход к природе *«свободного поведения»*. Ученый в работе *«Система и личность»* отмечает: *«Для того, чтобы достичь состояния «Я есмь», необходимо устранить в себе систему. Ибо совокупность наших психо-эмоциональных комплексов, верность тем или иным традициям, верованиям, идеологиям, неизменность наших ролей, занятий, профессии, характера, в конечном счёте, представляют собой замкнутый системный контур»*⁴⁴. До тех пор, пока индивид не устранил систему из самого себя, он должен смириться со своей одномерностью (некреативностью). Если же индивид добивается успеха в интеллектуальном дистанцировании (достигает универсального «досуга»), то он способен использовать систему и все её институты в качестве некоего интеллектуального инструмента. Иными словами, инноватор может достичь результата даже не новыми средствами, а лишь новым применением старых средств.

Два фактора – страх и фиксированность, являются, по Менегетти, тем, что блокирует выход человека за пределы себя и «тормозят» инновационное поведение. В такой же степени существенным в рамках психологической реальности индивида является непрерывное исключение субъектом действия «монитора отклонения» из своего духовного мира. Монитор отклонения, по Менегетти, это своего рода внутренний цензор человека, находящийся в его бессознательном, и жестко обуславливающий его поведение определенном набором стереотипов. Чтобы выключить этот «монитор» необходима «аутентикационная психотерапия», обеспечивающая начальную автономию субъекта и позволяющая ему – не напа-

⁴⁴ Менегетти А. Система и личность. М.: Серебряные нити, 1996. С. 45.

дая или разрушая – все более релятивизировать различные системы, стимулируя центристское движение ценностей в своем внутреннем мире. А. Менегетти делает упор на том, что задача самосозидания самих себя не зависит ни от системы, ни от других – это исключительно личная ответственность человека.

Менегетти «открыл» монитор отклонения в 1979 г., показав его как элемент структуры человеческой психики, искажающей процесс восприятия реальности, как тот самый «внутренний цензор» человека, дислоцированный в его бессознательном и жестко обуславливающий его поведение определенным набором стереотипов. А. Менегетти, но раскрывает содержательный состав того, как работает этот монитор. Однако самое большой вопрос возникает в связи с тем, что «сломав в себе систему» человек распадется как система, и тогда все эти внутренние цензоры исчезнут за ненужностью.

Теория надситуативной (неадаптивной) активности В.А. Петровского рассматривает способность человека подниматься над уровнем требований ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения основной задачи, преодолевая внешние и внутренние ограничения деятельности. Эта теория предполагает существование мотивации, суть которой заключается в самой притягательности действий с непредрежденным исходом. Важно, что человеку известно о том, что выбор, который он собирается сделать, будет оплачен, возможно, разочарованием или срывом, но это не отталкивает, а еще сильнее стимулирует к действию. Интенсивно разрабатывается психологом В.А. Петровским. По мнению автора «активная неадаптивность» выступает в явлениях творчества, познавательной (интеллектуальной) активности, «бескорыстного» риска, *сверхнормативной активности*.

Действительно, «быть индивидуальностью» – значит подниматься над ситуацией, преодолевая внешние и внутренние ограничения в реализации себя как субъекта. Основу подобных актов образует собственная динамика деятельности, фонд новых возможностей («могу») как источник новых побуждений к действию («хочу»)⁴⁵. Личность избыточна в своих проявлениях, – действует над порогом ситуативной необходимости, неадаптивна. Следует особо выделить положение о том, что *активность личности не выводима из социального и несводима к нему*. В разные годы лич-

⁴⁵ Петровский В.А. Активность как «надситуативная деятельность» // Тез. науч. сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976. С. 22. Петровский В.А. К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. 1981. № 2. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М.: Горбунко, 1992.

но автором и под его руководством были исследованы такие формы «надситуативности» как «влечение к краю» (тенденция индивидов действовать вблизи пространственного маркера границы), «бескорыстный риск», превращение нетворческой деятельности в творческую, непрагматический отказ от подсказок, «презумпция существования решения» и т.д. Предложены сценарные решения, ограничивающие возможности «надситуативного» поведения⁴⁶.

По мнению В.А. Петровского, осуществляя ситуативно-избыточное преодоление внешних и внутренних ограничений, личность раскрывает себя как субъект, бросающий вызов ситуации, оспаривающий непредрешенность ее исходов (принцип «активной неадаптивности» Я)⁴⁷. Получены экспериментальные подтверждения того, что надситуативная активность образует ядро одаренности личности, независимо от сферы проявления одаренности⁴⁸.

Феномен надситуативной активности зарегистрирован, но сложнее дела обстоят с его объяснением. Предполагается, что обстоятельства жизни человека таковы, что только в редких случаях можно гарантировать точное соответствие между целями, которые человек преследует, и достигаемыми результатами. Строго говоря, гарантии такого рода суть иллюзии, за которые приходится платить⁴⁹.

А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский в своих «Основах теоретической психологии» полагают, что основатель экспериментальной психологии В. Вундт был в какой-то степени прав, формулируя в качестве «общего закона» психической жизни закон «гетерогонии целей», согласно которому человек всегда достигает чего-то иного, чем то, что входило в его первоначальные намерения. Теперь выясняется, что эффект непредсказуемости последствий действия характеризуется не только избыточностью, но и противоположностью результатов активности исходным ее мотивам. Иначе говоря, результаты активности человека неизбежно неадаптивны. Не только в сфере своих витальных (жизнь) контактов с миром, но и в познании, созидании, общении, самопознании человек неизбежно выходит за границы предустановленного, порождает последствия, озадачивающие его несовпадением с первоначальными побуждениями. Отсюда и принцип

⁴⁶ Максимова С.В. Творчество: созидание или деструкция? М., Академический проект, 2006.

⁴⁷ Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д: Феникс, 1996.

⁴⁸ Маркина Н.М. Соотношение ситуативной и надситуативной активности одаренных учащихся: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. 2003.

⁴⁹ Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998.

«недеяния», принятый в ряде восточных учений. Иной подход заключается в том, что человек вполне сознательно («ответственно и свободно») ставит перед собой цели с непредрежденным исходом; более того, постановка такой цели мотивирована самой возможностью промаха. В этом случае, как ни парадоксально, человек ощущает себя подлинным субъектом происходящего, хотя успех достижения цели не гарантирован.

В теории Д.Б. Богоявленской *«интеллектуальная активность»* (ИА) понимается как интегральная характеристика личности, объединяющая ее интеллектуальную и мотивационную сферы⁵⁰. При этом умственные способности рассматриваются как фундамент интеллектуальной активности, определяя операциональные возможности человека. Они не проявляются непосредственно, а лишь преломляясь через мотивационную структуру личности. Эта структура может тормозить или стимулировать их проявление, и тем самым определять широту в глубину познавательного процесса. Д.Б. Богоявленская полагает, что представленность в структуре интеллектуальной активности интеллектуальных и мотивационных компонентов в их диалектическом единстве позволяет рассматривать интеллектуальную активность в качестве единицы анализа творчества. Мерой интеллектуальной активности, ее наиболее интимной качественной характеристикой выступает *интеллектуальная инициатива* – «продолжение деятельности за пределами ситуативной заданности».

Д.Б. Богоявленская полагает, что такое понимание интеллектуальной активности подчеркивает момент преодоления «диктата внешней необходимости», т.е. момент свободы как самостимулируемости, самодеятельности. При этом суть понимания творчества как раз состоит в том, что оно не определяется лишь утилитарными целями, «но способно продолжаться бескорыстно» за их пределами. Интеллектуальная активность рождается как «раскрытие глубинных потенций личности», как внутренне детерминированное действие. По мнению автора, ИА как продолжение мышления за пределы требований заданной ситуации не символизирует полный произвол, а только то, что отношение человека к объективному миру опосредуется богатством его внутреннего мира.

Выход за пределы требований ситуации (и вообще всяких требований) «вызывается к жизни и реально обнаруживает себя лишь как результат проявленной активности человека – истинного механизма подлинно оригинального результата, снимающего мистический ореол с явлений, которые ранее

⁵⁰ Богоявленская Д.Б. Психологические основы интеллектуальной активности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1987.

представлялись как спонтанные, ничем не детерминированные⁵¹. И все-таки, соглашаясь с вышесказанным, вопрос о детерминации надситуативной активности не снимается простым указанием на проявленную активность как механизм порождения спонтанных творческих продуктов. Почему именно здесь и теперь была проявлена интеллектуальная активность, каким образом человек почувствовал, что именно в этом месте внутреннего пространства актуально разворачивающейся деятельности необходимо (или возможно) действовать инициативно? Только ответив на этот вопрос можно говорить о «механизмах», выводящих человека к инновационной деятельности.

Тем не менее, стоит оценить предложенные Д.Б. Богоявленской уровни интеллектуальной активности.

Стимульно-продуктивный уровень проявляется в том, что при самой добросовестной и энергичной работе человек остается в рамках первоначально найденного способа действия. И этот уровень – не состояние бездеятельности, не стремление избежать умственного напряжения. Главным его показателем является внешняя активизация мыслительной деятельности, отсутствие интеллектуальной инициативы.

Второй уровень – *эвристический*. Испытуемых этого уровня отличает проявление в той или иной степени интеллектуальной активности, не стимулированной ни внешними факторами, ни субъективной оценкой неудовлетворительности результатов деятельности. Этот уровень имеет свой предел: находя новые, оригинальные способы решения заданной ситуации и оценивая их как собственное открытие, как новый, «свой» способ решить поставленные перед ними задачи, люди остаются в пределах заданной ситуации.

Креативный уровень – это высший уровень интеллектуальной активности, когда самостоятельно обнаруженная человеком эмпирическая закономерность становится для него не эвристикой, формальным приемом, а самостоятельной проблемой, ради которой он готов прекратить актуальную (заданную) деятельность.

Вводя понятие «сверхнормативная активность», Р.С. Немов попытался отграничить его от близких к нему понятий надситуативной активности и наднормативной активности и ответственности⁵².

⁵¹ Богоявленская Д.Б. Психологические основы интеллектуальной активности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1987. С. 29.

⁵² Немов Р.С. Социально-психологический анализ эффективной деятельности коллектива М., 1984, 201 с., Немов Р.С. Сверхнормативная деятельность как выражение активной социальной позиции коллектива и личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 93–101.

По мнению Р.С. Немова, надситуативная активность, которая экспериментально изучалась В.А. Петровским, есть не что иное, как проявление индивидуальной творческой активности субъекта при решении интеллектуальных сенсомоторных задач игрового типа. Ее мотивом в соответствующем эксперименте выступил специфический мотив риска, стимулированный непосредственным интересом к предмету деятельности – задаче. Мотивация надситуативной активности рассматривается здесь в отвлечении от влияний непосредственного социального окружения и значения выполняемого индивидом задания для окружающих людей, коллектива и общества в целом. Мотивационной же основой сверхнормативной деятельности является не мотив риска, не непосредственный интерес к предмету деятельности, а *чувство долга перед людьми, значение выполняемой деятельности для коллектива и общества в целом*. Понимание механизмов происхождения, формирования и развития сверхнормативной деятельности невозможно без учета влияний социального окружения. Сверхнормативную деятельность и надситуативную активность, считает Р.С. Немов, следует рассматривать как два различных, несводимых друг к другу и невыводимых друг из друга феномена.

Рассматривая понятие *наднормативной активности*, А.К. Дусаевичкий пишет, что «существование наднормативной активности отражает противоречие между двумя различными целостностями: личностью и коллективом»⁵³. Он понимает наднормативную активность как проявляющуюся «за пределами необходимости, обусловленной целями совместной кооперативной деятельности». Это диаметрально противоположно тому, на чем настаивает Р.С. Немов. Сверхнормативная деятельность по определению не может выходить за пределы необходимости, обусловленной целями кооперации, так как она ориентирована на более эффективную реализацию именно этих целей. Социальным источником сверхнормативной деятельности не могут быть противоречия между коллективом и личностью, а следствием – нарушение системы кооперации. Сверхнормативная деятельность не нарушает, а, говоря современным слогом, созидает и поддерживает корпоративную солидарность, соединяет и сплачивает личность с коллективом, поскольку именно в ней утверждаются подлинно коллективистские принципы человеческих взаимоотношений, соответствующие интересам как коллектива, так и личности.

⁵³ Дусаевичкий А.К. Активность личности и коллектив как развивающаяся система // Психологический журнал. 1983. Т. 4, № 6. С. 76.

Получается, что понятие наднормативной активности ближе к креативному уровню интеллектуальной активности, выделенному Д.Б. Богоявленской, а понятие сверхнормативной активности почти адекватно эвристическому уровню, только природа его несколько другая. Здесь человека лимитирует, ограничивает и удерживает коллективная деятельность и ответственность пред коллективом. «Все виды ответственности объединяет то, что они представляют собой формы контроля за деятельностью субъекта»⁵⁴. Может быть в этом заключается смысл призыва А. Менегетти «Сломай в себе систему!», впрочем, как и природа возникновения «монитора отклонений»? «Мы будем говорить о социальной ответственности, имея в виду склонность личности придерживаться в своем поведении общепринятых в данном обществе социальных норм, исполнять ролевые обязанности»⁵⁵. Стоит, однако, заметить, что Р.С. Немов, сравнивая свое определение сверхнормативной активности с приведенной дефиницией ответственности, указывает на то, что, во-первых, сверхнормативная деятельность не предполагает ни внешнего контроля, ни подотчетности субъекта, ни применения к нему санкций в случае отсутствия с его стороны соответствующей активности. Во-вторых, сверхнормативная деятельность выражается не столько в склонности придерживаться общепринятых социальных норм, сколько в следовании им, сопровождающемся *обязательным* стремлением превзойти существующие нормы, ставить и достигать нравственно более высокие цели.

Как было показано выше, имеются примеры того, что желание придерживаться принятых социальных норм становится ограничителем инновационной активности. Известно, например, что европейцы обладают превосходством в творческих достижениях и вместе с тем в среднем имеют более низкий IQ и более низкие достижения школьников в области математики и естественных наук, чем восточные азиаты. Как можно объяснить это несоответствие? По мнению ряда исследователей, ответ на этот вопрос состоит в том, что восточные азиаты являются конформистами и это подавляет творчество, которое неизбежно подразумевает несогласие или отход от социальных норм и принятых стереотипов мышления. Ч. Мюррей писал о «клише, согласно которому у восточных азиатов много ума, но недостает креативных способностей»⁵⁶. Говоря о японцах, Н. Шиота, С. Краус и Л. Кларк замечают, что «популярные и научные

⁵⁴ *Музыкаев К.* Психология ответственности. Л., 1983. С. 18.

⁵⁵ *Там же* С. 18.

⁵⁶ *Murray C* Income Inequality and IQ. Washington, DC: AEI Press, 1998. P. 38.

характеристики японцев часто подчеркивают их стремление поддерживать гармонию с другими внутри группы»⁵⁷, а К. Хан пишет о корейцах, что «обычно их высшей ценностью является сохранение хороших отношений с другими людьми своей группы»⁵⁸. Все это стоит иметь в виду при разведении понятий «сверхнормативная», «наднормативная», «неадаптивная», «функциональная» активность.

«Свободная инициация» мышления стала предметом исследования в научной школе профессора МГУ О.К. Тихомирова. Поскольку один из авторов книги (В.Е. Клочко) был разработчиком экспериментальной базы исследования и его исполнителем, то ему и довелось искать объяснение тому, как устроен и чем детерминирован акт самопроизвольного перехода действующей личности к инициативно («за пределами» инструкций, «требований ситуации», «апрактично», «нефункционально» и т.д.) возникающей мыслительной деятельности. Самое интересное, что мотивация к выходу «за пределы» оказалась связанной не с познавательной потребностью, которая вдруг актуализировалась в условиях тривиальной (не мыслительной) деятельности, а с возможностями, которые у человека были и в условиях тривиальной деятельности вдруг открыли для себя поле приложения. Оказалось, что при этом мотивы и цели инициативно возникающей мыслительной деятельности не только не совпадают с мотивами и целями исходной деятельности (в ходе которой открывается возможность перехода к мыслительной деятельности), но иногда и противостоят им. С открытия этих фактов, с необъяснимости их природы в рамках сложившихся психологических представлений и предчувствия, что тенденции развития науки непосредственно выводят к теориям способным их объяснить, началось построение того, что мы сегодня называем системной антропологической психологией. Самую позитивную роль при этом сыграл тот позитивный фон, который сложился в результате разнообразных попыток психологов выйти за пределы бинарных конструкций, чтобы определить природу свободного, сверхадаптивного, наднормативного и т.д. поведения.

⁵⁷ Shota N.K., Krau S.S., Clark L.A. Adaptation and validation of the Japanese MMPI-2 // J.N. Butcher (Ed) International Adaptations of the MMPI-2. Minneapolis, MN: University & Beals K.L. (1990) Cultural correlates with cranial capacity // American Anthropologist. 1996. № 92 P. 84.

⁵⁸ Han K. The Korean MMPI-2 // J.N. Butcher (Ed.). International Adaptations of the MMPI-2. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1996. P. 90.

2. СИСТЕМНАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Что же представляет собой системная антропологическая психология (САП)? Самая общая характеристика этого феномена задается его предметом. Предметом САП является психика, психическое вообще, рассматриваемое в контексте целостного (т.е. системно представленного) человека. Человек при этом понимается в качестве открытой саморазвивающейся, самоорганизующейся системы, а психическое как то, что позволяет этой системе оставаться открытой и удерживать свою целостность за счет процесса саморазвития и до тех пор, пока саморазвитие оказывается возможным.

Системная антропологическая психология развивает идеи культурно-исторической психологии и потому может быть понята как один из возможных вариантов развития идей Л.С. Выготского в рамках постнекласической психологии, предвестником которой он и был. Поскольку сам Л.С. Выготский определял то, что делает он и его школа словами «наше новое учение», то САП можно определить как новое учение, не теряющее свои культурно-исторические корни. Как научное направление оно представлено, при полном понимании формальности используемого признака, 6 докторскими и более чем 50 кандидатскими диссертациями. Как научная теория САП вобрала в себя все, что было сделано в рамках теории психологических систем (ТПС), является следующим шагом ее развития, поскольку благодаря труду тех, кто ТПС разрабатывал, предметное поле расширилось настолько, что перестало вмещать в себя многообразие теоретических построений и получаемых экспериментальных фактов.

По уровню реализуемого в ней мышления, САП может быть отнесена к теориям, придерживающихся идеалов постнекласической рациональности. Как уже упоминалось, предметом постнекласической науки являются сложные «человекоразмерные» (термин В.С. Степина) открытые саморазвивающиеся системы.

Выход к системному пониманию человека не убивает «самое человеческое» в нем, как иногда возражают оппоненты. Системную антропологическую психологию можно рассматривать как вариант позитивной пси-

хологии. Это учение о человеке (потому и антропология), понятом в динамике жизнеосуществления, в его открытости как в мир, так и к самому себе. Открытость к себе – главный признак человека как системы, отличающий его от всех других открытых систем, живущих за счет обмена со средой – информационного, вещного, энергетического. Человек встречается с собой не просто в актах самосознания или рефлексии. Он каждый момент встречается с самим собой в жизненных пространствах своего бытия. Оттуда приходят к нему вещи, помеченные им самим: через то, что приходит он узнает о себе, о том, что он действительно хочет от этого мира (потребности) сейчас, и что он может сделать в этом мире (возможности). Поэтому САП последовательно реализует идею многомерного мира человека, неотрывного от самого человека, и как такой его органической части, которая в максимальной степени представляет самое человеческое в нем.

Приведенная самая общая характеристика САП вряд ли удовлетворит заинтересованного читателя: конечные суждения оторваны от логики, выводящей к ним, а потому остается либо принимать их на веру, либо отклонять как не отвечающие логике самого читателя. Поэтому далее речь пойдет о тенденциях развития психологии, просчет которых позволяет делать суждения о закономерностях, подчиняясь которым наука выходит к новым парадигмальным устоям.

2.1. Тенденции развития психологической науки.

Сущность и предназначение транспективного анализа

До сих пор то, что мы знаем о закономерностях научного познания, это скорее не знание самих закономерностей, а ощущение того, что происходящее с наукой (и в самой науке) на самом деле упорядочено, т.е. подчинено неким силам, обеспечивающим закономерное (и прогрессивное) движение научного познания¹. Безусловно, разные ученые по-разному переживают эти ощущения: одни обостренно и ярко, другие практически на них не реагируют. М.Г. Ярошевский, например, неоднократно возвращался в своем творчестве к тому, что имеется определенная последовательность в смене основных «формаций научного мышления»,

¹ Более детально с высказываемой позицией можно ознакомиться: Ключко В.Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // Методология и история психологии. 2007. Вып. 1 С 5–19.

и значит, существует закономерность смены его «стилей и структур». Причем он формулировал эти мысли задолго до введения в оборот популярной сегодня триады «классицизм – неклассицизм – постнеклассицизм». Самое сильное понятие, которое он при этом использовал, – это «неотвратимость»². Та неотвратимость, которая присуща законам трансформации научного разума, раскрытие которых, как полагал ученый, открывает перспективу нового подхода к эволюции идей.

Так, К. Поппер, рассуждая о силах, обеспечивающих прогрессивный характер эволюции, приходит к выводу о том, что каждое событие обладает предрасположенностью к своему осуществлению, причем предрасположенности он не сводит к простым возможностям, толкуя их как физические реальности «наподобие силовых полей»³. Проблема в том, что каждое событие обладает такой предрасположенностью к самоосуществлению, но почему-то не каждое осуществляется. Нас-то ведь как раз интересует закон, ограничивающий реализацию одних возможностей, и одновременно, позволяющий осуществление некоторых других. Причем, всегда так удачно, что именно эти «некоторые» возможности, осуществляясь, и обеспечивают прогресс. Как совершается отбор таких возможностей? Почему эти «силовые поля» в одном случае проявляют себя, а в другом нет?

М.К. Мамардашвили идет дальше, указывая на различие между простой возможностью движения мысли и «потенцией» ее движения, которая «в отличие от возможности – есть *возможность, обладающая одновременно силой на свое осуществление*»⁴. Однако остаются те же самые вопросы. Каков механизм превращения возможности в потенцию? В соответствии с каким законом осуществляется дифференциация возможностей, в результате чего одни начинают обладать «силой на свое осуществление», а другие остаются так и неосуществившейся «предрасположенностью»? Заметим, что и Л.С. Выготский в свое время писал о системе объективных тенденций, «действующих за спиной отдельных исследователей и теоретиков с силой стальной пружины»⁵. Полностью с этим со-

² Ярошевский М.Г. К истории форм психологического познания // Вопросы психологии. 1981 № 3. С. 137–145.

³ Поппер К. Мир предрасположенностей // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000.

⁴ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд. изм. и доп. / Сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Изд. группа «Прогресс»: Культура, 1992. С. 150.

⁵ Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. В 6 т. М. Педагогика, 1982. Т. 1.

глашаясь, приходится все же задавать тот же самый злополучный вопрос. Что придаст тенденциям характер силы? Как возникают эти силы в поле скалярных величин, т.е. в пространстве психологических теорий и научных школ? Ведь каждая из них делает свое дело так, как его понимает, и при этом может вовсе не обращать внимания ни на какие тенденции, «стоящие за спиной», и не о каких силах, которые, оказывается, незримо определяют «ум и волю» исследователей.

Можно предполагать, что за «предрасположенностями» К. Поппера, «потенциями» М. Мамардашвили, «тенденциями» Л. Выготского скрываются одни и те же силы и закономерности, вызывающие прогрессивное движение научного познания и характеризующие его. Если брать шире, выходя за пределы эпистемологического контекста, то этот ряд можно продолжить. Эти же закономерности и силы стоят и за «поступательным развитием» Гегеля, за «жизненным порывом» А. Бергсона, за «принципом коинциденции» Д.Н. Узнадзе, за «принципом перманентной динамики» К. Левина и т.д.

Проблема в том, что нам не очень понятны пока природа и сам механизм перехода возможности в действительность. Пока речь идет о развитии как таковом (независимо от того, идет ли речь об онтогенезе человека или филогенезе научного познания), эта проблема не возникает. Здесь достаточно представления о том, что появляющиеся «необратимые новообразования» и есть то, в чем проявляет себя процесс развития, указывая на свой истинный источник – противоречие. Но как только становится понятным, что эти новообразования связаны между собой какой-то закономерностью, что они совокупностью своей указывают на некий порядок следования, то это служит толчком для переключения исследовательской мысли.

Она выходит в историко-генетический контекст и начинает улавливать теперь тенденции развития, его векторы и градиенты, динамику прогрессирующего усложнения развивающегося явления, постепенно приходя к осознанию того, что на самом деле источник развития заключается не в противоречии, а в чем-то другом. В связи с этим последует еще одно переключение исследовательской мысли, адекватное смене сложившейся «формации научного мышления», и встанут вопросы о природе и закономерностях прогрессивного развития. Вопросы о том, что стоит за векторами, градиентами и потенциями развития, и, как итог, вопрос о том, что включает в себя сам переход возможности в действительность в содержательном аспекте, а также в аспекте его специфической детерминации, мотивации и функциональной определенности. И этот вопрос обяза-

тельно перейдет из стадии методологического теоретизирования в актуальную и вполне практическую проблему психологии, открывая возможность нового взгляда на сущность онтогенеза человека и филогенеза человечества. Оценивая день сегодняшний нашей науки, можно полагать, что психология уже приступила к рефлексии по поводу самой себя, своего исторического пути и тех тенденций, векторов и потенциалов движения, которые отражают направленную динамику ее становления. Иными словами уже наступил тот момент, о котором писал Л.С. Выготский: «Для всякой науки раньше или позже наступает момент, когда она должна осознать себя самое как целое, осмыслить свои методы и перенести внимание с фактов и явлений на те понятия, которыми она пользуется»⁶.

Так, Д.А. Леонтьев в своей работе «Неклассический вектор в современной психологии» выделяет несколько направлений «неклассической трансформации психологии»: от поиска знаний к социальному конструированию; от монологизма к диалогизму; от изолированного индивида к жизненному миру; от детерминизма к самодетерминации; от потенциализма к экзистенциализму; от количественного подхода к качественному; от констатирующей стратегии к действенной. «Этот перечень построен не по концептуальным основаниям, а отражает фактические тенденции развития психологической науки в XX в., поэтому его нельзя считать исчерпывающим»⁷.

Интересно все-таки пойти дальше, понимая, что тенденции есть только следствия, намекающие на наличие закономерностей и сил, которые они (тенденции) и проявляют самим фактом своего возникновения. Например, уже сам факт выделения фаз или этапов развития науки, адекватных последовательной смене идеалов рациональности (классика – неклассика – постнеклассика) предполагает закономерность, определяющую возникновение именно этой последовательности. Если за сменой форм и уровней мышления, отраженного этой триадой, открывается объективная тенденция развития, характерная для всех наук, то мы сталкиваемся здесь с *наиболее общими закономерностями познания, которые предопределяют появление в поле зрения науки новых объектов и новых предметов научного познания.*

Как уже указывалось выше, каждый новый тип научной рациональности позволяет выделять и исследовать соответствующие типы системных

⁶ Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.. В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 310.

⁷ Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. 2005. № 1

объектов – простые системы (классика), сложные саморегулирующиеся системы (неклассика), сложные саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы (постнеклассика). Получается, что предмет науки способен *сам перестраиваться* в ходе становления научного познания, отражая тенденцию, проявляющуюся в виде закономерной трансформации метода науки, вбирающего в себя новые принципы, опираясь на которые разум (теоретическое мышление) поднимается на новые (и более высокие) уровни системного видения изучаемой реальности. Например, в поле зрения психологов появляются последовательно усложняющиеся системные конструкты, конституирующие многомерную онтологию человека (транссубъективное пространство (Д.Н. Узнадзе), жизненное пространство (К. Левин), смысловое поле (Л.С. Выготский), жизненный мир (Л. Бинсвангер, Ф.Е. Василюк), многомерный мир (А.Н. Леонтьев), многомерное пространство жизни (В.Е. Ключко). Можно выявить и другие тенденции, проявляющиеся:

- в динамике используемых в психологии подходов (атомарный – структурный – структурно-системный – системный);
- в становлении отдельных принципов, например, принципа детерминизма (примат внешней детерминация – примат внутренней детерминации – самодетерминация – системная детерминация);
- в росте уровня системности мышления (аристотелевское мышление – галилеевское мышление – метасистемное мышление).

На основе этих примеров можно выдвинуть предположение о том, что не отдельный ученый, а наука, как саморазвивающееся целое, всем процессом своего самодвижения осуществляет интеграцию различных принципов, а значит и методов, и предметов исследования, конструируя тем самым все новые призмы видения, через которые открывается все более сложная психологическая реальность. Первоначально изолированные и только дополняющие друг друга принципы системности, развития и детерминизма окончательно теряют свою автономность, когда в качестве предмета науки появляется *саморазвивающаяся система* с присущей ей способностью к самодетерминации.

Таким образом, появляется некоторая методологическая база, способная направить поиск концептуальных оснований для выделения и объяснения тенденций развития науки. *Один из возможных путей концептуализации заключается в том, чтобы и науку, изучающую человека, и человека, как ее предмет, представить в качестве открытых самоорганизующихся систем, режимом существования которых является самораз-*

витие. Такой подход непосредственно выводит к проблеме становления, внутри которой открываются механизмы созревания и роста, межуровневые переходы и основания, обеспечивающие эту загадочную устремленность системы к более высоким уровням, на которых сохраняются все позитивные результаты, полученные на более ранних (и более низких) уровнях становления и открывается новая «зона ближайшего развития» системы. С этой точки зрения, *становление – это закономерное усложнение системной организации сложных целостностей (открытых систем) в процессах внутрисистемных и межсистемных взаимодействий*.

Одна и та же закономерность может проявляться в форме разных следствий, иметь разные лики – в зависимости от того, на чем центрируется исследователь. Если прав Л.С. Выготский в том, что «диалектика психологии есть вместе с тем и диалектика человека как предмета психологии»⁸, то существуют и внутренние, присущие исключительно психологии, закономерности, отличающие ее от других наук, которые имеют дело с более простыми вещами, нежели человек. Получается, что, не вскрыв природу общих закономерностей развития познания, мы вынуждены переходить к закономерностям, которые были бы специфичными для конкретной науки, при этом такой науки, у которой и сам предмет особый – более сложную «форму движения» не изучает ни одна наука. Вместе с тем, возникает предположение о том, что, изучая самую развитую форму жизни, разрабатывая методы, адекватные для познания самой сложной по своему системному устройству формы, не обладаем ли мы, психологи, реальной возможностью быстрее и легче (естественней) выйти к познанию механизмов перехода возможности в действительность. Мы имеем дело с тем, что проявляется в своей зрелой, развернутой форме, в то время как другие науки сталкиваются с той же формой, но в ее неразвитом, иногда зачаточном виде.

Психология начала свой путь с определения эмпирической области явлений, полученных с помощью самонаблюдения и отнесенных к сфере психических явлений. Она продолжает этот путь, все более расширяя и углубляя знание об этих феноменах. При этом она всегда прекрасно понимала, что эти феномены принадлежат человеку и значит, исследуя их, она изучает человека. Однако только сегодня к психологам по настоящему приходит осознание того, что предметом науки до сих пор являлась только часть целостного человека (психика), которая практически еще не

⁸ Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. 2005. № 1. С. 322

изучена в ее взаимоотношениях со своим целым. Достаточно резко, но справедливо, В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев указывают на «нищету психологии», не способной выстроить свои собственные основания. «Простая мысль, что если человеческая психика – это одно из свойств человеческой реальности вообще, то по самой логике рассуждения, чтобы понять это свойство (выразить его в понятиях), необходимо иметь хотя бы минимальное представление о сущности того, свойством чего оно является. Иными словами, психология должна иметь (или строить) собственное представление о сущности человека, чтобы мочь что-то сказать о его свойствах, в том числе и о психических. Но именно этого психология и не делает, оставляя вопрос о сущности в лучшем случае какой-либо из модных философий, а в худшем – господствующей идеологии»⁹.

А каким образом целостный человек вообще может стать предметом психологии? Это возможно только в том случае, если человек предстанет в психологии в качестве системы – открытой, саморазвивающейся, самоорганизующейся, а психика (сознание) начнут изучаться в качестве важнейшего звена, обеспечивающего самоорганизацию и саморазвитие человека. «Освоение саморазвивающихся систем, – указывает В.С. Степин, – предполагает новое расширение смыслов категории «причинность». Она связывается с представлениями о превращении возможности в действительность»¹⁰.

По мере развития психологического познания, становится понятно, что другие науки, изучающие человека, могут себе позволить абстрагирование от целостного человека, но уникальность психологии в том, что она себе этого позволить не может. Нельзя открыть функцию психики, изучая ее саму, и продолжая строить догадки о том, для чего предназначено это сложнейшее устройство, и что оно могло бы делать – *для человека, или с человеком, или вместо человека*.

Первыми пришли догадки о том, что делает психика «вместо» человека – о «психической деятельности» и «деятельности сознания» до сих пор пишут без кавычек. С этих догадок начала свое самостоятельное движение научная психология, выходя из взрастившего ее лона философской мысли. Здесь пока еще совпадали объект науки (сознание) и предмет исследования (осознаваемое), адекватный методу (самонаблюдение, ин-

⁹ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 4.

¹⁰ Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Режим доступа. http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml

троспекция). Поэтому человек был избыточен для классической психологии. Таковым он остается и для различных вариантов неоклассицизма, все еще возникающих в психологии. Вместо человека здесь действует сознание, которое и принимает решения, в том числе и решения о том, что нужно осознать, а что не стоит, строит гипотезы и само же их верифицирует.

В неклассической науке появился человек – пусть вначале и не целостный, «урезанный» до личности, субъекта или сознательного индивида, но все-таки с ним уже надо было считаться. Теперь уже не проходила идея сознания, работающего вместо человека, но стал доминировать образ сознания (психики) как органа, «вмонтированного» в человека и что-то делающего с человеком, который, вследствие этого, оказывается подчиненным у начальствующего, ему же принадлежащего органа. Этот образ и определял направленность предположений (догадок) о функции сознания (психики): сознание регулирует деятельность, психика отражает мир и тем самым ориентирует человека в нем.

В постнеклассической науке, вырастающей на базе тех противоречий, которые накопила неклассическая наука, и еще больше на базе тех находок и открытий, которые ей удалось сделать, выстраивается новая линия поиска функции психики. Вопрос вновь переориентируется: *теперь это уже не вопрос о том, что делает психика вместо человека, не вопрос о том, что делает психика с человеком, это вопрос о том, что делает человек и какая психика ему нужна, чтобы он мог делать свое дело.* Будучи элементом человека, его важнейшей частью, психика у человека именно такая (а не другая, не любая) потому, что, являясь именно такой (а не другой), она и позволяет человеку исправно выполнять свою человеческую миссию и предназначение. И поскольку мы не знаем в полной мере собственной миссии и предназначения, постольку мы не можем пока определить психику в ее функциональных, иерархических, субординационных, координационных связях со своим целым. Однако все яснее становится, что нельзя дальше изучать психику в надежде построить системное знание о ней, продолжая удерживать ее в качестве полного (замкнутого на себя) предмета науки.

Антропологизация психологического познания уже видна как тенденция, но сама эта тенденция еще не понята как выражение тех закономерностей, которые определяют самодвижение психологического познания, и тех механизмов, которые обеспечивают саморазвитие науки как прогрессивного («вперед и вверх») движения психологической мысли.

Б.Ф. Ломов был, наверное, прав, утверждая, что знание о функции психического может стать основанием для интеграции в систему разрозненных знаний о психике, полученных с помощью разных методологических принципов. Представление об отражательно-регулятивной функции психического казалось в то время настолько самоочевидным, что породить сомнение в его корректности могло разве только ощущение самоочевидности этого представления.

Идея связи психики с отражением берет начало в классической науке, в той, свойственной классицизму, дихотомии Материи и Духа, из которой вытекают другие дуальные комбинации «противоположностей» (субъективное и объективное, психическое и физическое, внешнее и внутреннее, и т.д.), и плавно перетекает в следующую фазу ее становления (неклассицизм). Идея связи психики с (само)регуляцией – это уже самостоятельная находка науки того периода ее становления, когда она осваивала азы нового (неклассического) мышления. Психология явно демонстрирует тот факт, что и на нее распространяется закономерность смены идеалов научной рациональности, обнаруженная в других науках. Ведь неклассика как раз и имеет дело с саморегулирующимися системами. Это мысль стала осознаваться учеными сравнительно недавно: сама указанная «триада» была введена в оборот только в 1989 г.¹¹

С тех пор постепенно стала оформляться идея о том, что простые системы выступают в качестве доминирующих объектов в классической науке, сложные саморегулирующиеся системы доминируют в неклассической науке, а миссией постнеклассической науки являются сложные саморазвивающиеся системы. Стоит заметить, что практически все, кто сегодня говорит и пишет о постнеклассическом этапе развития психологии, охотно пользуются указанной типологией, но при этом уклоняются от обсуждения проблем, связанных с выделением ключевого признака этой типологии. А этот признак как раз и заключается в наличии коррелятивной связи между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект.

Следовательно, уже сегодня необходимо говорить о смене уровней системности психологического мышления, в призме которого открываются и новое понимание психологической реальности, и новое представление о методах ее познания. Приходит пора и психологам заняться непростым трудом профессионального самоопределения: «Перед совре-

¹¹ Стетин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989 № 10. С 3–18.

менным отечественным психологом, изучающим природу психического, лежат, по крайней мере, два пути. Один состоит в конкретизации представлений о психике как «отражении» реальности, второй – в разработке представлений о психике как порождении новой реальности. Я выбираю второй путь», – пишет О.К. Тихомиров¹².

Механизм движения научной теории к более высокому уровню системного видения психологической реальности в общих чертах можно представить следующим образом¹³. Для развития любых наук характерно то, что они начинают со «статике» и только постепенно переходят к изучению «динамики» феноменов, составляющих объект науки. Уже в этом можно усмотреть некую, в целом вполне объяснимую, закономерность в движении научного познания. Эмпирически выявив феномен (или даже их некоторую «целокупность»), научная мысль скоро убеждается в том, что выделенный в качестве объекта изучения «фрагмент реальности» начинает ускользать от исследования. Ускользать именно в той части, которая касается его сущности, его истинной природы, обусловленной не столько им самим, сколько его принадлежностью более сложной системе, фрагментом которой он на самом деле является.

Получается, что наука обречена на то, чтобы, сохраняя эмпирически определенный объект изучения, постоянно выходить за его пределы, последовательно и закономерно расширяя предметное поле исследования, теоретически определяя (и переопределяя) его. Выход за пределы устоявшегося предметного поля, которое очертила наука на данной стадии своего движения, становится неизбежным в том случае, когда оно перекрывается проблемным полем. Его возникновение обусловлено ограниченностью объяснительным схем, заявленных методом, определившим содержание и конфигурацию предметного поля. Иными словами, детерминацию, идущую сверху, от самого факта наличия более сложной, но пока неведомой системы, по отношению к которой изучаемая система сама является не более чем подсистемой, отменить нельзя. Именно поэтому проблемное поле науки неизбежно перекрывает, пусть и не сразу, предметное поле. Происходит это потому, что отдельные исследователи,

¹² Цит. по. Климов Е.А. Об амбифлекторной природе психического // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1992. № 1. С. 59.

¹³ Ключко В.Е. Системная антропологическая психология и образовательная практика // Психология образования. 2008. № 8. С. 9–21; Ключко В.Е. Смысловая теория мышления в трансперспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2008. № 2.

сталкиваясь с эффектами указанной «детерминации сверху», рано или поздно начинают оценивать их уже не как очередные «головоломки», закономерно возникающие в процессе «спокойного» развития науки («снизу вверх», «из прошлого в будущее»), но пытаются обнаружить их истинное происхождение.

Посмотрим на конкретном примере, как сам Л.С. Выготский выходил за пределы «дискретной психологии» к «психологии поля». А.Н. Леонтьев описывает интересный момент, когда внимание Л.С. Выготского (указывается 1930 г.) центрировалось, на открывшейся перед ним перспективе конкретно-психологического изучения знаковой структуры сознания. И вдруг произошел «своеобразный переворот, который тоже был не постепенным движением, а действительно, движением, включающим в себя события, а не скольжение, медленное и плавное эволюционное изменение». Переворот заключался вот в чем. «Перед Сахаровым была поставлена Львом Семеновичем (Сахаров уже занимался понятиями) задача, типичная для того времени, – исследовать опосредствованную структуру обобщения.... А исследование объективно перевернулось: задача-то была не использовать слово для решения поставленных целей; оказалось, что задача, которую решали испытуемые, заключалась в том, чтобы овладеть значением неизвестного им слова, раскрыть значение, – все дело оказалось в этом... Это был переворот, который сделал не субъект исследования, а исследование»¹⁴. Итак, образно говоря, исследование «перевернуло» исследователя. Факт, с которым столкнулся Выготский, оказался не из мира «дискретной психики» или столь же дискретной психологии сознания. Это был факт, указывающий на мир человека, на его жизненное пространство, создаваемое с помощью значений. Состоялся выход за пределы гносеологии отражения в онтологию порождения мира человеком: человек видит через призму значений мир, тем самым обеспечивает его инвариантность, устойчивость и возможность действовать, понимая смысл и ценность своих действий. Психика стала обретать свою пространственную, полевую локализацию. Нужен был другой принцип понимания и объяснения, а значит и другой метод. Почему же использованная в эксперименте методика Н. Аха не подвела самого создателя методики к такому переходу? У Л.С. Выготского были другие возможности, они и реализовались «здесь и теперь»: известные и даже предсказуемые результаты исследования обрели для ученого другой смысл и ценность.

¹⁴ Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в истории советской психологии // Вопросы психологии 1986. № 4. С. 113–114.

Причем новые смыслы и новые ценности образовались сами – как результат проекции возможностей человека в предметную среду.

Вывод, который можно сделать из приведенного выше примера, заключается в том, что если наука («человекоразмерная система») прогрессирует как открытая система, если человек в своем становлении подчиняется неким закономерностям, осознать которые можно только в рамках представления о человеке как открытой саморазвивающейся системе, то должен быть отработан и определенный способ познания процессов становления, адекватный для сложных «антропоразмерных» систем. Таким методом, по нашему мнению, и является транспективный анализ.

Транспективный анализ сформировался на базе постулатов, на которых закладывалась аксиоматическая база теории самоорганизующихся психологических систем (ТПС), каковые и составили методологический каркас системной антропологической психологии¹⁵.

Чтобы взаимодействие вообще стало возможным, необходимо такое соответствие противостоящих сторон (систем), когда каждая из них видит в другой «свое иное», пусть еще и не ставшее подлинно своим, но, не присвоив которое, т.е. не включив в собственную систему, под сомнением оказывается возможность устойчивого существования системы. Хаос бывает только там, где нет никаких взаимодействий, либо разрешены любые взаимодействия. Состоявшееся взаимодействие уже самим своим фактом указывает на соответствие, которое стало причиной взаимодействия. Взаимодействие в такой же степени проявляет соответствие, в какой соответствие выступает в качестве единственно и полной причины взаимодействия. В этом усматривается механизм самоорганизации, которым обладают открытые системы. Там, где есть соответствие, взаимодействие происходит самопроизвольно и мимовольно, когда речь идет о человеке. Только открытые системы способны удерживать внутренний порядок за счет отбора из окружающей среды исключительно того, что способно этот порядок обеспечить. Усложняясь в каждом акте взаимодействия за счет принятия в себя «своего иного», переструктурируясь, вписывая его в себя, системы наращивают уровень своей систем-

¹⁵ Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991; Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. 1998. № 8–9. С. 7–15; Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999; Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ) Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005 С. 189.

ной организации и потому живут до тех пор, пока могут усложняться. Поэтому самоорганизация является условием саморазвития открытых систем. Таким выступает механизм эволюции сложных открытых систем, будь то человек, или научная теория, или биогенетическая система, или любая другая система, которую можно считать открытой.

Итак, о транспективном анализе можно говорить, только имея в виду сам фундамент, на котором базируется постнекласицизм. Самоорганизация соединяет идею направленной эволюции системы (в плане даже хотя бы одного параметра – то, что придет, будет наверняка сложнее по своему системному устройству, чем то, из чего оно вышло) и идею становления – закономерного усложнения системной организации в процессах избирательного взаимодействия системы со средой.

Неопределенное (поливариативное, всевозможностное) будущее, которое кажется нам таким недоступным в качестве предмета исследования, становится гораздо более понятным, если его рассматривать с транспективной точки зрения. Здесь оно выявляется как то, что *не только проявляет* транспективу, но и *созидается в ней*. Транспективный анализ предполагает выявление тенденций развития – это, прежде всего, анализ тенденциональный. Насколько легко пользоваться транспективным анализом каждый читатель может оценить по тому, насколько легко ему перейти от привычного понимания тенденции как того, в чем *проявляет* себя процесс развития, к такому ее пониманию, в котором она открывается как *потенция*, которая процесс развития *обуславливает*. «Потенция, – как указывал, пусть и по другому поводу, М.К. Мамардашвили, – в отличие от возможности – есть возможность, обладающая одновременно силой на свое осуществление»¹⁶. А вот как проиллюстрировал эту идею (в 1927 году!) Л.С. Выготский. «Только тот, кто поднимает свой анализ из плоскости критического обсуждения той или иной системы взглядов на высоту принципиального исследования средствами общей науки, только тот разберется в объективном смысле происходящего в психологии кризиса; для него откроется *закономерность* происходящего столкновения идей и мнений, обусловленная самим развитием науки и природой изучаемой действительности на данной ступени ее познания. Вместо хаоса разнородных мнений, пестрой разноголосицы субъективных высказываний для него раскроется стройный чертеж основных мнений развития науки, *система объективных тенденций*, с необходимо-

¹⁶ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., Прогресс, 1990. С. 151.

стью заложенных в исторических задачах, выдвинутых ходом развития науки, и действующих за спиной отдельных исследователей и теоретиков с силой стальной пружины (курсив мой. – В.К.)»¹⁷.

С другой стороны, тенденции – это не рок, не векторы, однозначно указывающие направление по отношению к некоей цели или неизбежному финалу. Они указывают наиболее вероятные направления развития в пространстве имеющихся у системы возможностей, соотносенных с возможностями среды. Там, где обнаруживается соответствие, взаимодействие становится неизбежным; оно выявляет отношение взаимодействующих сторон, которое существовало раньше взаимодействия, проявилось в нем и закрепилось созданным «совокупным продуктом», изменившим как систему, так и среду. Иными словами, факт возникновения новообразований, который классическая и неклассическая наука полагает в качестве признаков развития, тут же становящихся историческими феноменами, состоялся там, где открытая система ответила на вызовы поливариативного будущего своим внутренним разнообразием, т.е. в том месте, где между ними было обнаружено соответствие, взявшее на себя функцию причины взаимодействия.

Транспективный анализ позволяет вычленить становление – эскалатор усложняющихся форм, эстафету преемственности там, где все кажется хаосом; не произвол в формообразовании, каковым бы он был, если бы допускались любые взаимодействия – в связи с тем, что именно они (взаимодействия) обладают порождающим эффектом. Он не признает линейность движения, которую так легко и незаметно подменяют «однолинейностью», за которой прячется телеологизм как идейная основа финалистических концепций. Однако отрицает и нелинейность, если под ней понимают чисто вероятностный процесс поведения системы в точке бифуркации – ничем не ограниченное количество степеней свободы, гарантирующее непредсказуемость дальнейшего пути развития системы. Поэтому транспективный анализ есть анализ тенденциональный. Из всех возможных путей развития состоится только один – поливозможность движения превратится в конкретный путь, поливариативность будущего обернется конкретной вариацией, которая станет содержанием истории становления системы. «Классический» историк зафиксировал ставшее как объективный факт, который уже нельзя изменить. «Неклассический историк» попытается анализировать ставшее, приблизившись

¹⁷ Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1982. Т. 1. С. 324.

предельно близко к настоящему, чтобы в фактах «только что ставшего», еще «горячих», зафиксировать изменения (становящееся). Транспективно мыслящий аналитик по изменениям вычисляет тенденции. Его занимает влияние этих новообразований на становление системы, он видит в нем то, что детерминирует дальнейшее ее развитие и упорядочивает ее. Он видит в факте механизм и момент самоорганизации, происходящего системного усложнения. Новообразование сделало систему другой, и тем произвело переструктурирование внешнего – в среде обитания системы изменилось то, что составляет ее условия жизни. Интересно, что об этом в самом начале XX в. догадывался гениальный Лоуренс Гендерсон: «Создается такое впечатление, как будто через весь процесс развития происходит влияние некоторой непрерывно действующей тенденции, хотя это обстоятельство имеет и мало значения для науки; необходимо только иметь в виду, что такая тенденция, как и время, является вполне независимой переменной и что тенденция и время вместе создают некоторую неизменную среду процесса развития»¹⁸.

Что касается человека, то среди всех психологических новообразований особый интерес для транспективного анализа представляют смыслы и процессы смыслообразования. Смысл является тем, в чем становление человека заявляет о себе наиболее выражено – в нем сосуществуют времена (прошрое, настоящее, будущее). Он объективирует транспективу – общее направление движения системы «человек», которая благодаря особой роли психического в ее самоорганизации может рассматриваться как психологическая система.

Взаимодействие, обладая порождающим эффектом, производит смысл, выступающий для человека и в форме актуально переживаемого «здесь и сейчас» (*настоящее*), и в качестве сигнала о соответствии, появлении в пространстве внешнего «своего», которое пока еще не стало «своим» – не усвоено (присвоено, поглощено, персонифицировано), но уже предполагает *будущее*. Кроме того, смысл выражает себя и в виде условия, обеспечивающего появление в сознании человека конкретного сектора из области «чистой объективности» (избирательность отражения), и в форме готовности реализовать этот смысл определенным образом (установка).

Может быть не так просто будет осмыслить вышесказанное и принять его психологам, воспитанным на идеалах классической рациональности.

¹⁸ Гендерсон Л.Ж. Среда жизни. М., Л : Госиздат, 1924. С. 191

Для этого есть свои основания. Как писал Л. фон Берталанфи, «мощь «классической науки» и ее многочисленные успехи на протяжении нескольких веков отнюдь не способствовали пересмотру ее фундаментальной парадигмы – однолинейной причинности и расчленения предмета исследования на элементарные составляющие». В этом усматривал ученый причины «методологической неподготовленности», в силу которой «системные» проблемы – древние и известные на протяжении многих веков – оставались «философскими» и не становились «наукой»¹⁹. Ассимилировать новые идеи мешает и то, что категориальный аппарат саморазвивающихся систем пока не разработан, но важно при этом учитывать, что варианты категориального аппарата саморазвивающихся систем были генерированы в философии задолго до того, как соответствующие структурные характеристики этих систем стали предметом естественнонаучного исследования. Транспективный анализ специфичен тем, что позволяет рассматривать настоящее не в его обусловленности прошлым (ставшим), как его актуальное продолжение, но и не как то, что наряду с прошлым, испытывает детерминацию со стороны будущего (идея двойной детерминации настоящего). Центральной здесь является идея системной детерминации – *новообразования, рождающиеся в настоящем, определяют облик будущего и переопределяют облик прошлого.*

Транспективный анализ предлагает регистрацию моментов, точек, фаз, стадий, пространств в которых возможность становится действительностью, и потому это такой анализ, который *вскрывает историю осуществляемых ожиданий.* В тени самого простого, самого сингулярного ощущения прячется ожидание. Оно прячется в тени элементарного мыслительного акта, оно стоит за спиной экспериментально добытого факта, его не видно в поперечном срезе эволюционирующего процесса – и с этим ничего нельзя поделать. *Транспективный анализ – это анализ не движения, а анализ в движении.* Это не значит, что транспективный анализ не предполагает поперечных срезов. Наоборот, он их предполагает, но понимает их как искусственно (и искусно) остановленные моменты непрерывающегося процесса саморазвития системы, произведенные не только для выявления дельты прироста новообразований (традиционный анализ развития по приросту нового). Эти срезы нужны для выявления тенденций становления – как потенциалов, в движении формирующихся, и в нем же обретающих силу на свое осуществление.

¹⁹ Берталанфи Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник. 1973. М., 1973. С. 290.

Любая наука начинается со статики, с изучения ставшего, но затем переходит к изучению динамики, к процессу становления, выделяя точки роста и тенденции развития. Посему транспективный анализ можно применить:

- к филогенезу (психоистория) – как истории становления человечества, закономерного усложняющегося явления как с точки зрения энцефалогенеза, так и усложняющихся форм мышления, которыми оно пользуется для понимания как себя, так и своего места в синергии живой и всей остальной материи;

- к истории психологии, открывая движение науки как закономерное, конституируемое и манифестируемое этапами, становление;

- к онтогенезу – как истории становления человека в качестве самоорганизующейся психологической системы.

Далее рассмотрим, используя транспективный анализ применительно к становлению психологического познания, как наука выходит к многомерному миру человека, делая его предметом психологического исследования, а потом, применяя его к процессу становления человеческого в человеке в ходе онтогенеза, рассмотрим этапы и закономерности становления многомерного мира человека.

2.2. Целостный человек как предмет психологического исследования. Философия и психология многомерности

Можно было бы сказать, что суть отмечаемого многими учеными кризиса психологии заключается в поиске путей ее «поворота к человеку». Однако если отметить, что о кризисе науки заговорили практически через двадцать лет после того, как психология выделилась в самостоятельную науку и эти разговоры продолжаются вот уже без малого сто двадцать лет, то кажется, что вопрос об антропологизации психологии как современной тенденции ее развития снимается сам собой. Думается, что это только кажется: сегодня из поля зрения практически исчез тот факт, что в разговорах о кризисе уже давно потеряна исходная логика. Кризис, длящийся почти столько же лет, сколько существует развивающееся явление, это уже не кризис, а что-то совершенно другое. И это «другое» действительно кажется кризисом, выступает в форме кризиса – для тех, кто рассматривает науку в рамках остановленного движения («стоп-кадра»),

в пределах плоскости, образовавшейся в результате мгновенно сделанного «здесь и теперь» поперечного среза с явления, формой существования которого является вовсе не то состояние, которое зафиксировал срез, а присущий этому явлению процесс саморазвития. Это напоминает попытку исследователя, который сделал снимок движущегося потока в его поперечном сечении, удивиться (или возмутиться) по поводу присутствия в ней следов турбулентности, мешающих рассмотреть подробности зафиксированного состояния. «Порядок следования» и «порядок состояния» – это разные вещи.

Желание добиться стабильного состояния науки, например, путем интеграции ее прошлого с ее настоящим, теории с практикой, или, в более мягкой форме, путем «согласования» между собой разновременных и разномасштабных теорий, спроецированных на плоскость актуального бытия науки, противоречит природе самого явления, способного существовать только в форме процесса. Стабилизировать актуальное состояние саморазвивающегося явления с помощью специальных приемов невозможно без насилия над природой самого феномена. Более того, это насилие, будь оно успешно, убило бы процесс, обеспечивающий стабильное существование самого феномена. Именно поэтому ни одна из попыток интеграции научного знания не привела к успеху. Что уж не делали ради этой интеграции. Перебрасывали «концептуальные мосты», приводили в систему методологические принципы, придумывали различные функции психики и через них пытались выйти на интеграцию разрозненных психологических представлений, использовали «системную эклектику», создавали специальную «теоретическую психологию», которая занималась бы интеграцией психологического знания, уповали на принцип детерминизма как средство интеграции, рассматривали один феномен в призме разных подходов и строили картину психологической реальности на одном принципе. Не касаясь еще многих других тщетных попыток интеграции, а так же учитывая те грандиозные усилия, которые тратились и продолжают тратиться на преодоление только одного параметра, указывающего на «кризис» науку – ее дезинтегрированность, можно заметить следующее.

Мы еще, очевидно, не поняли, что за этой «самоочевидной перманентностью» кризиса скрывается стабильность процесса, обеспечиваемая непрерывностью пребывания открытой системы в состоянии перехода, что и улавливает понятие «становление». Иными словами, саморазвивающиеся системы необходимо изучать в другой логике, потому что их движение не охватывается понятиями «кризисов», «революций», «скач-

ков», знаменующих мгновенный переход накопленных в период «спокойного эволюционирования» системы изменений в новое качество. Это означает необходимость учесть логику автора книги «Структура научных революций» Т. Куна, но выйти за ее пределы и понять, *каким образом еще не пришедшая, еще может быть даже не озвученная парадигма, находясь в будущем, уже раскатывает парадигмальные устои, которых придерживается наука в ее актуальном настоящем.* К такому выводу можно прийти, если соединить принцип «детерминации будущим» Л.С. Выготского с принципом «коинциденции» Д.Н. Узнадзе. Но соединить эти принципы (и еще некоторые другие) в рамках теории, основывающейся на представлении о человеке как открытой системе, в которой мера открытости эквивалентна мере его суверенности, а этапы такого открытия совпадают с поворотными периодами становления человеческого в человеке.

Можно констатировать, что психологи постепенно начинают различать понятия «саморегуляция» и «самоорганизация», хотя многими из них они продолжают восприниматься вполне синонимично. Между тем, эти два понятия не только различаются между собой, но их различие служат основанием для дифференциации двух эпох в движении психологической мысли, двух разных идей, определяющих парадигмальный статус науки на разных стадиях движения психологического познания, двух разных пониманий человека в качестве предмета психологической науки. От того, какой образ человека складывается в психологии, существенно зависит направленность и содержание исследовательской деятельности. Получается, что если бы психологи смогли без напряжения осуществлять указанную дифференциацию, то это обозначало бы, что «парадигмальный сдвиг», происходящий в современной психологии и осуществляющийся по линии «классическая психология» – «неклассическая психология» – «постнеклассическая психология», достиг определенного уровня. Такого уровня, который позволяет говорить о том, что постнеклассическое мышление в психологии активно обретает общепринятый (парадигмальный) характер.

Перед психологией уже однажды стоял вопрос: «Куда выходить?». Было это в период «золотого десятилетия» (1903–1913), когда наука, чтобы остаться таковой, была вынуждена выйти за пределы замкнутого на себя предмета познания, каковым в то время выступало сознание. Сегодня она снова стоит перед этим вопросом, но теперь это уже другая наука. И окружает ее (и подпитывает) другая по своей ментальности околонаучная среда, которая успела впитать в себя и все то полезное, что уда-

лось получить психологии за сто лет, которые прошли после артикуляции этого вопроса. Поэтому, взаимодействуя с этой средой, психология в определенной степени взаимодействует и с самой собой, пусть даже не всегда ей удастся осознать этот факт. Так куда же все-таки выходит наука? Наш ответ: к более сложной системе, релевантной целостному человеку. Почему именно к нему, и что собственно означает понятие «целостный человек»? Зачем он нужен психологии, когда и без этого у нас столько его аналогов, существующих, точнее сосуществующих, например, в виде индивида, субъекта, личности, индивидуальности? Действительно, аналогов человека в психологии много, но человека как такового нет.

И пока в психологии нет целостного человека, его место занимает все, что можно антропоморфизировать, т.е. все, чему можно приписать функции целостного человека. Периодически эти функции передаются индивиду, субъекту, личности, порождая эту странную «психологию на троих» (В.П. Зинченко). Безусловно, в человеке можно найти много граней и выделить в нем различные аспекты, меняя «призмы видения». Возникают различные подходы и концепции, в рамках которых исследователи пытаются интегрировать знание, полученное с помощью этих «призм», в некоторое целостное представление о человеке. Столь же периодически происходит перераспределение функций между личностью, индивидом и субъектом, что особенно заметно в периоды, когда лидирующие функции в науке берет на себя тот или иной аспект, порождая очередную авторскую «психологию личности», «психологию индивида», «психологию индивидуальности», «психологию субъекта». Не хочется спорить о том, какая из концепций наиболее точно отвечает целостному пониманию человека. Уместнее поставить вопрос о принципиальной возможности получить целостное представление о человеке путем интеграции имеющегося аспектного знания о нем. Не хочется впадать в трюизм напоминанием притчи о слоне, которого (вполне аспектно) изучали слепые мудрецы. Даже «психология на четырех» (с условием добавления сюда еще и «призмы» под названием «индивидуальность») не изменит ситуацию.

Иными словами, только сегодня в полной мере наступает осознание того, что мы пытаемся угадать, пользуясь образами Л.С. Выготского, миссию «телефонного аппарата», изучая сам аппарат, т.е. вовсе не имея в виду миссию «телефонистки» (человека). «Нельзя аналогизировать все поведение с деятельностью аппарата. Но аппарат + человек...»²⁰. Хорошо

²⁰ *Выготский Л.С.* Конкретная психология человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология 1986. № 1. С. 63.

чувствовавший тенденции развития психологического познания А.Н. Леонтьев, представивший в своей книге развернутую теорию личностных смыслов, заканчивает ее указанием на необходимость вернуть «целостного человека» в психологию²¹. Видимо неслучайно А.Н. Леонтьев писал о смыслах как «высшей математике психологии» – смыслы релевантны «целостному человеку», системе более высокой, нежели личность, которая сама является пусть и «особым», но только качеством человека. А с «целостным человеком» научная психология еще напрямую не сталкивалась, и потому не знает, как он выглядит. Пока же приходится констатировать, что незаметно подходит к концу, но вовсе не ушло в прошлое время «геометрической психологии», когда еще можно говорить о каких-то неведомых «сферах» человека, в которых обитают сознание, бессознательное, психика как таковая. Эти понятия приходится использовать, поскольку на них возлагается важная миссия: они создают иллюзию «неподкожности» психического. В противном случае психика уже ничем бы не отличалась от наивно понимаемой души, живущей в теле. С другой стороны, это позволяет говорить о возможности использования в психологии «объективных методов», разработанных в других («развитых») науках, предметы которых ограничены конкретными пространственно-временными континуумами: все-таки и у нас в науке есть свои психологические пространства, хотя бы и в виде непонятных в своей локализации «сфер».

Неизвестно где и как локализованным «сферам» еще и предписывают способность развиваться. В связи с этим перед педагогами ставятся фантастические по своей неопределенности задачи по формированию «эмоционально-волевой сферы личности» («интеллектуальной сферы», «ценностно-смысловой сферы», «сферы сознания»). О странностях «психологической геометрии» в свое время писал Л.С. Выготский: «Именно потому, что эти понятия адетерминистичны, беспричинны и беспространственны, именно потому, что они построены по типу геометрических абстракций, Павлов отвергает их пригодность для науки: они несоединимы с материальной конструкцией мозга. Именно потому что они геометричны, мы вслед за Павловым говорим, что они непригодны для реальной науки»²².

Антропологизация на самом деле есть переход от дискретного понимания психики и сознания в совершенно другую методологию – к пред-

²¹ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 302 с.

²² Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. М., Педагогика, 1982 Т 1 С 401

ставлению о непрерывной природе психического. Дискретное понимание исходит из феномена целостности психических явлений: «их неразложимость «на кусочки» отмечается обычно как одна из их фундаментальных характеристик. Будучи многообразными, психические явления выступают как явления одной природы. Поэтому они и сами могут рассматриваться как система. Единство психики как системы выражается в ее общей функции: являясь субъективным отражением объективной действительности, психика осуществляет регуляцию поведения». Если в физике теория поля достигла и даже переросла уровень теории дискретности, то в психологии до сих пор психика и сознание чаще всего понимаются как замкнутые дискретные образования, имеющие уровневое строение, собственную структуру и даже собственную логику.

С помощью транспективного анализа открывалось, что вместе с понятиями психологического поля (К. Левин), смыслового поля (Л.С. Выготский), транссубъективного пространства (Д.Н. Узнадзе) в психологии уже сравнительно давно вызревает мысль о пространственной непрерывности психического. *Психическое есть то, что обеспечивает дальное действие человека как открытой саморазвивающейся системы, одновременно определяя параметры его (человека) многомерности.*

Итак, тенденция антропологизации может быть прослежена в истории психологии, она давно «пробивается» в ней, но только в науке, обретшей постнеклассический облик, она перестанет быть тенденцией, т.е. обретет парадигмальные основания. Тогда, возможно, отпадет необходимость удерживать как самостоятельные основные принципы научной психологии, настолько утвердившиеся в ней в качестве особых средств понимания и объяснения психического, что уже кажутся навечно в ней прописанными «методологическими окаменелостями». Если раньше и находили какие-то основания для объяснения того, почему принципы детерминизма, системности и развития необходимо понимать как отдельные принципы, которые все-таки рекомендуется использовать вместе (как взаимодополняющие), то сегодня отпадает смысл и в таком понимании, и в таком использовании этих принципов.

Зачем нужен принцип системности, если он, оказывается, не несет в себе «идеи развития» и его, следовательно, необходимо этой идеей дополнять? Если предметом исследования является *саморазвивающаяся система*, существующая в режиме постоянного усложнения своей системной организации, т.е. становления, то по отношению к ней различение принципов развития и системности вообще теряет всякий смысл. Здесь

уже надо разбираться с тем, как на деле осуществляется переход возможности в действительность, почему в одних случаях он осуществляется, а в других нет.

Зачем нужны принципы детерминизма, которые реанимируют дихотомию внутреннего и внешнего, объективного и субъективного, в разных концепциях приписывая экстенсивный или интенсивный характер то одному, то другому из полюсов в этой дихотомии («внешние причины действуют...», «внутреннее взаимодействует с внешним...»)? Ведь все эти принципы возникали в тот период, когда психология еще не переболела «гносеологизмом». Представление о человеке как саморазвивающейся системе этих дуализмов просто не допускает. В таких системах детерминирующими оказываются те факторы, которые система сама порождает, и на которые сама же опирается в своем дальнейшем следовании (системная детерминация). Здесь становятся неразличимыми объективная и субъективная реальности. Однако впервые у психологии появляется возможность объяснить, каким образом из этих двух реальностей ткется тонкая ткань «многомерного пространства жизни», входящего в само содержание понятия «человек» в качестве его самой «человеческой» составляющей. Только признав это пространство в его указанном качестве, можно объяснить природу чувства реальности и осознать механизм его разрушения в различных формах дереализации, с которыми сталкиваются психиатрическая практика. И объяснить, почему в норме человек понимает смысл и ценность своих действий (подотчетность) и не понимает их при системных нарушениях.

Сделаем несколько предварительных замечаний, которые необходимы для понимания того, как, с нашей точки зрения, надлежит использовать транспективный анализ применительно к выявлению закономерностей и тенденций в становлении человекообразных систем. Нам периодически приходится сталкиваться с тем, что, перечисляя методы историко-психологического исследования или методы анализа процессов развития психики и человека, транспективный анализ указывается среди прочих, но иногда с оговоркой о том, что процедура данного подхода еще не разработана, или с пометкой, что «активное его использование не представляется возможным».

Транспективный анализ не является методом познания, который можно расположить в пространстве других методов, как рядоположенный им. Его можно использовать только в определенных условиях, а именно при изучении процессов становления открытых саморазвивающихся систем,

систем сложных, человекообразных, закономерно усложняющихся, находящихся в постоянном обмене с окружающей средой. Если соответствующая система не выделена исследователем, то можно обойтись без транспективного анализа: такое его использование его же и дискредитирует. Например, если исследователь понимает сознание, психику в целом, как «открытую нелинейную саморазвивающуюся систему», активно взаимодействующую со средой, полагая, что системные процессы не являются жестко детерминированными внутренними либо внешними условиями и, таким образом, на первый план выступает «вероятностная опосредованность множеством разнонаправленных факторов»²³, то применить здесь транспективный анализ нет никакой возможности. Ни психика, ни мозг, ни сознание не являются самостоятельными системами, заинтересованными в обмене и потому вынужденными «активно взаимодействовать со средой». Психика не эквивалентна человеку, она «не человекообразна», хотя и участвует в становлении его многомерности. Открытая система, к которой можно применить синергетические построения, особенно в той ее части, которая касается взаимодействия системы с внешней средой, выбрана неправильно. Приведенный пример можно считать одним из многих примеров использования бинарных конструкций. При этом он еще используется таким образом, что психика полностью представляет внутреннее, в то время как логика постнеклассического рассуждения предполагает многомерность. Становится привычным схему, сложившуюся в классической науке, приспособливать к схемам постнеклассического рассуждения и объяснения путем прямого переноса в нее понятийного аппарата синергетики. В целом это и есть пример синергетического редукционизма.

Что представляет собой самоорганизация с синергетической точки зрения? Она происходит в *пространственно-распределенных системах*, потенциально обладающих бесконечным числом степеней свободы путем выделения небольшого числа так называемых параметров порядка, переменных, определяющих динамику всей системы. И выделение этих аттракторов, т.е. того, что почему-то оказывается наиболее привлекательным для системы при выборе пути, по которому пойдет дальнейшее ее следование, т.е. определяющих всю последующую историю ее становления, было и остается основным источником головной боли для представителей синергетики. «В отличие от специалистов по синергетике, – иро-

²³ Манеров В.Х., Королева Н.Н., Богдановская И.М. Методология постнеклассической психологии и подготовка практических психологов // Вестник практической психологии образования. 2007. № 4 (13). С. 56–60.

низирует Г.Г. Малинецкий, – наш мозг поразительно легко решает задачу выделения параметров порядка и построения эффективных прогнозирующих систем (предикторов). В самом деле, в мозге и “тактовая частота”, и скорость передачи сигналов на шесть порядков ниже, чем у персонального компьютера. Поэтому приходится безжалостно редактировать поступающие извне информационные потоки и иметь дело только с самым главным. Более того, можно предположить, что способность гибко менять поведенческие стратегии и совершенствовать свои внутренние предикторы не только методом проб и ошибок и дала нашему виду стратегические преимущества в ходе эволюции»²⁴.

Обратим внимание: «способность гибко менять поведенческие стратегии и совершенствовать свои внутренние предикторы» – это же как раз то, что является признаком инновационного поведения. Иными словами, если психологи не войдут в идеологию многомерности, саморазвития, самоорганизации, то вряд ли они ответят на вопросы, связанные с сущностью инновационного поведения. Ситуация действительно необычная. В указанной работе Г.Г. Малинецкий ссылается на В.И. Аршинова, высказавшего мысль о «синергетике-2» как некотором методе задавания глубоких вопросов, в прямую не связанных с конкретикой нелинейной науки, и о «синергетике-3» как о подходе к синтезу двух культур, естественно-научной и гуманитарной, который идет не от простого к самому сложному, к человеку, а в обратном направлении, от человека. «Эти размышления о том, чего в нынешней синергетике нет и что в ней хотелось бы видеть оказываются своеобразным “техническим заданием” от исследователей, которые смотрят на нелинейную науку со стороны»²⁵. Таким образом, психология инновационного поведения оказывается ангажированной на выполнение сразу двух заданий – социального заказа, о котором мы столь подробно говорили в первой главе этой книги, и «технического задания» от синергетики, ждущей объяснений того, как все-таки мозгу удастся «безжалостно редактировать поступающие извне информационные потоки и иметь дело только с самым главным».

Насколько важно выполнить это «техзадание»? «Поскольку строить хорошие предсказывающие компьютерные системы во всем многомерном фазовом пространстве “на общих основаниях” не удастся, – замечает Г.Г. Малинецкий, – вероятно, мозг учитывает его неоднородность. По-

²⁴ Малинецкий Г.Г. Синергетика. Король умер, да здравствует король! Режим доступа http://www.keldysh.ru/departments/dpt_17/koru.html

²⁵ Там же

видимому, он очень точно выделяет области, *где можно многомерное пространство заменить маломерным, а сложное простым...*». Если психология сможет ответить на вопрос о том, как это реально происходит, то это знание может оказаться весьма важным как для синергетики, так и для разработчиков «предсказывающих» компьютерных систем

«В свое время Е. Вигнер, обсуждая пределы науки, выделил две «сверхдисциплины», предлагающие универсальную и самосогласованную картину мира. *Это физика и психология*. На взгляд дилетанта, каким считает себя автор этих заметок, – самокритично пишет Г.Г. Малинецкий, – *психология, как показало ее развитие в последние 20 лет, не приняла этого вызова*». Здесь мы должны простить одного из ведущих специалистов в области нелинейной динамики: психология этот вызов сформировала самостоятельно. Мы уже цитировали одного из самых ярких представителей современной психологии В.П. Зинченко, определившего еще в 1981 г.: «Анализ свободного человеческого действия – серьезный вызов психологической науке»²⁶.

Что же касается последних 20 лет, то примерно столько же лет назад стала складываться теория самоорганизующихся психологических систем (ТПС), и уже зримо стали проступать черты того механизма, с помощью которого живые системы оказываются способными превращать хаос внешних воздействий в нечто ограниченное и упорядоченное, что и позволяет им решать те задачи, про которые пишут Г.Г. Малинецкий и А.Б. Потапов: «...у нас возник класс задач, очень сложный для компьютеров (или, по крайней мере, для разработчиков алгоритмов) и сравнительно легко решаемый биологическими объектами»²⁷. Трудно упрекнуть математиков в том, что они не разглядели того, каким образом в трансспективе исторического движения науки раскрывается мысль Л.С. Выготского о том, что психика как раз и есть то, что позволяет человеку формировать вокруг себя многомерное пространство, благодаря которому ни мозгу, ни сознанию уже не надо перерабатывать *весь* поступающий к ним информационный поток: «наши чувства дают нам мир в выдержках, извлечениях, важных для нас», вследствие чего «сознание как бы прыжками следует за природой, с пропусками, пробелами»²⁸. Трудно уп-

²⁶ Зинченко В.П. Идеи Л.С. Выготского о единицах анализа психики // Психологический журнал. 1981. Т. 2, № 2. С. 132.

²⁷ Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б. Нелинейная динамика и хаос: Основные понятия. 2-е изд., 2009. 240 с.

²⁸ Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 1. С. 347.

рекнуть в этом математиков, потому что и психологи в массе своей пропустили то поистине изящное решение проблемы избирательности человеческого сознания и поведения, которое в этой идее содержится, пусть еще и не в раскрытой форме.

Получается, что не мозг и не сознание определяют избирательность психического отражения. К ним *поступает уже отобранная информация* и мозг, у которого «тактовая частота», и скорость передачи сигналов действительно «на шесть порядков ниже, чем у персонального компьютера», справляется с переработкой поступающей информации. Поэтому красивая метафора о мозге, которому «приходится безжалостно редактировать поступающие извне информационные потоки» – для того, чтобы иметь «дело только с самым главным», остается только метафорой. «Безжалостный редактор» уже поработал и в мозг поступает уже отобранная и определенным образом структурированная информация. В многомерном мире все значимое уже помечено смыслами, отношение уже прошло по важным местам своим эмоциональным «маркером». Почему же столь настоятельно в синергетике делается упор на мозг, который каким-то неведомым способом «редактирует» информационные потоки? Да по той же причине, по которой в психологии эта же роль отводится сознанию. Ему иногда приписывают роль автономного деятеля, который как раз и редактирует информационные потоки, самостоятельно принимая решения о том, что ему (сознанию) стоит осознавать, а чего не стоит. Остается непонятным в пользу кого такой «деятель» принимает решения. В пользу человека? Так этого истинного деятеля в теории сознания, построенной на идее непосредственной связи сознания с информационными потоками (из которых оно призвано выбирать материал достойный для осознания), просто нет. Вот и получается, что перед большими циклами интересных исследований ставится цель «обосновать наличие в функциональной организации сознания механизма принятия решения об осознании»²⁹.

Происходит это потому, что и математики и многие психологи используют одну, при этом самую простую, самую очевидную схему познания человеком мира. Известный методолог К. Поппер назвал ее «бадьюной теорией». В соответствии с ней, чувственные данные «вливаются в бадью через семь хорошо известных отверстий – два глаза, два уха, один нос с двумя ноздрями и рот, а также через кожу – орган осязания. В бадье они *усваиваются*, а конкретнее – связываются, ассоциируются

²⁹ Агафонов А Ю Феномен осознания в когнитивной деятельности. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук СПб., 2006

друг с другом и классифицируются. А затем из тех данных, которые неоднократно повторяются, мы получаем – путем повторения, ассоциации, обобщения и индукции – наши научные теории. Бадейная теория, или обсервационизм, является стандартной теорией познания от Аристотеля до некоторых моих современников, например, Бертрана Рассела, великого эволюциониста Дж.Б.С. Холдейна или Рудольфа Карнапа. Эту теорию разделяет и первый встречный», – писал К. Поппер³⁰. В принципе, уже неважно, что находится в центре «бадьи»: мозг или сознание. Важно, что такой подход не позволяет решить проблему избирательности психического отражения, непосредственно определяющую проблему избирательного поведения человека, и прежде всего инновационного поведения. Человек – не «бадья», в центре которой находятся мозг или сознание, бесстрастно перерабатывающие информацию.

Представление о психике как аппарате отражения внешнего мира при его непосредственном воздействии на органы чувств, которые исходно заложены и в «бадейную теорию», не позволяют психологии решать задачи, которые сегодня встают перед ней. Психология мучительно прорывается к «целостному человеку», к многомерным человеческим мирам, составляющим «самую человеческую» часть того, что включает в себя понятие человек. Только выход к этим пространствам гарантирует решение вышеуказанной проблемы избирательности.

Обратите внимание, что последовательно рассуждая о мозге в контексте самоорганизации, основатель синергетики Ганс Хакен вынужден, чтобы не потерять логику рассуждения, постулировать многомерность пространств, в которых рождаются «параметры порядка». В начале своей книги «Принципы работы головного мозга», он утверждает, что самоорганизация это когда упорядоченные структуры «создаются не некоей организующей рукой, а самими системами, действующими без всякого воздействия извне»³¹, а в конце книги он напишет, что «взаимодействие внутреннего и внешнего приводит к появлению новых параметров порядка» и виной тому «внутренне-внешняя сеть, часть элементов которой представлена или хранится внутренне в разуме или мозге, а часть существует (хранится или внешне представлена) во внешней среде»³².

³⁰ *Popper K. A Evolutionary Epistemology // Evolutionary Theory: Paths into the Future / Ed. by J.W. Pollard. John Wiley & Sons. Chichester and New York, 1984. Ch 10 P 239-255. Режим доступа: <http://www.uic.knov.ru/pustyn/cgi-bin/htconvert.cgi?popper.txt>*

³¹ *Хакен Г. Принципы работы головного мозга. М.: «ПЕР СЭ», 2001. С. 14.*

³² *Там же. С. 298.*

Можно оценить, насколько этот вывод близок к тем положениям, с которых начиналась культурно-историческая психология 80 лет назад. Ее исходный замысел заключался в развитии психологии как науки об особой – высшей – форме жизни. В теоретических поисках *«материальное, внешнее и идеальное, внутреннее выступили как единое»*³³. И задача изначально стояла своеобразно: «Нужно было найти в самом этом внешнем предмете то, что именно и делает его психологическим»³⁴. Была выделена категория для обозначения той реальности, которую Г. Хакен обозначил как «внутренне-внешняя сеть». «Смысл есть, следовательно, не категория самой действительности, взятой абстрактно, отвлеченно от субъекта, но и (не) категория чисто субъективная. Это есть субъективно-объективная категория»³⁵. Проблемой оставалось то, каким образом можно совместить смысловые и предметные поля, в которых внешнее и внутреннее, субъективное и объективное действительно выступили как единое. Это и сбивало «пафос первых теоретических проб», когда решение кажется таким самоочевидным, но «это было психологически недостаточно конкретное решение»³⁶. Позже Л.С. Выготский поймет причины затруднений: «Мы слишком поздно ввели системную точку зрения... Сейчас я понимаю все это глубже»³⁷. Развить системную точку зрения Л.С. Выготский уже не успел. Да и сформировать новый (системный) взгляд на природу саморазвивающихся открытых «человекоразмерных» систем в начале 1930-х гг. означало бы стать первооткрывателем многих системных идей, к которым представители разных наук стали приходить только в последней четверти XX в. Теперь уже синергетика выходит к сложнейшим «совмещенным» пространствам, этим «внутренне-внешним сетям», в которых формируются параметры порядка, но она не вооружена представлениями, которыми владеет современная психология, не снимающая с себя призвания превратиться в науку «о высшей форме жизни». Поэтому в центре оказывается мозг человека, но не сам человек: «бадья» с мозгом в центре еще остается, но уже появляется окружающая ее сложная «сеть», захватывающая и внешний мир, что существенно перестраивает существующие взгляды на то, что такое среда открытой сис-

³³ Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 39.

³⁴ Там же. С. 39.

³⁵ Там же. С. 208.

³⁶ Там же. С. 39.

³⁷ Завершнева Е.Ю. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 120–135.

темы и как она деформируется, превращаясь в условия жизни системы, обеспечивающие ее саморазвитие в направлениях, на которые указывают многомерные (субъективно-объективные, внутренне-внешние) параметры порядка.

Первым, кто указал на необходимость ввести внешнее (среду) в определение организма, был Иван Михайлович Сеченов. «Организм без внешней среды, поддерживающей его существование, невозможен; поэтому в научное определение организма должна входить и среда, влияющая на него, так как без последней существование организма невозможно...»³⁸. Заметим, в определение организма входит не вся среда, а только соотносимая с организмом. Чем сложнее организм, тем сложнее и его среда. Человек представляет наиболее сложную и высшую из известных нам форм жизни. Его среда – это и есть многомерный мир конкретного человека. Если мы включаем мир человека в определение человека, то уже упрощением кажется конструкция «человек и его мир», поскольку союз «и» рождает ложную иллюзию, что многомерный мир человека не входит в исходное определение человека. Если их развести в начале, то уже невозможно будет выйти к их единству в конце теоретических построений. Многомерный мир конкретного человека и есть подлинное пространство его жизни. Оно, это пространство, обладает подвижной конфигурацией, оно «дышит» в унисон с его растущими потребностями и возможностями, обладает способностью расширяться в пределы «объективной реальности», превращая «вещь в себе» в «вещь для нас», обеспечивая тем самым человеку чувство реальности бытия.

Для нас «целостный человек» означает такое понятие человека, которое исходно включает в себя его многомерный мир. Только благодаря этому мы вообще можем говорить о многомерном человеке. Это представление и легло в основание научного направления: «системная антропологическая психология». Наверное, понятно, почему это наука «системная» и почему она «антропологическая», не всем понятно, почему это психология, а не раздел антропологии – культурной, философской, педагогической и т.д. Мы занимаемся психологией целостного человека, нас интересует психическое в той роли, которая позволяет человеку быть открытой (в мир и к себе самому) системой, в той функции, которую психическое выполняет, обеспечивая устойчивое существование человека как саморазвивающейся системы, а так же те психологические систем-

³⁸ Сеченов И.М. Две заключительные лекции о значении так называемых растительных актов в животной жизни // Медицинский вестник. 1861. № 26.

ные новообразования, которые система порождает сама, в чем и проявляется ее способность к самоорганизации, без которой невозможны ни саморазвитие, ни избирательность поведения человека и его сознания. Многомерный мир человека – это не его «периферия», а место дислокации Духа – психика не подкожна.

Целостность характеризует явление в его эволюционном следовании. Классика начинала со статики, с того, что есть, что уже установилось и которое поэтому можно изучать. Неклассическая наука вышла к первичной динамике – развитию. Ее уже меньше привлекает аналитика, она уже утверждает, что «целое больше суммы частей»; она стремится понять стремление человека стать целостным, при полном признании его (человека) принципиальной незавершенности. Она пока не может совместить незавершенность человека с механизмами его саморазвития и зачастую не различает «развитие» и «становление», пытаясь в становлении разглядеть начальную фазу развития («становление и развитие»). Постнеклассическая наука идет еще дальше. Здесь незавершенность, тотальная неполнота человека выступает в качестве источника его самодвижения, саморазвития. В незавершенность заложена активность дления, «продления», изменения, течения, потока жизни, устойчивости этого потока и его направленности, происхождение сил, выводящих за пределы себя, еще завершающегося. Пока еще остается потенциал завершения, незавершенность будет оставаться условием устойчивого существования человека.

Целостный человек – это человек, постоянно делающий себя целым из перманентно нецелого, все время нуждающийся в чем-то и ком-то, все время ожидающий чего-то и кого-то, усложняющийся, когда сбываются ожидания и удается присвоить предмет ожидания, приняв его в себя, сделав своим. А становясь другим, более сложным, человек уже не замечает, что вместе с этим становлением изменяется его собственное пространство жизни и из этого пространства начинают отзываться, вступать с ним в резонанс такие вещи и явления, которые раньше, когда он был более «простым», ему не соответствовали. И он снова начинает ощущать себя хотящим и могущим, страстным и пристрастным, чувствительным к красоте и гармонии, интересующимся и любопытным, т.е. переживающим всю полноту свой благотворной незавершенности. Человек полный, заверченный, совершенный – это человек ничего уже не хотящий и не могущий, постоянно нуждающийся в проявлении внешних атрибутов, указывающих на собственную состоятельность и почитающий за благо полное слияние своего поведения в мире с устоявшимся пониманием самого

мира. Это поведение уже не может быть инновационным, поскольку и само оно уже скоро перейдет в трагедию умирающего человека – не только состоятельного, но и окончательно состоявшегося.

П.М. Флоренский так устанавливает этимологию слова «целое». «Целос – целый – значит не поврежденный, неиспорченный, полный, со всеми частями. Слово «целый» сокращено слову “целить”, “исцелять”. Целостный значит делать вновь целым из нецелого, из заболевшего, поврежденного. Следовательно, в понятии “целый” содержатся нормы бытия. В греческом языке понятием “целое” означает прекрасное, красота; в санскрите одно и то же означает целый, спасительный, прекрасный, приятный, нетронутый, целомудрие. В готском это слово означает здоровый и целый. В немецком – целый и святой. Понятие целость в русском языке содержит цельность»³⁹. Цельность соотносимо с другим русским словом – «самость».

Самость характеризует человека с точки зрения его самодостаточности, суверенности, т.е. способности к самоосуществлению, творческому самоконструированию. Самость есть системная характеристика того, как человек в процессах взаимодействия с окружающим миром (прежде всего миром культуры) созидает свое «Я» в одновременном становлении своего многомерного пространства жизни. Целостность – это также мера гармонии между двумя органическими (неотрывными) частями человека, представленными его «Я» и пространством жизни, в котором «Я» осуществляет себя, свою миссию и предназначение. Драма заключается в том, что «Я» склонно толковать свое же пространство жизни как «не-Я»: оно вообще не имеет смысла без «не-Я», поскольку всегда хочет определить свои границы. Сознание есть то, что конституирует эту дихотомию. Сознание и есть способность человека видеть мир отдельно от себя, для того, чтобы не видеть «себя в мире». В противном случае невозможным оказалось бы как познание мира, так и себя самого. Ни одна из частей не должна превалировать по отношению к самости, чтобы не расколоть ее: Часть, возобладавшая над целым, рождает хаос. Возобладай «Я», и вот уже человек рассматривает себя в качестве безусловного «творца природы», ее «хозяина», кроющего мир по лекалам собственной субъективности. Самое опасное, если он будет делать это инициативно и интенсивно, «инновационно» реализуя свой творческий порыв. Возобладай другая крайность, и человек начнет рассматривать себя как пассивно-страда-

³⁹ Флоренский П.А. Соч : В 4 т М.. Мысль, 1999. Т. 3 (1) С. 456.

тельное существо, реагирующее на внешние воздействия, реакциями своими пытаясь приспособиться к «новым объективным условиям».

Итак, современная психологическая теория является далеко не такой простой, как это иногда кажется непосвященным. Есть в ней «элементарная математика», доступная всем. Есть и такие сложные понятия, которыми наука обозначает самые труднодостижимые психологические феномены. К числу таких понятий и относится смысл. Не случайно Л.С. Выготский считал задачу объяснения происхождения и возникновения осмысленности «труднейшей из всех, перед которыми когда-либо стояли психологи-исследователи»⁴⁰. Как красноречиво заметил А.Н. Леонтьев, проблема смысла «относится не к области «арифметики» психологии, но к области «высшей математики» ее»⁴¹. Чем же обусловлена такая оценка проблемы?

Возможно тем, что проблема смысла возникает в психологии только по мере превращения самой психологии в науку о человеке. По факту постановки проблемы смыслов (и ценностей) в психологии, а так же через оценку качества предлагаемых решений можно делать суждения о том, как протекает процесс антропологизации психологического познания. Следовательно, если психология смогла обнаружить проблему смысла, и даже в первом приближении поставить ее, то это может служить верным признаком трансформации предмета науки в определенном направлении. Кратко эту диалектику можно представить как поднятие предмета науки на новый уровень – от психики (человека) к человеку (с психикой).

Видимо не случайно А.Н. Леонтьев писал о смыслах как «высшей математике психологии» – ею нельзя поделиться с «первым встречным», т.е. с человеком, не имеющим соответствующего опыта профессионально-психологического мышления. Это не означает, что «физическое мышление», например, уступает «психологическому мышлению» по уровню сложности. Просто физик и психолог познают разную реальность, каждая из которых отличается уровнем своей системной организации. Соответственно, им требуется и мышление разного уровня системности. Вовсе не случайно заметил А. Эйнштейн, что психология «гораздо сложнее физики». Когда в первые десятилетия прошлого века физики, переходя к изучению микромира, пришли к осознанию того, что объект и субъект познания взаимосвязаны, да еще таким образом, что сами объекты теперь

⁴⁰ *Выготский Л.С. Собр. соч. Т.1. С. 267.*

⁴¹ *Леонтьев А.Н. Философия психологии. Изд-во МГУ, 1994 С. 206.*

необходимо было понять как составные части ситуации наблюдения, то это перевернуло всю методологию научного знания в целом. По мере становления неклассической физики формировалась неклассическая эпистемология.

А что же психология? Для некоторых выдающихся представителей психологической науки открытие неклассической физикой взаимосвязи между субъектом и объектом познания никаким открытием не явилось. Они уже тогда использовали элементы мышления, которое сегодня называют постнеклассическим. Если для физиков предметом исследования выступала четырехмерная реальность (три координаты плюс время), то психологи постепенно приходили к убеждению в том, что непосредственного, прямого выхода к этой реальности у человека нет. Поэтому физикам не стоит удивляться (или сокрушаться) по поводу того, что результат физического исследования оказывается зависимым от позиции наблюдателя. «Голый физический стимул света не есть полная реальность» – писал Л.С. Выготский⁴². Среда человека не является для него физической средой, «чистой объективностью». «Голого, несоциального, непосредственного общения с миром у человека нет»⁴³.

Чем же опосредовано это общение человека с миром? Тем, что между миром «чистой объективности», существующим вне человека и независимо от него, этой настоящей «вещью в себе», и своим субъективным миром, который еще называют «внутренним миром человека», выстраивается «третья реальность». Ее невозможно дислоцировать на одном из полюсов: она не сводится ни к объективной, ни к субъективной реальности. Она воспринимается человеком как нечто внешнее для него, на деле оставаясь его собственным продолжением, его внутренним личным *пространством жизни*. Эта реальность чувственна и сверхчувственна одновременно, т.е. включает в себя такие системные образования, которые не воздействуют на органы чувств и потому продолжают быть невидимыми. Наконец, она не сводится ни к Духу, ни к Материи, представляя собой подлинное (системное) единство этих двух «противоположностей». Субъективное (Дух) является своеобразным маркером, который должен предварительно разметить объективную реальность сообразно человеку, своеобразно исказить ее, пометив в ней то, что имеет для человека значение, смысл и ценность. Смыслы возникают в местах встречи Материи и Духа, указывая на то, что именно в этих местах существует соответствие

⁴² Выготский Л.С. Собр. соч. 1983. Т. 5. С. 73.

⁴³ Там же. С. 63.

между тем, что нужно человеку и тем, что в мире откликается на его запрос. Человек есть система взаимодействий, порождающая смыслы и ценности, являющие основанием для направленных поведенческих актов. Так в чем же суть «драмы», на которую намекал в своих работах Л.С. Выготский, той драмы, на переживание которой обречен человек в силу своего особого (системного) устройства? Именно с ней связаны все трудности, которые возникают при попытке объяснить природу избирательности и осмысленности человеческого сознания, поведения и деятельности. Вот как выглядит сущность этой драмы с позиции системной антропологической психологии.

Человек всегда видит некоторый отрезок мира, некоторую часть его, сектор, сегмент или то, что он называет ситуацией. И он никогда не видит в этом мире самого себя, хотя реально присутствует в нем, поскольку и сам этот мир человека является его (человека) продолжением, принадлежащем ему *пространством жизни*. Человек не знает собственных «размеров» и, взаимодействуя с тем, что воспринимается им в качестве противостоящей ему *объективной реальности*, человек вынужденно взаимодействует и с самим собой, незримо присутствующим в этой реальности. Он представлен в ней не в физических параметрах ее предметного содержания, а в особых измерениях предметов, входящих в ситуацию и тем самым выделяющих ее среди всей бесконечной, в себе и для себя существующей «чистой объективности». Человек не может – не имеет соответствующих средств, и даже нрава – видеть в мире самого себя в качестве составной части этого мира. Только через мышление он может прийти к пониманию соразмерности того, что кажется ему объективной реальностью, самому себе. А в реальной жизни он руководствуется смыслами, которые и призваны для того, чтобы в нашем сознании появлялось только то, что имеет отношение к человеку именно здесь и теперь. Этот отбор является для нас настолько естественным, что мы уже не замечаем всей сложности механизма отбора, используя только его результаты. Однако будь по-другому, не было бы у человека ни сознания, ни самосознания. У животных все устроено значительно проще: они живут в мире, не выделяя себя из мира. Но ведь они и не создают мир, а если и изменяют его, то только в силу своего пребывания в нем.

Эволюционное усложнение системной организации человека проявилось в способности порождать сложную «совмещенную», чувственно-сверхчувственную реальность, единственное назначение которой заключается в том, что она обеспечивает человеку возможность достаточно

четко отделять Я от не-Я, видеть мир отдельно от себя и переживать эффект присутствия себя в мире, что и является основным признаком наличия сознания. Только в этом случае он сможет почувствовать себя субъектом, который этот мир познает и создает, осмысливает и переживает. Этот разрыв (не видеть себя в мире, чтобы видеть мир отдельно от себя) обуславливает драматичность человеческого бытия. Ведь перестраивать мир можно, только перестраивая себя, и познавая его нельзя уйти от процессов самопознания. «Голгофа человеческого духа», – так определил Гегель работу разума, вынужденного всегда познавать мир через призму собственной субъективности, но при этом пробиваться к истине путем изгнания самого себя из продуктов познания – ради выявления того, как оно «есть на самом деле». Поэтому истина ни есть замкнутый на себя непосредственный итог познания, но есть процесс, сопровождаемый постоянным диалогом человека с самим собой и значимыми другими.

Этот диалог незримо присутствует при встрече человека (как субъекта деятельности) с предметом, который самим же человеком «очеловечен», «вочеловечен», т.е. в котором он уже представлен особыми (системными) качествами – ценностями и смыслами. Получается, что все явившееся к нам, все, что мы видим, слышим, и осмысливаем, потому и является к нам, что имеет для нас смысл и ценность. Разница только в том, что профессиональный психолог, обладающий мышлением соответствующего системного уровня, об этом знает и поэтому он понимает, что все в каждый момент времени «являющееся» к человеку, ему же и соответствует. Иными словами, психолог понимает, что через призму анализа того, что явилось к человеку, можно узнать каков он на самом деле, каковы у него актуальные потребности и потенциальные возможности.

Итак, сознание есть способность человека видеть мир отдельно от себя, но при этом только ту часть мира, которая соответствует ему как человеку, устойчивое бытие которого зависит от его способности обнаруживать в мире то, что отвечает его потребностям и возможностям. Таким образом, любая ситуация есть проекция человека в объективную реальность в силу чего она и начинает выступать для него не как «вещь в себе и для себя», а как мир – в своем предметном составе переживаемый как реальность и действительность. Получается, что человек – существо далеко не подкожное. Он представляет собой открытую систему и может быть понят как особая пространственно-временная организация. Человек не просто живет в среде, обмениваясь с ней информацией, веществом и энергией, как это подобает любой открытой системе. Не просто мняит

среду, возвращая в нее переработанные, т.е. измененные им продукты обмена. Он на базе бесконечной по своим возможностям, и потому аморфной, безразличной «среды», создает свой многомерный мир.

Знание о сверхчувственных (системных) качествах предметов, в которых существует «переходная» (между Духом и Материей) форма человеческого существования и есть самое сокровенное, самое таинственное психологическое знание. Если оно, это знание, выйдет еще на уровень осмысления и понимания, то это также будет означать, что ученый обрел и новое мышление, позволяющее увидеть себя, других людей и свою профессию в новом (и при этом достаточно необычном) ракурсе. Нет необходимости спорить о том, как именно изменится при этом его профессиональная компетентность. Можно выделить компетентность, основанную на рассудке, и другую компетентность, основанную на разуме. Перейти от одной к другой, в терминологии Гегеля, означало бы перейти от одного мышления к другому: рассудок останавливается перед различием *Я* и не-*Я*, а разум (теоретическое мышление) «проникает в их единство». Это означало бы также, что собственное сознание ученого, исправно фиксирующее границу *Я*, отделяющую его от всего остального (не-*Я*), поднялось бы на такой уровень, на котором становится неразличимой сама граница того водораздела, который рассудок установил между *Я* и не-*Я*, Материей и Духом, субъективным и объективным, внутренним и внешним, психическим и физическим. Не случайно эти дуальные композиции уже давно закреплены понятием «противоположности», только усиливающим иллюзию того, что «вместе им не сойтись».

«Видимыми», точнее «ведомыми» для человека смыслы становятся только благодаря эмоциям. Эмоции и есть специфический аппарат отражения этих сверхчувственных качеств и одновременно форма, в которой они существуют для человека. Теперь уместно спросить о том, насколько все это является доступным для понимания людьми, не являющимися профессиональными психологами? Например, далеко ли ушел от И.М. Сеченова современный педагог, которого зачастую и воспитывали на материалистических идеях, берущих начало в трудах этого замечательного мыслителя середины XIX в. Особенно если учесть, что в отечественной психологии, элементы которой ранее и составляли основное содержание учебников по психологии, до сих пор еще преобладает мнение о том, что основное (и главное) условие возникновения перцептивного образа – это воздействие предметов и явлений объективной действительности на органы чувств. При этом обычно следует ссылка на

И.М. Сеченова, утверждавшего в свое время, что восприятие предметов и их свойств «навязано нашему уму извне»⁴⁴.

Естественно, что полтора века назад никто не мог ответить на вопрос о том, как же так получается, что «навязываются» нашему уму именно те предметы, которые человеку нужны, а другие, которые так же воздействуют в это время на органы чувств, почему-то «не навязываются». Простая схема, в соответствии с которой человек «видит все», а потом уже выбирает из этого «всего» то, что имеет к нему непосредственное отношение, не проходит. Человек не может «видеть все»: «глаз, который видел бы все, именно поэтому не видел бы ничего; сознание, которое сознавало бы все, ничего бы не сознавало, и самосознание, если бы сознавало все, не сознавало бы ничего»⁴⁵.

Парадигма отражения практически не учитывает роль культуры в становлении многомерного мира человека как ценностно-смыслового поля, *«открытого пространства жизни»*. Она диктует взгляд на мир как *«пространство для жизни»*, которое надо «освоить» путем усвоения знаний и вообще «опыта», накопленного человечеством, включая умения, навыки, способы мышления и т.д., которые надо уметь воспроизводить.

2.3. Становление многомерного мира человека и онтогенез сознания

Развитие человека от рождения до неизбежной смерти, что и схватывает наука посредством понятия «онтогенез», всегда было в центре внимания психологов. Существуют десятки различных мнений о том, что представляет собой развитие, каковы противоречия, обуславливающие его, откуда и почему возникают кризисы развития, в чем их смысл и значение для развивающегося человека, как развитие связано с обучением, с воспитанием, физиологическим созреванием, взрослением, старением и т.д. Не будем раскрывать этот спектр подходов и пониманий – ясно, что все они возникают как результат конкретного приложения различных методологических принципов, которые являются исходными для авторов и задают определенную «призму видения» изучаемого феномена.

Есть, однако, и общий радикал у всех теорий. Практически все они исходят из понимания психики как субъективного отражения объективной реальности, т.е., так или иначе, являются различными вариантами

⁴⁴ Сеченов И.М. Избранные произведения. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 469.

⁴⁵ Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 1, С. 347.

использования гносеологической формулы в психологии. Разделение явлений на субъективные (сюда относится и психические) и объективные (существующие вне и независимо от субъекта), на внутренние (имеющие отношение к «Я») и внешние («не-Я»), идеальные и материальные (при этом зачастую объективное отождествляется с материальным, а идеальное с субъективным) привело к тому, что как только научная психология попыталась выйти к практике (терапевтической, консультативной, образовательной и т.д.), она и проявила всю свою беспомощность.

Реальный, живой, развивающийся человек оказался гораздо более сложным по своему устройству, чем могла предполагать классическая психология, сделавшая своим предметом психику (субъективное), постоянно находящаяся в поисках объективных (естественнонаучных) методов изучения «субъективной реальности». Но естественнонаучные методы предназначены для исследования явлений, которые можно описать в четырехмерной системе координат – три пространственные координаты и время. Между тем, уже Л.С. Выготский заметил, что эти методы не очень соответствуют психологии. Субъективное имеет какую-то представленность во времени, но пространственных координат пока не имеет вовсе. Как мы уже обращали внимание, сложнейшим вопросом является вопрос о пространстве в котором локализована психика. Если оно ограничено пространством человеческого тела, то психика ничем не будет отличаться от души в ее исходном наивном понимании. Если за пределами человека, то что это означает? Необходимо либо менять представление о «размерах» человека и искать собственно человеческое за пределами его телесного бытия, либо пользоваться какой-то странной моделью «человек и его психика», устанавливая при этом их взаимоотношение и взаимосвязь. Что делает психика? Для чего она нужна?

Может показаться странным, что ответы на последние вопросы пришли раньше, чем стало хоть в какой-то степени понятно, что такое психика. Казалось самоочевидным предназначение психики – она «регулирует» взаимоотношения человека с миром, «ориентирует» его в окружающем мире, «строит образ» того, что есть в мире и т.д. Тем самым происходило невольное «очеловечивание» психики, вплоть до приписывания ей роли субъекта особой «психической деятельности». Антропоморфизация психики, понимаемой в функции регулятора, встроенного в человека (коль регулирует, то и принимает решения, оценивает, избирает), превращает человека в регулируемое психикой тело. Уходя от превращения психики в самостоятельный субъект, «живущий» в человеке,

антропоморфизируют объект, который и «действует» на человека, «воздействует» на него. Существующие принципы детерминизма до сих пор закрепляют этот антропоморфизм: «внешнее действует посредством внутренних условий», «внутреннее, взаимодействуя с внешним, само себя развивает».

В системной антропологической психологии человек понимается как сложная, самоорганизующаяся психологическая система, открытая как в социум, так и в объективную (природную, физическую, «вещную») среду. Психическое рассматривается как то, что возникает в процессе функционирования психологических систем и обеспечивает их самоорганизацию и саморазвитие. Взаимопревращение противоположностей (субъективного и объективного) в процессе их взаимодействия, есть одновременно и производство, порождение психологической реальности, которая и становится предметом научного исследования. Такое изменение предмета науки является результатом закономерного движения ее в соответствии с внутренней тенденцией развития, насколько позволяет открыть ее транспективный анализ.

С нашей точки зрения, этот вариант системного подхода позволяет осуществить онтологизацию психологии, столь необходимую для превращения ее в практико-ориентированную науку. Тем самым обеспечивается выход исследователей к реальному пространству, обладающему качествами предметности, реальности и действительности. В этом пространстве человек живет и действует, его он формирует в ходе сменяющих друг друга деятельностей. Совокупность их и составляет образ жизни данного человека. Понятие «психика» конституирует эту системно организованную реальность. За психикой можно закрепить функцию обеспечения устойчивости человека как саморазвивающейся системы. Саморазвитие системы есть основание ее устойчивого существования.

Человек как психологическая система включает в себя и субъективную компоненту (образ мира, составляющего для человека его действительность), и деятельностьную компоненту (образ жизни человека в его действительности), и саму действительность – многомерный мир человека как онтологическое основание его жизни, определяющий сам образ жизни и определяемый ею.

Употребляя понятие «многомерный мир человека», необходимо оговорить одно важное обстоятельство. Многомерен «образ мира», т.е. результат его субъективного отражения, или многомерен сам мир человека? Вопрос этот крайне принципиален в связи с тем, что категория «образ мира», ис-

пользованная А.Н. Леонтьевым в 1975 г., получила в последующем большое развитие. Отстаиваются разные точки зрения на указанную проблему. Наша собственная заключается в утверждении многомерного мира человека как реального образования, имеющего системную природу.

Любой образ, в том числе и образ мира, субъективен по определению – он является результатом отражения. Многомерный образ мира, следовательно, может быть только результатом отражения многомерного мира. Предположение о том, что мир человека имеет четыре измерения, а другие добавляются уже к образу, делая его многомерным, лишено всяких оснований. Прежде всего, трудно представить сам процесс привнесения новых измерений к возникшему образу. Кроме того, пропадет главное: возможность объяснить механизм избирательности психического отражения. В том-то все и дело, что пятое, шестое, седьмое измерения (за которыми в той же последовательности стоят значения, смыслы и ценности) характеризуют предметы, включенные в мир человека, и являются качествами самих предметов. Это обеспечивает их отличие от бесконечной совокупности объективных явлений, одновременно с ними воздействующими на органы чувств человека, но не проникающих в сознание, определяя тем самым как содержание сознания в каждый момент времени, так и его ценностно-смысловую насыщенность. Напомним еще раз: сознание, «...которое сознавало бы все, ничего бы не сознавало...» . И к этому просто нечего добавить.

Кроме того, именно эти измерения мира человека обеспечивают его предметность, превращение объектов, существующих вне и независимо от человека, в предметы, в вещи, имеющие для человека субъективную значимость, личностную отнесенность. Неслучайно классическая психология игнорировала проблему реальности мира для человека, хотя психиатрическая практика всегда начинает с констатации того, насколько реалистично сознание человека, насколько он ориентируется в пространстве и времени, в котором он пребывает, понимает ли смысл и ценность того, что делает, принимает ли он нереальное (галлюцинации, бред и т.д.) за реальное, т.е. верит ли ему и подчиняет ли ему свое поведение. Для классической психологии проблемы реальности не существует. Считается, что реальность дается уже в ощущениях. Только психиатр знает, что нормально работающие органы чувств вовсе не гарантируют реалистического сознания и мышления.

Все психические нарушения, с чего бы они не начинались, происходят «между» – в том многомерном мире человека, где сливается субъективное и объективное, порождая психологическое пространство, которое так

сложно определить и закрепить адекватным понятием, способным уловить их состоявшийся взаимопереход и порождение особого слоя, где сознание и бытие выступают в нерасторжимом единстве и не имеют однозначных причинно-следственных связей – бытие в такой же степени определяет сознание, как и наоборот.

Отсутствие устоявшегося понятийного аппарата приводит к тому, что приходится каждый раз оговаривать индивидуальную определенность понятия «действительность», отличая её от абстрактной «объективной действительности», или просто «действительности», когда под ней понимают еще более абстрактную «объективную реальность». Действительность данного человека содержит в себе его собственную субъективность, «осевшую» на объектах и превратившую их в предметы, имеющие для человека значение, смысл, ценность. Объективное как противостоящее субъективному, не несущее его на себе, не определяет действительность как пространство, в котором можно действовать. Оно не входит в многомерный мир личности именно потому, что не содержит в себе ни грана субъективности, без которой нельзя действовать, понимая ценность и смысл того, что ты делаешь в каждый момент времени. Здесь и открывается близость понятий «психика», «многомерный мир личности», «действительность данного человека».

Под психикой, таким образом, понимается совокупность явлений, выполняющих функцию системообразующего фактора в психологических системах, разрушение которого означает распад психологической системы на составляющие её элементы и исчезновение (или патологическую деформацию) мира человека (например, в форме аутизма).

Психика соотносима с порождением многомерного мира человека, представленного в совокупности его чувственных и сверхчувственных (системных) качеств. Это очень близко к тому пониманию психики, которого придерживался Л.С. Выготский. До сих пор не удалось увидеть анализа или аналитического цитирования одного фрагмента из самого известного методологического труда великого ученого. Психика «есть орган отбора, решето, процеживающее мир, и изменяющего так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль – не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущения), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно искажать действительность в пользу организма»⁴⁶. В этом плане многомерный мир человека и есть «субъективно искаженная объективная реальность».

⁴⁶ *Выготский Л.С. Собр. соч. В 6 т. М., 1982 Т. 1. С. 347*

Почему же столько лет этот фрагмент из книги Л.С. Выготского оказывался вне попыток научного анализа? Причин много, но главное все-таки в том, что такое понимание соответствует постнеклассическому этапу развития науки, который только наступает, а написан он был более 60 лет тому назад. Цитируемый фрагмент является вовсе не случайной «игрой ума» гения. Он настолько не соответствовал парадигме отражения, которая объединяла его современников в отношении понимания природы психического и определении предмета науки, что его едва ли можно было адекватно оценить. Ведь никто больше так прямо не ставил вопрос о сущности той реальности, которая располагается «между духом и материей», является «переходной формой», но которая только и может обеспечить избирательность психического отражения и его интенциональность (предметную отнесенность). В постклассической психологии, впрочем, как и в других науках, вступивших в эту фазу развития, уже нет сомнения в том, что только за счет субъективного искажения можно познать само объективное. Как указывалось выше, физики раньше психологов осознали принципиальную неустранимость субъективности из акта познания. Если бы они поняли, что именно системное устройство человека порождает эту «неустранимость», что у человека нет прямого выхода к миру «чистой объективности», более того, что именно присутствие субъективного в объективном превращает последнее в предмет познания, обеспечивая движение познания, его направленность, то можно было бы предсказать и неизбежность появления в физике принципов соответствия, дополнительности, неопределенности. Можно полагать, что постнеклассическая психология существенно изменит представление человека о самом себе как субъекте познания и деятельности, меняя облик других наук, представители которых до сих пор уверены в возможности познания абсолютной истины без привнесения в нее абстрактов собственной субъективности.

Итак, многомерный мир человека есть то, что располагается между субъективной и объективной реальностями, между «духом и материей». Мир каждого человека уникален и составляет то, что является собственно человеческим в человеке его самость, его существенную характеристику. Этот мир не рождается вместе с человеком — он им создается, хотя порождение системных качеств (смыслов и ценностей) является проявлением самоорганизации, но, в конечном счете, человек таков, каков его мир. Суверенная личность отличается от других тем, что несет ответственность за его порядок и качество. Она способна самостоятельно, без по-

средников выходить к культуре и вычерпывать из нее основания для сохранения и развития своего многомерного мира, т.е. самой себя.

Есть строгая иерархия и субординация в становлении многомерного мира человека, возникновении системных качеств предметов и явлений, составляющих мир. Иными словами, субъективное проникает в объективное и оседает на нем в определенной последовательности, обеспечивая его новые измерения, а значит, и новые уровни сознания. Развитие человека в онтогенезе и есть, с отстаиваемой точки зрения, последовательное «вдвижение» субъективного в объективное, совпадающее с этапами становления многомерного мира человека. Одновременно это движение означает и становление уровней сознания, которое до сих пор рассматривается как нечто, возникающее в своей законченной форме и развивающееся только количественно (прирост новых знаний о мире, новых отношений и т.д.). Конечно, любое развитие можно определить как процесс производства необратимых новообразований. Однако сознание ребенка 3, 7, 12 лет – это качественно разные формы сознания, разные уровни развития его. Низшие уровни снимаются высшими, входят в них в качестве базальных оснований, обеспечивая преемственность всего движения. Мир человека получает новые измерения – сознание выходит на новый уровень и одновременно меняется образ жизни, становясь адекватным усложняющемуся миру и его осознанию. В этом движении совершенно невозможно различить причины и следствия. Все взаимообусловлено и пронизано прямыми и обратными связями, что, однако не исключает возможность поиска и установления общего вектора развития (транспектива) который, на наш взгляд, проявляется в динамике становления многомерного мира личности, конкретизируется в нем.

Можно предполагать, что на первой фазе онтогенеза, совпадающей с периодом развития от рождения до окончания школы, образ жизни человека детерминирован особенностями формирования многомерного мира и его образом, возникающим в сознании. Затем уже образ жизни будет задавать основные параметры образа мира. Молчаливое признание готовности человека к автономному самостоятельному осуществлению жизни, утверждение права человека на формирование собственного образа жизни закрепляет факт «аттестации» его на «зрелость» в виде получения документа о завершении образования – среднего, например. При всей относительности оценки самостоятельности человека в выборе образа жизни предполагается, что школа сформировала образ мира, более или менее, законченную картину мира, в котором предстоит жить человеку.

Если для человека мир еще не выступает как предметный, если он еще только формируется при участии других людей (родители, воспитатели, учителя), то сам образ жизни оказывается зависящим от того, как мир открывается человеку в своем предметном содержании. Ключ к сознанию ребенка лежит действительно в той картине мира, которая открывается ребенку по мере формирования его. Когда ребенок становится взрослым, он сам формирует образ жизни и теперь им определяется картина мира. Смена детерминации происходит в полном соответствии с библейским канонам: сначала было «слово», произнесенное взрослым, потом «дело», осуществленное самостоятельно.

Нет единого ключа к пониманию того, что есть сознание. Существуют разные уровни сознания, за которыми стоят разные по своей сложности (мерности) миры человека, закономерно сменяющие друг друга, что и требует поиска разных ключей к пониманию сознания, ибо речь идет о разных сознаниях, к которым нельзя подобрать один ключ. Вот почему становление многомерного мира человека и может быть понято как сущность онтогенеза. Онтогенез, следовательно, это не просто смена «ведущих видов деятельности» в силу непонятно откуда берущейся «сензитивности» к ним. За сменой деятельностей скрывается практически не изученный процесс возвышения мерностей мира человека, качественно преобразующий сознание человека, делающий невозможным дальнейшее осуществление сложившегося образа жизни, перестающего соответствовать новому образу мира, что и заставляет перестраивать саму жизнь. Внешне этот процесс и выглядит как появление сензитивности – к игре, учению, общению, труду.

Постоянное противоречие между образом жизни и качеством многомерного мира, перманентный дисбаланс между ними – вот где, с нашей точки зрения, лежит источник развития человека, движущая сила развития, превращающая его в упорядоченный процесс становления. В этом процессе поднимаются на новые уровни и сознание человека, и сам его многомерный мир (как основа сознания и его предпосылка). Наверное, этим определяется и зафиксированная в исследованиях надситуативная активность, конкретизирующаяся в эффектах выхода деятельности за пределы требований ситуации. Развивается, следовательно, не система психических процессов, ни деятельность как система, ни психика, как система психических процессов, свойств и состояний, а человек, как целостная психологическая система.

Тем, кто не может (или не хочет) увидеть системную взаимосвязь внутри процесса развития, то есть признать, что за пределы себя сего-

дняшнего выходит человек как целостная психологическая система, остается фиксировать либо смену ведущих деятельностей, либо новообразования психики, либо личностные новообразования. Каждый исследователь имеет право на свой взгляд и возможность использовать любую доступную ему методологию. Проблемы возникнут лишь при попытке интеграции представлений о развитии человека в онтогенезе – когда потребуются объединить сведения из психологии деятельности, психологии личности, психологии, основывающейся на понимании психического как процесса. Такая интеграция заранее обречена на провал. Многомерный мир человека, как единство «Я» и «не-Я», субъективного и объективного, психического и физического, т.е. подлинная действительность (человека) не может быть обнаружена в результате использования каких-либо интеграционных средств и приемов. Она с самого начала должна быть выделена как системное качество, невидимое для тех, кто занят исследованием подсистем, таких как личность, сознание, деятельность.

Безусловно, самое трудное заключается в выяснении того, каким образом противоположности сосуществуют в единстве, в новом качестве, возвышение которого определяет всю суть онтогенеза. Первая попытка такого уяснения была предпринята Э. Гуссерлем в его известной всем психологам феноменологии. Л.И. Воробьева считает феноменологию Э. Гуссерля «проходным эпизодом на пути преодоления классического субъект-объектного раздвоения. Вместо раздвоенности мы получаем нерасчлененность, феноменологическое слипание»⁴⁷. Действительно, «слипание», во-первых, нисколько не облегчает понимание того, как же сосуществуют противоположности, оказавшись в единстве. Может быть, они перемешиваются так, что субъективное оказывается заключенным внутри объективного, скажем, между молекулами, из которых оно может состоять? Во-вторых, смущает «нерасчлененность», которая намекает именно на такое понимание. На мой взгляд, Э. Гуссерль вполне корректно считал, что реальность мира для человека надо искать там, где сосуществуют противоположности. Другое дело – понять, как осуществляется это их совместное бытие.

Как уже указывалось, мы считаем, что субъективное «оседает» на объективном в виде особых системных вневещественных качеств, превращая объекты в предметы, делая предметы носителями смыслов и ценностей, порождая тем самым многомерный мир человека. Последовательность становления этого мира есть обретение им все новых измерений,

⁴⁷ Воробьева Л.И. Гуманитарная психология: предмет и задачи // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 26.

что и составляет сущность онтогенеза. Покажем хотя бы набросок этого движения и основные противоречия, обуславливающие его.

1. *Пятимерный мир и предметное сознание.* А.Н. Леонтьев первый обратил внимание на то, что животные живут в четырехмерном мире (трехмерное пространство и время). «Возвращаясь к человеку, к сознанию человека, я должен ввести еще одно понятие – понятие о пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объективный мир. Это – «смысловое поле», система значений». Если вчитаться в текст, то станет ясно, что А.Н. Леонтьев, обычно строго разводящий понятия «значения» и «смысл», употребляет их как рядоположенные, но из контекста следует, что в данном случае он имеет в виду скорее значение: «...когда я воспринимаю предмет, то я воспринимаю его не только в пространственных измерениях и во времени, но и в его значении ...воспринимаю не форму, а предмет, который есть часы»⁴⁸.

Развитие ребенка от рождения до 2,5–3 лет совпадает с процессом порождения пятимерного мира в нем. Это порождение предметного мира и составляет суть самого развития. В момент рождения ребенок изолирован от значений, т.е. понятий, которыми люди данной культуры обозначают предметы. В момент рождения ребенка культура – как то, где пребывают значения, прежде чем они станут достоянием человека, то есть будут им персонифицированы, существует автономно от ребенка. Она не доступна для него, не тождественна ему и он не может взаимодействовать с ней один на один. В такой же мере ребенок изолирован от предметного мира, в котором живут взрослые, а своего предметного мира у него пока нет. Надо ли задавать вопрос, почему ребенок не помнит первые 2–3 года своей жизни? Если нет мира, который можно запомнить, если нет «Я», которое может запомнить – а его нет, и не может быть без «не-Я», то запоминание первых лет жизни – это не проблема психологических особенностей памяти в этом возрасте, не проблема «детской амнезии», а проблема формирования предметного мира и предметного сознания.

Что видит ребенок? В первое время ничего. «Человек смотрит на мир глазами родного языка», – говорили неогумбольдтианцы. Можно с ними соглашаться, или нет, но кажется прав Л.С. Выготский: «возникновение предметного сознания непосредственно связано со значениями». От значений ребенок изолирован; в такой же степени он изолирован от мира вещей, предметов.

⁴⁸ Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–13.

Предметное сознание является первым уровнем в его развитии, соответствующему формирующемуся пятимерному миру. Свет, отражаясь от предметов, несет информацию о них и граница между предметами и человеком устанавливается не на предметах, а на сетчатке глаза. Вот это и есть то, на что указывал Л.С. Выготский – глаз, который видит все, не видит ничего. По мнению А.Н. Леонтьева, феномен предметности заключается в том, что *граница между человеком и предметом устанавливается на предмете*, и это является важнейшим условием для того, чтобы стало возможным его восприятие.

Легко говорить о границе, которая перемещается от глаза (и другого органа чувств) на предмет. У ребенка первые три года жизни уйдут на освоение этого перехода. Ведь на самом деле это и есть первое проявление многомерного мира человека, пусть еще и не обладающего признаками реальности и действительности, но уже вобравшего в себя тот самый «дух», который вышел за пределы тела и «осел» на предмете, коснувшись его. Если собственно человеческое начинает заполнять пространство вокруг человека как телесного существа, если возникает продолженность человека в мир, без которой он так и не станет миром человека, значит «очеловечивается» и само пространство, возникая на пересечении субъективных и объективных измерений.

Два условия необходимы для такого перемещения субъективного на границу с предметом. Это культура – где хранится и аккумулируется опыт человечества, в том числе и значения как часть этого опыта. Затем это взрослый – через которого осуществляется выход в культуру, и который единственно может связать ощущения, получаемые ребенком от предмета, со словом, обозначающим предмет, выделяя его этим самым из всего остального. Минимум четыре фактора должны совпасть для того, чтобы граница между человеком и миром сместилась от органа чувств к предмету, и возникли феномены предметного мира и предметного сознания.

1. Собственные движения ребенка, посредством которых идет освоение жизненного пространства и приходит ощущение того, что вокруг есть «нечто». Нельзя пеленать («связывать») ребенка, не рискуя задерживать темп развития его сознания.

2. Нормальные органы чувств, каналы связи с внешним миром, пусть пока и переполненные информацией, рождающей какофонию ощущений, идущих от этого «нечто». Первое и второе вместе могут означать сенсорно-моторный уровень сознания.

3. Взрослый, указывающий своим жестом на что-то определенное из всего объема «нечто».

4. Культура, из которой взрослый выбирает слово, которым и локализует совокупность ощущений в предмет, обозначаемый словом и жестом. Так из неопределенного и диффузного «нечто» возникает определенное и вполне предметное «что-то».

Госпитализмом обычно называют болезнь, возникающую при отсутствии контактов ребенка со взрослым или снижении интенсивности общения между ними. Можно полагать, что госпитализм, на самом деле, есть отсутствие двух последних факторов, из приведенных выше. Это не болезнь, вызванная дефицитом общения ребенка со взрослым, недостатком «человеческого тепла» и т.д. Скорее это проявление невозможности родившегося нормальным ребенка стать человеком, которую он не может пережить. Зарождающийся «дух» не может покинуть пределы тела, остается в нем и умирает, так и не заполнив собой пространство между человеком и «объективной реальностью». В результате остаются человек, не имеющий продолжения в мир, и «мир», не ставший миром человека. Здесь не может возникнуть сознание, оно и не возникает.

Каждым словом и жестом участвуя в порождении пятимерного мира предметного жизненного пространстве ребенка, взрослый участвует в одновременно идущем в нем процессе разделения «Я» от «не-Я». К трем годам обычно завершается этот процесс, и ребенок оказывается в критической ситуации: есть мир, наполненный предметами, связанными в некоторую простейшую систему, есть «Я», которое присутствует в этом мире, но жить в этом мире невозможно без взрослого. С одной стороны, «Я сам!», с другой – ребенок не может действовать избирательно, без чего самостоятельность невозможна. К нему как бы сами собой являются предметы, имеющие значение, т.е. категоризируемые словом, но не имеющие смысла. Смыслами владеют взрослые. Они «смотрят» на мир не только глазами родного языка, но и глазами потребности и возможности. У взрослых смысл предмета проталкивает в сознание и сам предмет. У ребенка предмет появляется сам собой, как результат категоризации.

Примерно с трех лет предметное сознание становится смысловым. Это не означает, что до сих пор ребенок не овладевал смыслами, и ничто в его пятимерном мире не стало шестимерным. Количественный прирост предметов привел к новому качеству – предметный мир возник уже не как мозаика из разрозненных предметов, а как система, центром которой является «Я». Кризис трех лет возникает как противоречие меж-

ду сложившимся за три года образом жизни, заключающемся в выполнении действий, регламентируемых взрослыми, и появившемся «Я», которое требует определенной независимости от них, но еще неспособно на самостоятельность. Переход сознания от предметного к смысловому, детерминирован тем, что предметный мир ребенка еще не переживается как реальность, т.е. в своей отнесенности к «Я», а значит и не может обеспечить ту степень суверенности, на которую «Я» претендует.

II. *Шестимерный мир и смысловое сознание.* «Значение приводит к возникновению осмысленной картины мира»⁴⁹. Конечно, это так. Но значения приводят сначала к предметной картине, смысл которой, так же как и ее деталей, во многом остается непонятным для ребенка. В другом месте Л.С. Выготский отмечал, что задача объяснить происхождение и возникновение осмысленности является «труднейшей из всех, перед которыми когда-либо стояли психологи-исследователи»⁵⁰. С нашей точки зрения, *смысловая картина мира может возникнуть в сознании, превращая его в осмысленное сознание, если сам мир ребенка станет смысловым.* Смыслы являются особыми качествами предметов, системными и внечувственными. Возникая как качества предметов, они становятся шестым измерением их, делая сам мир ребенка шестимерным. *Без значений нет предметов, без смыслов предметный мир не может стать реальностью,* переживаемой как нечто соответствующее актуальным потребностям и возможностям ребенка. Никакая избирательность поведения и деятельности невозможна без смыслов. Настоящая деятельность совершается тогда, когда человек понимает смысл и ценность своих действий. До сих пор его поведение удерживали и направляли установки, превратившиеся в поведенческие стереотипы, либо прямые установки родителей, вообще взрослых.

Смысл без предмета – это бессмыслица. Смыслы представляют человека, его потребности (желания, хотения, стремления и т.д.) в предмете, и являются поэтому самыми яркими демонстраторами того, как может субъективное искажать объективное, позволяя человеку избирательно взаимодействовать с объективной реальностью.

Эмоции обеспечивают прохождение в сознание тех предметов мира, которые имеют для человека ценность и смысл. Это и есть решение проблемы, каким образом человек видит то, что ему надо, но так как оно есть (без него.) Здесь легко усмотреть не только один из вариантов

⁴⁹ Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 278

⁵⁰ Там же. С. 267.

решения проблемы единства аффекта и интеллекта, поставленной еще Л.С. Выготским, но и увидеть в эмоциях механизм, обеспечивающий устойчивость многомерного мира человека. *Когда сознание отделяет «мир» и «Я», эмоции продолжают удерживать их неразрывную связь и единство.*

В основе перехода ребенка от предметного сознания к смысловому, лежит его собственная деятельность и деятельность посредников (взрослых), продолжающих устанавливать мост между ребенком и культурой.

Ребенок в определенных случаях может самостоятельно выходить к смыслам предметов путем решения задач «на смысл». С решением таких задач может быть связана внешне кажущаяся бессмысленной манипулятивная деятельность с предметом. Часть таких задач решает ребенок в игровой деятельности. Прямое решение подобных задач осуществляется в процессах мышления, доступного ребенку.

1. Ребенок может приписывать такой смысл предметам, которого они не имеют, или не был открыт им ранее. В последнем случае он просто угадывает смысл. Такое приписывание смысла напоминает процессы мифологизации, однако необходимо оценить и его крайне важное значение. Обретая смысл, предмет, существовавший до этого «в себе и для себя» открывается для ребенка как некая реальность, существующего «для него». И здесь ребенок не только играет с палочкой «как с конем», он переживает ее как реального коня, хотя с возрастом все более осознает мнимость этой ситуации, ее условный характер. Это не просто воображение ребенка, которое выдают иногда чуть ли не за способ жизни, за ведущее новообразование возраста от 3 до 7 лет. Это один из способов конструирования шестимерного мира ребенком. Для того чтобы в нем можно было реально жить, а не просто наблюдать себя в предметном мире, назначение вещей в котором понятно только взрослым.

2. Наконец, ребенок может задавать вопросы взрослым, что и происходит в виде бесконечных «почему?» и «зачем?» Л.С. Выготский отмечал, что уже первые вопросы ребенка никогда не являются вопросами о названии предметов, это всегда вопросы о смысле предметов. Другое дело, что взрослые не всегда это понимают, зачастую доводя ситуацию до конфликта.

В своих последних работах В.П. Зинченко отразил еще один аспект, важный для понимания механизмов становления смыслового сознания и многомерного мира человека, как его ближайшего основания. Прежде чем проявиться в аффективно-смысловой форме, смысл существует в культуре

в своей идеальной форме. Выход к культуре через взрослого – это не просто ознакомление ребенка с ней, не просто трансляция человеческого опыта. Культура трансформируется в многомерный мир личности.

Таким образом, шестимерный мир ребенка – это не семимерный мир взрослого, к которому адаптируется ребенок. Это совершенно другой мир, предполагающий и другое сознание. С этим фактом надо считаться, употребляя понятия «адаптация», «усвоение», «социализация», «воспитание». Шестимерный мир и связанное с ним смысловое сознание являются неустойчивыми образованиями. Нечто, имеющее смысл, т.е. открывающееся человеку как необходимое ему, способное удовлетворить потребность, выходит из фона и, в результате удовлетворения потребностей и желаний, возвращается в него. Конечно, предметный мир уже обретает здесь такое важное качество как реальность, но это еще не действительность – устойчивая во времени структура. В ценностном мире взрослых вещи, предметы, не исчезают после удовлетворения индивидуальных потребностей в них – они осознаются в своей отнесенности к другим людям, имеющим аналогичные потребности, к тем, кто произвел эти предметы, к себе самому, который будет нуждаться в них завтра.

Первоначально понятие «ценность» было призвано закрепить противопоставление сферы нравственности (субъективные воля, свобода, совесть и т.д.) сфере объективно сущего (И. Кант). Мир должного и мир сущего до сих пор остаются противоположностями в сознании многих ученых, представляющих разные науки. Системное мышление преодолевает противоположение субъективной и объективной реальностей, переводя науки в постклассическую стадию развития.

Сферы должного и сущего сливаются, порождая новую реальность, но только в такой реальности и можно действовать, понимая смысл и ценность того, что делаешь. «Конструирование миров» превращается в педагогическую проблему, столь же существенно преобразуя традиционные представления об образовании, развитии, обучении и воспитании человека (А.Г. Асмолов, А.А. Вербицкий, В.В. Рубцов и др.). По своему происхождению ценности надличностны, надиндивидуальны, закреплены в культуре и существуют в ней в своей идеальной форме. Превращение ценностей из идеальной формы в аффективно-смысловую, индивидуально-личностную составляющую жизненного мира конкретного человека, его особое измерение – вот что, с нашей точки зрения, и представляет суть процесса нравственного воспитания. От того, как воспитатель понимает процесс перехода ценностей из идеальной формы в личностные

ценности, зависит вся система нравственного воспитания. Считается, что ценности можно «усваивать», «транслировать», «познавать», «передавать новому поколению» и т.д. Общим знаменателем для всех систем традиционного воспитания можно считать сведение ценностей к знаниям о них, что и позволяет обращаться с ними как с любым знанием, которое и должно быть «усвоено», «передано», «понято».

В рамках новой парадигмы можно утверждать, что ценности не усваиваются, они трансформируются в одно из измерений многомерного мира, превращая его в жизненный мир человека – подлинное пространство жизни. Переходя из своей надличной, идеальной формы, ценности обнаруживают себя в структуре жизненного мира как особое внечувственное качество предметов и явлений, составляющих жизненный мир. Это и обеспечивает устойчивость его во времени, стабильность, которую не могут обеспечить индивидуальные смыслы, формирующиеся в ответ на ситуативно актуализирующиеся потребности.

Ценности, с этой точки зрения, превращают жизненный мир личности в действительность – устойчивое, переживаемое как реальность, т.е. существующее «здесь и сейчас» пространство, сближающее человека с Другими людьми в силу определенной тождественности их миров, которая определяется единым источником, из которого вычерпываются ценности. Этим источником является культура как совокупный общественный продукт исторического развития цивилизации.

Процесс перехода ценностей из индивидуальной формы в личностную можно назвать персонификацией, включая в это понятие как сам процесс порождения жизненного мира, так и констатацию его уникальности, неповторимости и, одновременно, относительной тождественности другим мирам, что и позволяет говорить об устойчивости не только мира индивида, но и групп, наций, стран и всего человеческого сообщества. Обучение и воспитание, опирающиеся на рациональное «усвоение» – безразлично знаний или ценностей, не может быть ни гуманистическим, ни эффективным, поскольку не соответствуют системной природе человека как явления продленного в мир, и формирующего через эту продленность свое жизненное пространство в котором (и через которое) происходит его самоосуществление.

Нечто внешнее для ребенка, становясь носителем ценностей и смысла, «вписывается» в образ мира, расширяя жизненное пространство. Исследуя закономерности формирования жизненного мира личности, мы пришли к выводу, что «системный и смысловой характер сознания»

(Л.С. Выготский) может быть только тогда, когда системный и смысловой характер имеет само жизненное пространство. Проходя через кризисы развития, ребенок строит свою реальность, свою действительность. Кризисы развития являются закономерным проявлением противоречий между качеством жизненного мира, обретающим в ходе развития новые измерения (значение, смысл, ценность) и сложившимся образом жизни, который перестает соответствовать усложняющемуся жизненному пространству.

По всем данным, кризис перехода к ценностному сознанию приходится на предпододростковый возраст. В возрасте 11,5–12 лет мир ребенка превращается в достаточно устойчивую «действительность». С этого момента актуализируется потребность в самореализации, саморазвитии. Ребенок начинает отражать не только мир как совокупность предметов, не только мир по отношению к себе, своим напряженным потребностям, но и «себя в мире», свои возможности, спроектированные в предмет, и впервые по-настоящему осознает не только «хочу!», но и «могу!». *Ценность – как системное качество – это «напряженная возможность»* Современная школа пока плохо удовлетворяет потребность ребенка в самореализации (которая еще и растет по мере суверенизации личности). Поэтому, как было показано выше, ребенок теряет сензитивность к учению.

Скоро к разрешению противоречий между «хочу» и «могу» подключится и мышление. Решение задач «на смысл», задач «на ценность» – таково основное предназначение мышления, если понимать его как проявление творчества, направленного на созидание себя или сохранения себя как целостности в случае глубинного расхождения между образом жизни и образом мира.

Вместе с тем сознание привносит и раскол в человека: мы не можем до конца осознать основания своей внутренней противоречивости. Отождествив сознание с мышлением, подчинив мышление сознанию в качестве его атрибута, мы уже сами не осознаем тот раскол, который возник в нас из-за этого отождествления. И, не осознавая внутреннюю природу этого раскола, но, тем не менее, желая остаться внутренне непротиворечивыми, мы создали границу между миром и собой, между объективной реальностью и реальностью субъективной, породив тем самым дуальные оппозиции «внутреннее – внешнее», «объективное – субъективное», «Я – не-Я», «психическое – физическое».

Причем, обозначив эти границы, мы тут же поверили в их объективное (в контексте «на самом деле») существование, назвав «противоположно-

стями» то, что разделяет граница. После этого мы получили громадный опыт решения проблемы отношения между противоположностями (Дух и Материя, Сознание и Бытие, Сознание и Материя и т.д.), придав этой проблеме статус чуть ли не главной (и вечной) проблемы философии. Теперь нам, обогащенным этим опытом, очень трудно пересмотреть свои позиции и согласиться с тем, что эта проблем инициирована не объективным противостоянием двух начал, а целиком и полностью фундирована противостоянием между нашим сознанием и нашим же мышлением.

Сознание порождает дуализмы, мышление стремится их преодолевать. Сознание все время апеллирует к рассудку, к самоочевидности и тем самым восстанавливает то, что разрушает теоретическое мышление – оно реконструирует границу между Я и не-Я, внутренним и внешним, субъективным и объективным, психическим и физическим и в этом есть не только обыденный резон, но и высший смысл. Перманентно пребывая во внешнем – для того, чтобы вычерпывать из него то, что человек считает в нем своим, поскольку не может без этого обеспечить собственную устойчивость, внутреннюю упорядоченность, человек должен оставаться человеком, удержать свое Я, как бы оно не преобразовывалось в этих взаимодействиях с не-Я, как бы оно не обогащалось, принимая его в себя.

Если понять сознание не более как способность человека видеть мир в его отделенности от себя, т.е. не более как то, что обеспечивает эффект присутствия человека в мире, то многое упростится. В отсутствии человека как центрирующего фактора в философии и психологии, мы возложили на сознание слишком много функций, превратив в орган, который в человеке живет и работает вместо него – творит мир, строит гипотезы, проверяет их, даже волнуется (сознание как отношение). Но сознает не сознание, а человек, и мыслит человек, а не мышление в нем. Сознание необходимо, поскольку, не выделив себя из мира, нельзя сделать мир предметом познания и преобразования. В какой-то период становления человека для него очень важно было встать над предметом, рядом с предметом и, взяв в руки линейку и часы (электронный микроскоп, хронометр и т.д.), заняться его «объективным исследованием». Вместе с тем, заняв такую позицию, человек частично «потерял себя»: получив возможность видеть мир отдельно от себя, он уже с трудом мог разглядеть «себя в мире». Вот почему гегелевское «в мире нахожу себя» не было воспринято в начале XIX в., франкловское «путь человека к себе лежит через мир» (середина XX в.) до сих пор расшифровывается скорее метафорически, чем содержательно. Что же касается заявления Л.С. Выгот-

ского о том, что психика не отражает объективную реальность, а субъективно искажает ее, то оно до сих пор ждет своего анализа. Заблокированное дихотомией субъективного и объективного, профессиональное мышление эту заявку просто не замечает.

Транспективный анализ предполагает объективацию того переходного слоя, который закрыт для сознания, поскольку оно само берет в нем свой начало. Мышление способно преодолевать эту границу только потому, что оно является не функцией сознания, а деятельностью человека, обладающего сознанием, причем, человеком достаточно развитым для того, чтобы поставить проблему проникновения в сущность собственного системного устройства. Сегодня становится понятным, что преодолевать эти границы необходимо одновременно как во временном, так и в пространственном плане. Накопившиеся бинарные конструкты можно снять только хронотопически ориентированным эволюционным анализом, причем не один за другим, а все вместе. Дуальные оппозиции порождены нашим сознанием и до тех пор, пока они продолжают определять параметры нашего мышления, они будут оставаться показателем его несовершенства. Далее покажем, как преодолевала свой внутренний «бинаризм» теория, в рамках которой зародилась теория психологических систем (ТПС), на базе которой и стала выстраиваться системная антропологическая психология.

2.4. Выход смысловой теории мышления в идеологию многомерности: эпистемологический анализ

Сегодня понятия «постнеклассицизм», «постнеклассический идеал рациональности», «постнеклассическая парадигма» и т.д., уже не смотрятся столь экзотически, как это было некоторое время назад, хотя и сегодня проблема парадигмального сдвига психологии в сторону постнеклассической рациональности представляется далеко неоднозначной, а многими коллегами воспринимается иногда просто как надуманная «квазипроблема».

При этом феномен под названием «смысловая теория мышления О.К. Тихомирова» продолжает оставаться уникальным явлением в эпистемологическом, теоретико-методологическом и собственно методическом плане. Трудно сразу назвать какую-либо другую теорию, которая в процессе своего становления (а для смысловой теории мышления этот срок укладывается в период, начинающийся примерно с середины 1960-х гг. по се-

годняшний день) смогла бы последовательно ассимилировать все три идеала рациональности, т.е. *подняться от классического мышления к неклассическому, а от него к постнеклассическому*. Для эпистемологии такой феномен исключителен в качестве предмета изучения: конкретная теория, развитие которой укладывается во вполне обозримые временные рамки, демонстрирует возможности самодвижения, реализуя ту самую последовательность в смене основных «формаций научного мышления», его «стилей и структур», о котором писал в свое время М.Г. Ярошевский.

Попытаемся объективировать, раскрыть закономерности, подчиняясь которым эволюционировала смысловая теория мышления, на своем примере демонстрируя, как именно идет процесс «перерождения научной ткани» (Л.С. Выготский). Вопросы прогрессивного развития, направленности идеогенеза, преемственности в становлении научного познания и занимают, прежде всего, эпистемологию. То, что прогрессивное усложнение науки реально происходит, понимали эпистемологии уже в середине прошлого века. Практически вся неклассическая эпистемология построена на дарвинском понимании эволюции, перенесенном на чуждое для нее предметное поле. К. Поппер прямо указывает на то, что эволюция научного знания «представляет собой в основном эволюцию в направлении построения все лучших и лучших теорий. Это – дарвинистский процесс. Теории становятся лучше приспособленными благодаря естественному отбору»⁵¹. Однако до сих пор никто не обнаружил такой реальной борьбы теории за выживание, которая привела бы к ее качественному «улучшению». Во всяком случае, смысловая теория мышления эволюционировала явно не в борьбе за выживание с другими научными школами.

Как вообще возможна борьба между школами, представляющими разные формации научного мышления, разные уровни системности профессионально-психологического мышления? И как возможно согласие между ними? Особенно если теории разноуровневые, если у них разная аксиоматика, то они могут настолько не соответствовать друг другу, что исчезнут последние основания, способные обеспечить сам акт взаимодействия, без которого невозможно прийти к согласию (согласованию). Никакой принцип дополнительности не приведет теории в соприкосновение, если они ничем не могут дополнить друг друга.

⁵¹ Popper K. A Evolutionary Epistemology // Evolutionary Theory: Paths into the Future / Ed. by J.W. Pollard John Wiley & Sons. Chichester and New York, 1984. Ch. 10. P. 239–255. Режим доступа: <http://www.uic.nnov.ru/pustyn/cgi-bin/htconvert.cgi?popper.txt>

Итак, саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы являются приоритетным предметом исследования в постнеклассической науке. Поэтому проблему борьбы теорий между собой (в попперовском смысле) или их дополнительности (в боровском смысле) необходимо поднять на уровень выше, и перевести ее в вопрос о том, как эта проблема может быть поставлена в контексте понимания науки как открытой системы, т.е. в контексте постнеклассической эпистемологии. Что ожидает нас впереди? Борьба научных школ за выживание или сеть взаимосогласованных теорий?

По мнению М.С. Гусельцевой, «если видеть в развитии науки не классовую борьбу, а сотрудничество, сеть, то выходит иная логика (постнеклассическая, постмодернистская в современных терминах). Тогда школы психологии предстают не как борющиеся крокодилы, а как «роза мира» (Д.Л. Андреев), а за историей науки прослеживается не дарвиновский, а «рассеивающий» (В.П. Алексеев) отбор⁵². Трудно согласиться с дилеммой «или борьба, или сотрудничество». Возможна и борьба, и сотрудничество, но не они лежат в основании прогрессивной эволюции науки. *Необходимо раскрыть механизм саморазвития науки как сложной «человекоразмерной» (термин В.С. Степина) системы и увидеть борьбу и сотрудничество в качестве различных проявлений самоорганизации, присущей ей как системе открытой, поскольку именно для таких систем формой существования выступает закономерное усложнение их системной организации.*

Я ничего не имею против определения «система как сеть». Сомнение вызывает противопоставление систем и сетей, причем таким образом, что дальнейшая перспектива нашей науки оказывается связанной с переходом «от систем к сетям». С эволюционной точки зрения система – «это высшая, наиболее продвинутая форма организации объектов любой природы в рамках цепочки хаос – агрегации – сети (и соты) – системы. Синергетика фактически руководствуется такой онтологией эволюции системного качества⁵³. Необходимо, таким образом, доказать, что «переход от систем к сетям» это прогресс науки, а не ее инволюция: дальше нужно только пройти стадию агрегаций – перед тем как превратиться в хаос. Кроме того, необходимо обосновать, почему сетевое устройство является признаком пост-

⁵² Гусельцева М.С. Типы методологических установок в психологии // Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 98–103

⁵³ Разумовский О.С. Система (философско-методологический аспект). Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/razumovsky_sistema.htm

неклассической науки, если «прочная сеть принадлежностей», по мнению М.Фуко уже определяла «всеобщую конфигурацию знания в классическую эпоху». И далее: «Нужно воссоздать всеобщую систему мышления, сеть отношений которого в своей позитивности делает возможной игру одновременно высказываемых и кажущихся противоречивыми мнений. Именно эта сеть определяет возможности спора или же проблемы; именно она является носителем историчности знания.... Таким образом, вырисовывалась, как бы нанесенная пунктиром, великая *сеть эмпирического знания*, – *знания неколичественных порядков*»⁵⁴.

Думается, современная философия науки вслед за Т. Куном может повторить, что мы все еще стоим перед задачей объяснения того, «почему наука – наш самый бесспорный пример полноценного познания – развивается так, а не иначе, и, прежде всего, мы должны выяснить, как это фактически происходит. На удивление мало мы еще знаем о том, как отвечать на этот вопрос»⁵⁵. Смысловая теория мышления реально прошла через все три уровня системности профессионального мышления, она их последовательно освоила, оказалась способной неоднократно переопределять предмет своего исследования, полагая в качестве него все более сложные системные конструкты и процессы, такие, например, как смыслы и смыслообразование. Кажется, что дело остается за малым, и проблема Т. Куна (как это фактически происходит?) будет решена. Надо сделать процесс становления теории предметом специального исследования, который должен показать, что именно обуславливает процесс именно такого движения психологической мысли. Однако именно здесь мы получаем первый сигнал о том, что подобная задача вовсе не является простой.

Что на самом деле происходит? Проблема смыслов и смыслообразования – это не рядовая проблема науки. За ней стоит пока еще далекая от своего решения проблема того, каким образом открытые системы любого уровня сложности формируют параметры порядка и опираются на них в своем дальнейшем следовании. Получается ведь, что на уровне психологии проблема возникновения аттракторов уже получила хотя бы первичное разрешение, а это знание является очень важным для наук, изучающих гораздо более простые (физические, химические, биологические) реалии. Именно эта внешняя простота проблемы при отсутствии адекват-

⁵⁴ Foucault M. Les mots et les choses Une Archeologie des Sciences Humaines Callimard. 1966. P. 86–87.

⁵⁵ Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Философия науки. Вып. 3: Проблемы анализа знания. М., 1997 С. 39

ных средств ее решения может служить причиной того, что интерес к проблемам, которыми занимался О.К. Тихомиров и созданная им школа, проявляется сегодня иногда более выразительно, чем это было в период, когда смысловая теория мышления реально утверждала себя в своем праве на существование.

В принципе подобное бывает в том случае, если теория, подчиняясь объективным тенденциям развития науки, забегает вперед и становится не очень понятной для современников – как в плане ее исходной аксиоматики, определяющей особенности концептуальных построений, так и тех задач, которые она уже реально решает или намеревается решать. До некоторой поры они не производят впечатления вполне актуальных, т.е. своевременно поставленных задач. Однако по пришествию времени могут сложиться соответствующие условия, позволяющие научному сообществу ассимилировать то, что формально уже давно стало его достоянием, но только теперь оказалось опознанным в качестве того, что имеет еще и выраженный аксиологический аспект. Может быть, входящая в фазу постнеклассицизма наука начинает узнавать те элементы будущего, которые уже содержатся в ее прошлом и настоящем? Другое дело, что достаточно сложная участь ожидает теорию, которая умудрилась занять столь неустойчивую диспозицию в зоне «перекрытия» двух парадигм: старой, т.е. вполне общепризнанной, и новой, которой еще предстоит получить признание. А если разработчики просчитались? Если они неправильно просчитали тенденции развития науки и то, что они полагают в качестве новой парадигмы, которая, по их мнению, уже на подходе, вовсе никакая не парадигма, а только субъективный образ желаемой действительности?

Думается, что в психологии уж слишком упрощенно используется понятие «парадигма». Все-таки сущность этого понятия, несмотря на обилие различных трактовок, связана со словом «общепризнанность» – идеи, принципа и т.д., всего того, что в настоящий момент является «образцом научной практики» (Т. Кун) и, выступая в таком качестве, может хоть на какое-то время обеспечить единство профессионального сообщества. Тем более такого, как наше психологическое научное сообщество – объединенное эмпирически определенным предметом науки. Поэтому у нас и теория такая, которую с нами «разделяет первый встречный»⁵⁶. Правда,

⁵⁶ *Popper K. A Evolutionary Epistemology // Evolutionary Theory: Paths into the Future / Ed. by J.W. Pollard. John Wiley & Sons. Chichester and New York, 1984. Ch. 10. P. 239–255. Режим доступа: <http://www.uic.nnov.ru/pustyn/cgi-bin/htconvert.cgi?popper.txt>*

К. Поппер писал эти слова о «первом встречном» имея в виду «бадейную теорию» познания в классической эпистемологии. Но так ли далеко мы ушли от этой теории со своим далеко еще не преодоленным «гносологизмом»?

Поскольку целостного человека в психологии все равно нет (хотя есть надежда, что он появится в ней по мере становления постнеклассической психологии), в науке продолжают размножаться теории, в основе которых лежат пугающе простые конструкции. Например, сознание напрямую (или опосредовано через мозг) соединенное с органами чувств, этими «отверстиями», о которых писал К. Поппер. Если «человека забыли», то это даже оправдано: можно поставить на место человека его сознание и при этом приписать ему (сознанию) все человеческие функции и отправления (сознание действует, принимает решения, строит гипотезы и все время озабочено тем, чтобы еще такое осознать). Антропоморфизм, чувствуя приближение своего конца, может, видимо, обостряться. Однако мы продолжаем писать в учебниках «психическая деятельность», «деятельность сознания» (только без кавычек), подготавливая тем самым ментальную базу для воспроизводства антропоморфизма.

Если мы в приходе постнеклассических идеалов рациональности в психологию не разглядим того, что этот приход знаменует собой сложнейшую трансформацию профессионально-психологического мышления, связанную с тем, что, пожалуй, впервые нашей науке выпадает шанс теоретически определить свой предмет, то к нам действительно скоро придут любые «прохожие» – каждый со своей парадигмой. И мы с готовностью примем каждого в свою мультипарадигмальную толерантно-либеральную «сеть» и не просто согласимся, но даже согласуемся с новой парадигмой, поскольку несложно согласовать все, что находится в едином и ничем не ограниченном пространстве эмпирического знания и такого же познания. Получается, что любая теория имеет шанс быть понятой (и потому признанной) в будущем, но для этого она должна достаточно плотно укладываться в русло объективной тенденции развития науки и нести в себе идею, которая пусть пока еще и не может быть адекватно оценена современниками, но имеет потенцию войти в содержание того, что составит парадигмальный каркас науки в ее ближайшем (или более отдаленном) будущем. Пройдет время, отсеется и уйдет в небытие избыточное знание, полученное в ходе проверки ходов мысли, оказавшихся тупиковыми или ложными, «уплотнятся», интегрируясь, методологические принципы, на которых строились теории, вслед за этим «уп-

лотнится», обретая другую системность, знаниевый (понятийный и фактологический) базис науки.

Само понятие «уплотнение» кажется достаточно емким, когда оно используется по отношению к принципам, знаниям, фактам, т.е. тому, что входит в содержательный состав процесса становления психологического (и не только) познания. Именно это понятие применил Гегель, формулируя свой «принцип поступательного движения», который вполне приложим к изучению процесса становления научного познания. Поступательное движение состоит в том, что «оно начинается с простых определенностей и что последующие определенности становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит в себе свое начало, и дальнейшее движение этого начала обогатило его (начало) новой определенностью... на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения... но уносит с собой все приобретенное и уплотняется внутри себя»⁵⁷.

Сложность в том, что для вскрытия тенденций развития нужен особый метод анализа, который был бы непосредственно ориентирован на объективацию закономерностей становления, и не только науки, но и любых других открытых человекообразных систем. Сложность в том, что разглядеть прогрессивные процессы в науке можно только путем выхода в вертикальную плоскость ее исторической динамики. Используя понятия М.М. Бахтина, можно сказать, что вряд ли возможно выявить закономерности движения психологического познания, пребывая в «малом времени». Может быть, потому они становятся неуловимыми, что слишком мало это «малое время», в пространстве которого мы успеваем отразить актуальное состояние науки, упуская тенденции ее развития, прогрессивного роста научного знания, перерождение форм и стилей научного мышления, закономерные преобразования предмета науки и ее метода. «Каждый образ нужно понять и оценить на уровне большого времени. Анализ обычно копошится на узком пространстве малого времени, то есть современности и ближайшего прошлого и представимого – желаемого или пугающего – будущего»⁵⁸. Пока в психологии пугающим является ее настоящее. В пространстве «уж очень малого времени», практически на уровне «здесь и теперь», наука выглядит действительно не очень оптимистично. Отмечается все возрастающая дезинтеграция науки,

⁵⁷ Гегель. Сочинения. М., 1939. Т. VI. С. 315.

⁵⁸ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М : Искусство, 1979. С. 369.

заявляющая о себе многочисленными разрывами (между прошлым и настоящим психологии, внутри ее настоящего, между теорией и практикой), указывающими на кризис науки⁵⁹. Отсюда возникает такое желание увидеть науку в виде сети взаимосогласованных теорий. Что делать? Методы исторического исследования достались нам в наследство от предыдущих эпох. Классицизм по сути своей аисторичен, и это не требует особых доказательств. Неклассицизм вышел к развитию, но до становления (как способа существования открытых систем) он не поднялся.

Другая картина получается, если выйти в транспективу движения психологического познания, т.е. за пределы этого «мгновенного снимка с перехода», как иронизировал А. Бергсон, говоря о том, что только в пределах «мертвого» остановленного времени мы чувствуем себя свободно⁶⁰. Некоторые возможности историко-системного подхода как формы транспективного анализа в его приложении к истории науки раскрывают диссертации Д.Ю. Баланева⁶¹, В.Ю. Долженко⁶², А.В. Ключко⁶³, Н.А. Никоновой⁶⁴, Е.В. Некрасовой⁶⁵. Все они демонстрируют один обнадеживающий факт: эволюция познания способна создавать инструменты для познания закономерностей собственной эволюции, одним из которых и является транспективный анализ.

В транспективном анализе, как уже отмечалось, историческим временем становящейся системы необходимо считать не прошлое, будущее или настоящее, а перекрывающий эти времена процесс превращения поливариативного будущего в моновариативное прошлое, который в транспекции неотрывен от процесса превращения поливозможностного пространства (среды) в пространство собственного становления системы. Для науки такой средой является культура, включая в нее и другие науки, религию, устоявшиеся и становящиеся картины мира, апробированные и только апробируемые формы мышления и т.д. Выявление транспективы

⁵⁹ Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.

⁶⁰ Бергсон А. Творческая эволюция. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/berg/5.html>

⁶¹ Баланев Д.Ю. Кибернетический редукционизм в психологии в контексте историко-системного подхода: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 1999.

⁶² Долженко В.Ю. Становление категории «смысл» как проблема историко-психологического исследования: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2001.

⁶³ Ключко А.В. Проблема личности в психологии в контексте понимания человека как открытой системы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2001.

⁶⁴ Никонова Н.А. Историко-системный анализ становления психологических представлений об уровне природы сознания. : Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2004

⁶⁵ Некрасова Е.Н. Пространственно-временная организация жизненного мира человека: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2005.

движения возможно только там, где имеются закономерности, обуславливающие движение, где реально совершается переход возможности в действительность. Например, только для открытых систем является закономерным усложнение их системной организации в процессе развития, в силу чего по отношению к таким системам вместо слова «развитие» лучше использовать другое слово – «становление». Это обусловлено тем, что становление – не «рядовой» признак открытой системы, но признак «родовой» т.е. такой, за которым стоят способ и механизм ее устойчивого существования как самоорганизующейся системы. В поле зрения науки такие системы попадают сравнительно поздно – с них наука не начинается. Но когда наука поднялась до уровня выделения самоорганизующихся открытых систем, она обрела новую парадигмальную базу, причем настолько отличную от базальных установок предыдущего этапа, что пришлось вводить новое понятие – «постнеклассицизм».

Признавая изменение уровней и форм научного мышления, отражаемое триадой «классицизм – неклассицизм – постнеклассицизм» в качестве объективного факта, мы еще не разглядели за ним закономерность, которая стоит за этой линейностью становления форм и в ней проявляет себя. Наши великие предшественники новую парадигму уже начали осваивать, и даже в первом приближении освоили, хотя не они сами, не мы, их ученики и последователи, об этом иногда просто не догадываемся. Можно ли проследить конкретные механизмы и условия выхода теории О.К. Тихомирова к постнеклассической парадигме, приведшие к новому пониманию роли (миссии) психического? Это важно, потому что вся линия, берущая начало от Л.С. Выготского, включая сюда и А.Н. Леонтьева, О.К. Тихомирова, а следом, видимо, и их последователей, сегодня уже достаточно прочно прописана по ведомству неклассической науки⁶⁶.

Каковы критерии отнесения научной теории к типу рациональности? Дифференциацию трех типов рациональности, а именно классицизм – неклассицизм – постнеклассицизм, первым осуществил В.С. Степин. «В свое время (см. мою публикацию в «Вопросах философии»). 1989. № 10) я выделил применительно к научному познанию три таких типа: классическую, неклассическую и постнеклассическую рациональность. Сегодня это различие употребляется уже в качестве «ходячей истины» в самых разных контекстах. Поэтому я хотел бы особо обратить внимание на ключевой признак этой типологии – коррелятивную связь между

⁶⁶ Мясоед П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии 2004. № 6. С. 3–18.

типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект»⁶⁷. Далее В.С. Степин указывает на то, что классическая, неклассическая, постнеклассическая наука предполагают различные типы рефлексии над деятельностью: от элиминации из процедур объяснения всего, что не относится к объекту (классика), к осмыслению соотнесенности объясняемых характеристик объекта с особенностью средств и операций деятельности (неклассика), до осмысления ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности. «Важно, что каждый из этих уровней рефлексии и стратегий коррелятивен системным особенностям исследуемых объектов и выступает условием их эффективного освоения (*простых систем как доминирующих объектов в классической науке, сложных саморегулирующихся систем – в неклассической, сложных саморазвивающихся – в постнеклассической*)».

Кажется, что, определив эти системы, эпистемология тут же перенесет это открытие на себя и начнет обретать постнеклассический облик. Что для этого нужно? Если эпистемология считает себя наукой, хотя бы и столь специфичной, какой может быть наука о науке (о происхождении и развитии научного знания), она должна самое себя подчинить добытому ею знанию. Это означает, что она должна представить собственный предмет исследования (науку) в качестве открытой человекоразмерной саморазвивающейся (самоорганизующейся) системы, поскольку именно в такой форме оказываются доминирующими объекты исследования в постнеклассической науке. Однако здесь и начинаются основные трудности.

Известно, что способом существования открытых систем является постоянное усложнение их системной организации (каковое и схватывает понятие «саморазвитие»), которое каким-то образом связано с процедурой обмена системы с окружающей ее средой информацией, энергией, веществом. Безусловно, связь прогрессивного развития науки с процедурой избирательного обмена системы с окружающей средой не могла быть в то время установлена уже потому, что научные теории еще не рассматривались как открытые саморазвивающиеся системы, обладающие способностью к самоорганизации. Не сформировалась еще и «синергетическая парадигма», привносящая с собой некоторый новый образ мира в неклассическую науку на рубеже двух последних веков. Высказываются предположения о том, что здесь требуются «сильная синергетика», т.е. та же синергетика, но

⁶⁷ Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Режим доступа: http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml

предполагающая «равноправное расширение своих методов на область в том числе «сильных систем» – биологических, социальных и даже духовных»⁶⁸. Что же касается сегодняшнего дня, то «слабая синергетика», преимущественно рассматривающая «слабые системы» – физические и химические, обеспеченная хорошо развитым математическим аппаратом, не поддается попыткам прямого переноса на процессы в человеческом сознании, искусстве, культуре, т.е. в область «сильных систем».

Можно полагать, что перенос синергетических идей в психологию («синергетический редукционизм») может оказаться для нее не менее опасным, чем любой другой, кибернетический, например. Не тем, что различные варианты «психосинергетики» уже существуют. Сильную синергетику психологи должны создать сами, и некоторые ее черты уже достаточно явно проступают, только мы этого еще в полной мере не осознали. Психологи уже выделили ее сердцевину: механизм избирательного обмена человека со средой. И не только выделили, но даже сделали предметом экспериментального исследования. Теперь уже мы знаем некоторые «секреты» сильных систем, которые можно распространять на слабые системы, потому что эвристически продуктивные метафоры распространяются не снизу вверх (редукционизм), а сверху вниз по эволюционной лестнице, когда сравнительно простые процессы рассматриваются через призму их эволюционных перспектив⁶⁹. При этом сама психология на это никак не реагирует, не замечая имеющегося у нее достояния. Почему это происходит?

Реалии сегодняшнего дня нашей науки таковы, что для большинства психологов очень непросто согласиться с самой возможностью существования некой критериальной базы, позволяющей оценивать перспективность научной теории через степень соответствия ее объективным тенденциям становления научного познания. Сегодня в психологии еще расцветает «культ фрагментарности» – наследие неклассической науки. При чем расцветает он на фоне еще не состоявшегося прощания с культом гомогенного классического знания, но зато в обрамлении таких красивых и вечно юных понятий как «свобода» («свобода разных путей – естественное развитие психологии»⁷⁰, «равенство» (все теории равны и ни одна

⁶⁸ Моисеев В.И. Философия и методология науки. Режим доступа: http://www.vusnet.ru/biblio/archive/moiseev_filosofija/

⁶⁹ Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной. истоки, становление, перспективы. М. Недра, 1991

⁷⁰ Гусельцева М.С. Типы методологических установок в психологии // Вопросы психологии 2005. № 6 С. 100.

из них «не является более фундаментальной, чем другие»⁷¹, «братство» (в виде «методологического либерализма», «методологического плюрализма», таковой же «толерантности» и т.д.). Не случайно в современной психологии озвучен практически весь политический лексикон эпохи демократизации общества. В психологии такая «демократизация» проявила себя в виде реакции на «методологический монизм» – одно из направлений эпистемологической мысли. Ранее он никогда не рассматривался как результат проекции в науку авторитаризма, свойственного в разной степени тем или другим социальным системам. Шок от возможности вновь оказаться в «тисках марксистской психологии» бросает некоторых психологов в объятия «методологического анархизма».

Не случайно все популярней становится аргументация с привлечением теории пролиферации П. Фейерабенда. *Если же смотреть на развитие эпистемологии транспективно, то можно обнаружить, что на фоне других философов науки своего времени «анархист» П. Фейерабенд стоит особняком.* Ставя его в один ряд с ними в современных аналитических исследованиях по истории философии науки, мы еще не поняли, что П. Фейерабенд фактически прерывает один ряд, чтобы начать другой. Он выходит к пониманию науки как открытой системы. Можно сказать, что с него начинается постнеклассическая эпистемология. Главное в его творчестве заключается не в идее развития науки в горизонтальной плоскости путем приращения новых теорий, а в том, что путем такого приращения наука выходит к «гармоническому развитию» и оказывается способной ассимилировать из культурной среды то, что способствует ее прогрессу, будь это даже религия, мифология или мистика. В Предисловии к немецкому изданию своей главной книги П. Фейерабенд открывает подлинную цель ее написания. «В то время как теория науки занимается детскими играми, разыгрывая войну мышей и лягушек между сторонниками Поппера и Куна, в то время как медленно взрослеющие младенцы уснащают свой критический рационализм все новыми и новыми эпициклами, у отдельных мыслителей, таких, как Н. Бор, или в специальных областях, например в теории систем, возникает новая, сильная, позитивная философия. Цель настоящего сочинения заключается в том, чтобы хотя бы косвенно поддержать эту философию, освободив ее от интеллектуального навоза»⁷².

⁷¹ Смирнов С.Д. Чем грозит психологии отсутствие общепринятого определения ее предмета? // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 1. С. 83.

⁷² Feyerabend P.K. Against Method. Outline of an anarchistic theory of knowledge. London, 1975

Безусловно, П. Фейерабенд хорошо знал природу безудержного роста эпициклов, и чем все это заканчивается. Когда в рамках простой, пусть даже очень «самоочевидной» системы (геоцентрической, например) для объяснения некоторых феноменов приходится привлекать все новые и новые «птолемеевские эпициклы», количество которых приближается к абсурду, необходим переход в систему более сложную. Здесь дилемма простая: или множить эпициклы в рамках простой (исходной) системы, или менять уровень системности, открывая более сложную систему, по отношению к которой простая система является подсистемой. Не случайно, поэтому, целью своего исследования автор считает поддержку общей теории систем, которая к тому времени уже приступила к разработке теории открытых систем. Способом существования таких систем является самоорганизация, следствием которой выступает саморазвитие системы. Сегодня, как было указано выше, принято считать, что выделение и изучение саморазвивающихся систем является отличительным признаком постнеклассической науки.

Обобщая можно сказать, что *«размножение» теорий, видимое в горизонтальной плоскости актуального бытия науки, и оцениваемое иногда как присущая ей форма развития «вширь», является только необходимым условием ее поступательного движения «вперед и вверх», сопровождающегося «уплотнением» науки в процессе самопроизвольно происходящей интеграции.*

Так каковы же критерии, опираясь на которые можно делать суждения о возможности отнесения теории к разряду классической, неклассической, постнеклассической науки? Главным критерием является сам предмет исследования, который смогла выделить теория. Простые системы характерны для теорий отвечающих классической науке. Сложные саморегулирующиеся системы специфичны для теорий неклассического уровня. Сложные саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы являются преимущественным предметом исследования в теориях, отвечающих постнеклассической науке.

Позволяет ли использование этих критериев утверждать, что в творчестве Л.С. Выготского использованы элементы мышления постнеклассического уровня? Чтобы ответить на этот вопрос утвердительно, необходимо доказать, что Л.С. Выготский вышел к открытым системам и что-то такое понял про их саморазвитие и самоорганизацию, что позволяет считать его классиком постнеклассической психологии.

Есть в любой науке люди, обладающие способностью уходить далеко вперед, силой разума или научной интуицией просчитывая силовые ли-

нии, относительно которых движется наука, ее тенденции и потенции, т.е. возможности, «обладающие силой на свое осуществление» (М.К. Мамардашвили). Поэтому можно согласиться с В.П. Зинченко, который пишет, что «с точки зрения бытующих ныне характеристик постнеклассической науки, подчеркивающих ее междисциплинарность при конструировании моделей, в которых синтезируются изыскания из разных областей знания, Л.С. Выготский был классиком постнеклассической науки»⁷³. Кто-то в науке должен взять на себя труд встать на то самое место в ней, где наука оказывается открытой в мир – в мир человеческой культуры, прежде всего, в то место, где знание еще не стало плотным, где оно не стало даже рыхлым, но еще только нарождается в виде «смутного знания». Это очень непросто – стоять там, где обнаруживаются «молекулярные изменения, которые переживает наука... внутренние и не оформившиеся процессы – тенденции развития, реформы и роста... Может быть, мы сумеем прочесть в них настоящую и будущую судьбу науки»⁷⁴.

Нельзя однозначно оценить научную культуру С.Л. Выготского и его вклад в науку, пытаясь рассмотреть его сквозь «концептуальные перегородки», которым «плотное классическое знание» отделено от «рыхлого неклассического знания», а то, в свою очередь от «этой смутной постнеклассики». Ситуация очень напоминает анекдотичную ситуацию с Гегелем: «не могли бы все это написать понятней, и желательно по-французски». И так, «классический ум» не поднимается до саморегуляции, «неклассический ум» не поднимается выше саморегуляции, а потому не отличает ее от самоорганизации. Интересно наблюдать за тем, как нормативы классического и неклассического мышления накладываются на все творчество «постнеклассика», естественным образом считывая в нем только то, что соответствует приложенным меркам. То Л.С. Выготского причисляют к тем, кто творчески развивал идеи классика психологии И.П. Сеченова, то Сеченов становится вдруг постнеклассиком, а Выготский, наоборот, неклассиком⁷⁵. В работе «Сознание как проблема психологии поведения» (1925) Л.С. Выготский пишет о том, что «работа каждого органа... не есть нечто статичное, но есть только функция от общего состояния организма. Нервная система работает как одно целое –

⁷³ Зинченко В.П. Живые метафоры смысла. Вопросы психологии. 2006. № 5, с.100-112, С 102

⁷⁴ Выготский Л.С. Собр. соч. Т 1 С. 356–357

⁷⁵ Мясоед П.М. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004 № 6 С 3–18.

эта формула Шеррингтона должна быть положена в основу учения о структуре поведения»⁷⁶. Здесь необходимо вспомнить, что именно Ч. Шеррингтон ввел в научный оборот понятие «синергия», и основатели общей теории самоорганизации (синергетики) об этом помнят⁷⁷.

В этой работе хорошо видно как движется мысль Л.С. Выготского к основным принципам самоорганизации. Она, с одной стороны, выходит к идее ограничения и избирательности взаимодействия системы со средой (идея «воронки»), а, с другой стороны, к формулированию одной из основных идей современной теории самоорганизации – идее о слабом взаимодействии, которое способно определить дальнейшее развитие системы, приближающейся к точке бифуркации. У Л.С. Выготского это выглядит так: «легко можно себе представить, как незначительные сами по себе реакции, даже малоприметные, могут оказаться руководящими в зависимости от конъюнктуры в том «пункте коллизии», в который они вступают»⁷⁸. Идея психики как «воронки», через которую «гераклитов поток», этот хаос внешнего упорядочивается и ограничивается, вернется вновь. Уже через два года в работе «Исторический смысл психологического кризиса» Л.С. Выготский напишет, что «психика выбирает устойчивые точки действительности среди всеобщего движения. Она есть островки безопасности в гераклитовом потоке. Она есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль – не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно искажать действительность в пользу организма»⁷⁹.

Так рождается идея избирательного обмена человека со средой, идея самоотбора. Человек не просто живет в среде, обмениваясь с ней информацией, веществом и энергией, как это подобает любой открытой системе. Не просто меняет среду, возвращая в нее переработанное им, т.е. измененные им продукты обмена. Он на базе бесконечной по своим возможностям, и потому аморфной, безразличной «среды», создает свой многомерный мир. Назначение психики, ее миссию Л.С. Выготский видел в том, что она призвана не отражать объективную реальность, а

⁷⁶ *Выготский Л.С. Собрание сочинений. Мо., 1982. Т. 1. С. 81.*

⁷⁷ *Хаккен Г. Принципы работы головного мозга. Синергетический подход к активности мозга, поведению.*

⁷⁸ *Указ. соч. С. 87.*

⁷⁹ *Указ. соч. С347*

«субъективно искажать» ее в пользу человека. Что это как не реальный выход к процессу порождение многомерной реальности, не создав которую «невозможно действовать»? Еще через два года в «Конкретной психологии человека» (1929) он скажет: «Есть переходные формы, а между духом и материей их нет...». И предложит свой вариант со-бытия Материи и Духа, но психология опять не оценит сделанного.

Антропологизация психологического познания уже видна как тенденция, но сама эта тенденция еще не понята как выражение тех закономерностей, которые определяют самодвижение психологического познания. Поэтому, чтобы двинуться вперед, необходимо вернуться к Выготскому, утверждавшему, что «без человека... как целого нельзя объяснить деятельность его аппарата (мозга), что человек управляет мозгом, а не мозг человеком... что без человека нельзя понять его поведение, что психологию нельзя излагать в понятии процессов, но драмы»⁸⁰.

Можно ли проследить конкретные механизмы и условия выхода теории О.К. Тихомирова к постнеклассической парадигме, приведшие к новому пониманию роли (миссии) психического? Действительно, как и откуда приходили идеи самоорганизации в научную школу, которая начинала «как все»: психика понималась как отражение, ее функция усматривалась в регуляции деятельности и поведения, мышление рассматривалось как «высшая форма отражения» и т.д. Не было еще современных концептуальных моделей, ориентированных на изучение единых механизмов самоорганизации, таких как синергетика (Г. Хакен), неравновесная термодинамика и теория диссипативных структур (И. Пригожин), теория аутопоэза (У.Р. Матурана), теория динамического хаоса (М. Фейгенбаум), нелинейная динамика (С.П. Курдюмов), которые могли бы непосредственно повлиять на создателя научной школы и его учеников. Тем более, что все эти модели были разработаны в ориентации на физические и простейшие биологические системы. Их крайне трудно, если это вообще возможно, переносить на человека, не впадая в синергетический редукционизм, неизбежный в этом случае. Тем не менее, изучая мышление, научная школа вышла к постнеклассическому мышлению, которое как раз и базируется на представлениях об открытых самоорганизующихся системах. Чем был фундирован этот выход?

Можно сказать, что теория просто подчинилась тенденции, двигаясь в унисон с общечеловеческой культурой мышления, наращивающей уро-

⁸⁰ *Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. С. 60.*

вень своей системности. Это, наверное, так. Но это и не совсем так, поскольку в конце 1960-х – начале 1970-х гг. опыт постнеклассического мышления был еще не столь значительным, тем более, что он не был и отрефлексирован, поскольку сама градация уровней мышления была объективирована ближе к 1990-м гг. Вопрос, следовательно, заключается в том, каким образом генеральные тенденции развития культуры оказываются способными влиять на прогрессивное развитие научной теории, складывающейся в конкретной науке.

Если посмотреть на достаточно трудный процесс вхождения (точнее, восхождения) смысловой теории мышления в постнеклассицизм транс-спективно, то можно выделить некоторые закономерности, которые можно оценить как достаточно устойчивые или инвариантные. Прежде всего, процесс указанного восхождения практически невозможно представить как вполне линейный процесс, на который намекает триада классицизм – неклассицизм – постнеклассицизм. Реально же «перерождение научной ткани» происходит в борьбе различных форм и уровней мышления как внутри конкретного исследователя, так и во взаимодействии различно мыслящих представителей научной школы. Это перерождение идет с забегами вперед и регрессиями, через сложнейшее сочетание предустановленного и вновь образуемого. Поэтому так трудно указать точку, с которой начинается каждый новый этап в жизни школы – постнеклассическая по своему масштабу мысль оказывается погруженной в систему мышления неклассического (и даже классического) уровня и пытается пробиться к субъекту мышления, а он иногда делает все, чтобы удержаться в рамках исходной парадигмы.

Возьмем в качестве примера книгу «Саморегуляция мышления и ее формирование», анализируя которую сегодня, можно легко заметить, как быются в ней две установки⁸¹. Одна направлена на сохранение неклассической парадигмы (саморегуляция), и вторая, которая выводит к самоорганизации – верному показателю постнеклассической парадигмы. Происходит это потому, что накопилось уже достаточно много фактов, которые уже нельзя было объяснить в контексте саморегуляции. Здесь возникает вопрос, который продолжает оставаться открытым в эпистемологии: *как может эмпирический факт фальсифицировать научную теорию, которая сама же и структурирует его?* Достаточно много копий сломали, пытаясь ответить на него, представители «исторической школы» в мето-

⁸¹ Ключко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование. Караганда, 1987.

дологии науки, включая Т. Куна, И. Лакатоса, А. Масгрейв и др. Но вот как это выглядит в реальной научной практике.

В указанном сочинении двадцатилетней давности написано: «Выход из противоречия представляется следующим образом. Привести в движение все психологические категории внутри одного предмета исследования. Иными словами, выделить более широкую систему, по отношению к которой все выделенные системы (имеются в виду деятельность, личность, психика и ситуация в которой человек действует) оказались бы взаимосвязанными и взаимопереходящими внутренними подсистемами. Такую систему мы далее будем называть психологической. Именно эта система и может быть понята как саморегулирующаяся, способная к тому же не только к саморегуляции, но и самоорганизации, и не только к самоорганизации, но и к саморазвитию»⁸².

В этой вынужденно приведенной автоцитате можно усмотреть модель выхода исследователя за пределы используемого им метода, конструирующего не только предметное пространство, внутри которого движется исследование, но и задающее пространство движения мысли. По сути дела, это моделирование и тех сил, которые выносят не только конкретного исследователя, но и всю науку «поверх барьеров», обеспечивая прогрессивное развитие науки. Следовательно, это и есть вопрос о том, каким образом осуществляется переход возможностей в действительность в процессе научного поиска. Кратко можно сказать: *теория вынужденно фальсифицирует себя, производя факты, объяснение которых требует выхода в теоретическую систему более высокого уровня.*

Однако почему от саморегуляции мышления надо было переходить к именно самоорганизации и саморазвитию человека, понимаемого в качестве открытой психологической системы? В эпистемологии связь между неклассицизмом и постнеклассицизмом как разных схем познания, предметом исследования в которых являются сложные саморегулирующиеся и сложные саморазвивающиеся системы будет объективирована несколько лет спустя. Следовательно, не это знание подсказывало направление выхода исследовательской мысли. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо опуститься с 1987 г., когда была написана эта работа, к году 1980-му, когда в «Вопросах психологии» была опубликована статья, в которой обсуждалась гипотеза о координирующей функции эмоций, которая во многом изменила отношение авторов к тому, что изначально

⁸² Ключко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование. Караганда, 1987. С. 11–12

составляло предмет исследования⁸³. В этой работе тоже проглядывает желание авторов сохранить старые позиции (отражение, регуляция, саморегуляция и т.д.) и уже наметившееся, но пока неосознанное движение к пониманию психического как необходимого условия, обеспечивающего самоорганизацию человека. Координация и есть согласование деятельности, личности, сознания и ситуации деятельности в единый целенаправленно функционирующий ансамбль. Начиная экспериментальную программу в 1971 г., никто не предполагал, что исследование регулирующей роли эмоций в мыслительной деятельности выведет к проблемам координации. И тем самым исследование попадает в самую сердцевину всех современных концептуальных моделей самоорганизации. «Центральной темой в синергетике следует считать *координацию действий* отдельных частей с помощью параметров порядка и принципа подчинения, – пишет основатель синергетики Г. Хакен⁸⁴.

Однако каким образом зарождавшаяся теория вообще смогла выйти к смыслам, эмоциям и уяснению их координирующей роли? Ответ надо искать в работе О.К. Тихомирова «Принцип избирательности в мышлении», опубликованной в 1965 г.⁸⁵ В ней будет высказана идея, о том, что сущность селективных процессов в мышлении связана со *смысловой организацией ситуации*. Если не смотреть транспективно на эволюцию мышления создателя смысловой теории мышления, которое трансформировалось и под влиянием того, что открывалось в самой теории по мере ее становления, то останется полной загадкой то, каким образом он пришел к своей максиме. «Перед современным отечественным психологом, изучающим природу психического, – напишет О.К. Тихомиров в 1992 г., – лежат, по крайней мере, два пути. Один состоит в конкретизации представлений о психике как «отражении» реальности, второй – в разработке представлений о психике как порождении новой реальности. Я выбираю второй путь»⁸⁶.

Следует заметить, что у О.К. Тихомирова «порождение новой реальности» не тождественно процессу «конструирования реальности», который у

⁸³ Тихомиров О.К., Ключко В.Е. Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности // Вопросы психологии. 1980. № 5. С. 23–31.

⁸⁴ Хаккен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению С. 9.

⁸⁵ Тихомиров О.К. Принцип избирательности в мышлении // Вопросы психологии. 1965. № 6 С. 16–32.

⁸⁶ Климов Е.А. Об амбифлукторной природе психического // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. М., 1992. № 1. С. 59.

современных радикальных конструктивистов как раз тождественен процессу «конструирования знания». Ж. Пиаже, П. Вацлавик и Э. фон Глазерсфельд говорят о конструировании реальности (действительности) в сознании субъекта, наблюдателя. О.К. Тихомиров указывает на то, что многомерно само пространство поисковой деятельности человека и содержит в себе как объективно заданную структуру, которую можно описать формально-логическими средствами, так и динамическую неформальную (ценностно-смысловую) структуру.

К такому «незапланированному продукту» привела попытка на экспериментальном уровне проверить гипотезу Л.С. Выготского о единстве аффекта и интеллекта, инструментально нащупать это единство. И оно, это единство, открылось весьма специфично. Аффект (эмоция) опережает гностику (отражение), отношение идет впереди отражения, прокладывая дорогу произвольной деятельности и направляя тем самым логические процедуры, сокращая и структурно оформляя зоны поиска решения задачи. Эмоции указывали на смыслы, а те оказывались одной из характеристик элементов, составляющих формально-логическую структуру ситуации. «Изменение смысла вещи есть всегда изменение субъекта», – писал А.Н. Леонтьев.⁸⁷ Эксперименты показывали, что изменение субъекта тут же оборачивается изменением смысла вещей – они обретают субъективные измерения и благодаря этому начинают движение «в план сознания». «Если бы мы видели все... перед нами был бы хаос», – писал Л.С. Выготский. Становилось понятным, что смыслы (и эмоции, которые их считают) и есть проводники в сознание тех предметов, которые соответствуют текущему состоянию человека.

Так постепенно открывалась многомерная психологическая реальность, «субъективно искаженная» объективная реальность (Л.С. Выготский), но позволяющая действовать избирательно. На любое изменение состояния человека (возникновение поисковой познавательной потребности, мотивов деятельности, целей и т.д.) ситуация отвечала динамикой ценностно-смысловой структуры, вместе с которой перестраивалась и предметная (формально-логическая) структура ситуации. Постепенно выяснялось, что ситуация тем и отличается от остальной объективной реальности, что она имеет ценностно-смысловое измерение, при этом она является только частью, актуальным, динамическим и напряженным сектором жизненного мира человека. И здесь мы видим все то же неуклон-

⁸⁷ Леонтьев А.Н. Философия психологии. Из научного наследия. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 170

ное движение научной мысли на новые этажи системного видения психологической реальности. В рамках нескольких специальных исследовательских проектов, осуществленных в опоре на транспективный анализ, попытались мы выявить какое влияние на это движение оказывала борьба с кибернетическим редукционизмом, как преодоление «гносеологической метафоры» выводило к многомерным жизненным пространствам, как менялся категориальный аппарат смысловой теории мышления, фиксируя этот подъем «по этажам» системности⁸⁸. И все равно феномен смысловой теории мышления продолжает оставаться благодатным полем исследования для эпистемологии, истории и методологии психологии. Чем заметней приближается наука к исследованию человеческих миров, констатации многомерности жизненных пространств, ценностно-смысловой развертки реального бытия людей, тем ясней проступает методологическая значимость идей, которые выдвигал и разрабатывал О.К. Тихомиров. Собственно уже это не позволяет говорить о смысловой теории мышления в прошедшем времени: несмотря на то, что идеи, разработанные в научной школе О.К. Тихомирова, обрели новую жизнь, и вышли за рамки психологии мышления, они продолжают работать, хотя все менее опознаются в своем первоначальном по отношению к новым рамкам качестве.

⁸⁸ Ваулина Т.А. Типы профессионально-психологического мышления: исторический и общепсихологический анализ: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2005; Скорлупина О.А. Онтологизация психологического познания и ее проявление в этапах становления научной теории (на предмете смысловой теории мышления О.К. Тихомирова): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2006.

3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ИННОВАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Речь в этой главе пойдет об организации экспериментов, которые были проведены в научной школе О.К. Тихомирова еще в начале 70-х гг. прошлого века, и полученных с их помощью результатах и интерпретациях, которые до сих пор так и не стали предметом научной дискуссии. Один из авторов этой (В.Е. Клочко) был организатором этих экспериментов: именно с этих исследований берет свое начало теория самоорганизующихся психологических систем (ТПС) – предтеча системной антропсихологии. Хотя некоторые из методик, а также (выборочно) некоторые результаты приводятся в литературе, но используется все это для утверждения (или подтверждения) собственных идей, нисколько не касаясь при этом того, ради чего затевались эти исследования, и к каким выводам и обобщениям они на самом деле приводят. В целом объяснимо, почему это происходит. Результаты получились столь необычными, что в рамках традиционных объяснительных средств истолковать их крайне трудно, а вырванные из контекста фрагменты можно не только привязать к любой теории, но даже подтвердить ими справедливость собственных построений.

Если сегодня указываются признаки инновационного поведения, среди которых, как уже указывалось ранее, приводятся такие его характеристики, как творчество, открытость, сверхадаптивность, сверхнормативность, нешаблонность, гибкость, нестереотипность и т.д., то необходимо заметить, что целью исследований, о которых пойдет речь, являлось выяснение того, каким образом и почему в тривиальной (обычной, рутинной, не требующей творческих усилий) деятельности вдруг начинают возникать поведенческие акты, признаки которых полностью соотносимы с теми характеристиками инновационного поведения, которые мы перечислили выше. Они могут блокировать тривиальную деятельность, развиваться на ее фоне или трансформировать ее в мыслительную. Будучи избыточными для сложившейся ситуации деятельности, они возникают самопроизвольно, т.е. человек подчас даже не замечает, что его деятельность изменилась, что уже произошло переключение мотивов и он, на фоне тривиальной деятельности и даже вопреки ей, исполняет на са-

мом деле совсем другую деятельность, иногда вовсе не представляя ее конечный результат, т.е. действует бескорыстно, апрактично, инициативно, но зато нешаблонно и творчески. Что его к этому привлекает? Какие «аттракторы» здесь сработали, спросили бы специалисты по синергетике. Почему среди «нормального» поведения вдруг завелась «точка бифуркации» и процесс вдруг начал раздваиваться, образуя новый путь, причем и человека здесь никто не спрашивал: он просто перестал идти «куда нужно» и пошел «куда можно»? О.М. Краснорядцевой позднее (1985–1987) удалось объяснить, почему некоторые люди переходят к такому «сверхадаптивному» поведению с достаточным постоянством, так же как некоторые другие достаточно стабильно от такого перехода уклоняются. Затем Э.В. Галажинский установил связь между уровнями самореализации личности и характеристиками поведения, которое сегодня называют «инновационным», и показал, что в условиях специально организованной образовательной среды можно помочь людям перейти на более высокий уровень самореализации (продуктивно-сверхадаптивный уровень).

3.1. Экспериментальное исследование процесса возникновения инновационного поведения

Интересующие нас исследования были проведены в рамках программы изучения инициации мыслительной деятельности. Понятие ««инициация» имеет выход к двум корням. Этимологически – «порождение», «становление», что хорошо схватывает суть явления – возникновение мыслительной деятельности и ее развитие на этапах, предшествующих мыслительной задаче и приводящих к ней (прежде чем включатся детерминационные механизмы, берущие начало в задаче – «детерминирующие тенденции», «установки», «соотношения средств и целей» и т.д.) Кроме того, «инициатива», которую толковые словари трактуют как почин, внутреннее побуждение к новым формам деятельности, что на психологическом языке определяют иногда как «целеобразующее начинание, свободное от интенции на конечный результат» (К.А. Абульханова). Понятие «инициатива» удачно схватывает часть проблем, связанных с инициацией мыслительной деятельности – очень часто она проявляется как «бескорыстное», «апрактичное» действие, как «внутренний почин». Правда, если действие свободно от интенции на конечный результат, то остается вопрос о том, как оно регулируется, что вновь возвращает к пер-

вому значению (порождение, становление). Проблема заключалась в том, что источник пробуждения к свободному действию не удалось локализовать ни во внутреннем, ни во внешнем, ни в самой деятельности, хотя, безусловно, есть веские причины искать его именно здесь (А.Н. Леонтьев, В.А. Иванников, В. Баканов, А.Г. Асмолов, В.А. Петровский и др.).

Предполагалось, что исследование «свободной инициации» мышления может дать ключ к пониманию и исследованию большого класса явлений, таких как «надситуативная активность» (В.А. Петровский), «сверхнормативная деятельность» (Р.С. Немов), «наднормативная активность» (А.К. Дусавицкий), «интеллектуальная инициатива» (Д.Б. Богоявленская), «продуктивная активность» (А.М. Матюшкин), часть эффектов Хоппе и др. Несмотря на все различия и оттенки, обусловленные особенностями теоретических систем, в которых развивались и возникали эти понятия, в них есть и нечто общее, внеконцептуальное, фиксирующее присущую человеку способность к инициативному (теперь бы сказали инновационному) поведению, непонятному современной психологии с точки зрения его детерминации и регуляции.

В рамках различных школ и направлений были выделены различные факторы, влияющие на процесс самостоятельного обнаружения и постановки мыслительной задачи и детерминирующие его. На этот процесс влияют особые свойства личности: «чувствительность к проблеме» (Дж. Гилфорд, Е. Торренс), «интеллектуальная инициатива» (Д.Б. Богоявленская); особенности ситуации, в которой человек действует (Я.А. Пономарев, Н.Л. Элиава); особенности самой деятельности (А.Г. Асмолов, В.А. Петровский), влияния партнеров по совместной мыслительной деятельности (А.В. Брушлинский, А.М. Матюшкин). Отсутствие единой концепции инициации мыслительной деятельности объясняется тем, что безусловная правота исследователей, показавших вклад различных факторов в детерминацию мышления на стадии его инициации, не подкреплена пока соответствующей теорией, которая была бы способная соединить все факторы в единую систему.

Предметом конкретного экспериментального исследования стали три вида инициации мышления. Достаточно полно охватывающие все возможные варианты порождения мыслительной деятельности, имеющие свои особенности в структуре мотивообразования, целеобразования. особенности детерминации и регуляции.

Первый вид инициации мыслительной деятельности можно представить как «свободную» инициацию, в основе которой лежит самопроизвольный

переход действующей личности к мыслительной деятельности – «за пределами» инструкций, «требований ситуации», «апраклично», «нефункционально» и т.д. Суть этого вида инициации заключается в переходе к мышлению после обнаружения возможностей такого перехода, и при этом мотивы и цели мыслительной деятельности не только не совпадают с мотивами и целями исходной деятельности (в ходе которой открывается возможность перехода к мыслительной деятельности), но иногда и противостоят им. Эти характеристики свободной инициации как раз и совпадают с основными параметрами инновационного поведения, что и позволяет *рассматривать свободную инициацию мышления как форму (свободного) инновационного поведения*, а само ее исследование как то, что моделирует процесс зарождения инновационных поведенческих актов.

Второй вид инициации мышления связан с порождением мыслительной деятельности в ходе актуальной деятельности, направленной на удовлетворение какой-либо потребности, когда ее удовлетворение сталкивается с различного рода ситуативными препятствиями, внешними вмешательствами, необходимость преодоления которых предполагает мыслительную деятельность. В этом случае мотивационное обеспечение возникающей мыслительной деятельности обусловлено мотивами и задачами актуальной деятельности. Второй вид инициации мышления по сути дела является формой такого инновационного поведения, «которое представляет собой действие, где проявляются личностные отношения субъекта к происходящим переменам»¹. Изучению такого инновационного поведения посвящена следующая глава.

Третий вид инициации мыслительной деятельности возникает как результат побуждения к мышлению с помощью уже сформулированных, поставленных кем-либо задач. Это случаи самого «несамостоятельного» включения в мыслительную деятельность, но они схватывают наиболее распространенные случаи вызова мышления в педагогической практике (решение задач), в экспериментальной психологии мышления. Этот вид инициации мы в данной книге рассматривать не будем.

Итак, наиболее сложным для исследования, а теперь, как оказывается, и самым перспективным в плане познания психологических механизмов инновационного поведения, является первый вид: свободная инициация. Не случайно Д. Берлайн отмечал в свое время, что вопросы о том, почему человек начал думать, и почему он вообще думает о данном предмете,

¹ Психолого-педагогическое сопровождение реализации инновационных образовательных программ / Под ред. Ю. П. Зинченко, И. А. Володарской. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 14.

вызывают «удивительно прискорбное пренебрежение». Прав А.Ф. Эсаулов, утверждая, что период «усмотрения» задачи представляет собой «почти совсем не вскрытое в психологии явление», хотя именно в нем особенно ярко проявляется как мышление, так и личность. Целеобразование и побуждение мыслить («мотивообразование») формируется здесь в едином процессе, что вообще делает необычной саму проблему.

Инициация мышления – вовсе не рядовая психологическая проблема. Она не получила приемлемого решения, как не получили его ни одна из проблем, с разных теоретических позиций рассматривающих природу «свободного действия». За этой проблемой стоит действительно глобальная проблема психологических механизмов саморазвития человека за пределы всяческих «норм» и «требований ситуации», проблема порождения человеком собственных норм («нормотворчество»), проблема «психологического гетеростаза» (К. Обуховский), непонятного с точки зрения его ситуационной обусловленности.

Человек выходит за пределы себя, ситуации и т.д. Это красиво, хорошо и сегодня почти общепризнано. Почему он выходит за пределы именно здесь и теперь, какие внутренние и внешние условия совпали таким образом, что выход состоялся? Как человек узнает, что именно в этом месте (здесь), и именно в этот момент (теперь) надо (или можно?) выходить за пределы? Откуда он это знает, как объясняет себе и другим мотивы этого выхода, и что им движет на самом деле? Откуда берется энергия выхода и как возникают силы, обуславливающие его направленность? Вопросы странные и даже как бы принижающие восторг, который несет в себе романтика, навеянная представлениями об абсолютной, ничем и никем не детерминированной способности человека к свободным действиям, свободе как таковой. Но психологии придется отвечать на эти вопросы, поскольку это уже не вопросы, а «гвозди» на которых сегодня оказывается подвешенной все проблемное поле психологии инновационного поведения человека. Без ответа на них не понять, что такое инновационное поведение, что такое инновационная личность и как она может формироваться в условиях специально организованных образовательных и предпринимательских сред.

Создаваемые психологами методики исследования не могут не отражать методологические и теоретические позиции их авторов. В психологии мышления есть свои особенности, заключающиеся в том, что варьируются чаще только задачи, предлагаемые испытуемым, сам же способ анализа остается похожим (рассуждения вслух, запись речи, анализ дей-

ствий и т.д.). Беден арсенал методических средств, что грозит обеднением собственно психологического содержания и его анализа, соскальзывающего на анализ особенностей конкретных задач, а мир задач неисчерпаем. Что же касается исследований в области инициации мыслительной деятельности, то их методическое оснащение нельзя назвать даже «бедным». Можно сказать, что методическое оснащение этой проблематики вполне адекватно уровню теоретической разработки проблемы. «В лабораторных условиях или в педагогическом эксперименте мы всегда ставим перед испытуемым, так сказать «готовую» цель: поэтому самый процесс целеобразования обычно ускользает от исследователей», — указывал А.Н. Леонтьев².

Д.Б. Богоявленской была предложена методика «креативного поля», то есть создание таких ситуаций, которые содержат в себе потенциально, в скрытом виде, проблемы, постановка которых прямо не требуется для осуществления данной деятельности, «Креативное поле» в экспериментах Д.Б. Богоявленской создавалась искусственно, на материале решения простейших однотипных шахматных задач на цилиндрической шахматной доске. Такие условия задач, в виду их необычности, как бы уравнивали прошлый опыт испытуемых, одновременно позволяя выделить уровни интеллектуальной активности в переходе от репродуктивных действий к креативным, творческим. Однако эти методики позволяли фиксировать переход от репродуктивной мыслительной деятельности к творческой, креативной.

Необходимо было сконструировать методики, которые позволили бы зафиксировать переход тривиальной деятельности в мыслительную, выявить механизм выделения целей и условий новой деятельности, их формирование в рамках заданной (не мыслительной) деятельности, т.е. анализу подвергнуть исходную деятельность, те новообразования, которые в ней возникают, противоречия в мотивационной сфере, которые порождаются этими новообразованиями. Иными словами нужны были такие методики, которые позволили бы «растянуть» те быстротечные процессы, которые обычно исчезают из поля зрения исследователей, сделать их фиксируемыми в своих фазах, этапах, переходах.

Переход от открываемой в ходе деятельности возможности мыслить к потребности мыслить «здесь и теперь» и составляет всю суть свободной инициации мышления. Все дело в том, как совершается этот переход, как

² Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 106.

он регулируется и детерминируется и каким образом можно путем создания соответствующих методик предусмотреть вероятность его возникновения в экспериментальной ситуации и «растянуть» во времени – для выделения его психологического устройства и фиксации особенностей его протекания у различных испытуемых. Интерес вызывает, в первую очередь, обнаружение испытуемым возможности поставить мыслительную цель, причем эта возможность не должна выполнять роль непосредственного барьера для актуальной деятельности. Кроме того, экспериментальный материал должен был позволить различные виды деятельности с ним для того, чтобы установить вероятность обнаружения познавательной цели от вида деятельности. Мы пошли путем создания такого материала, который позволял бы различного рода деятельность (не мыслительную) с этим же материалом, и в то же время был потенциально активен для испытуемого в мыслительном плане, то есть содержал некое несоответствие, противоречие, обнаружение которого могло привести к формированию конкретной мыслительной задачи на основе этого противоречия. Причем это противоречие не должно «мешать» выполнению необходимой деятельности с этим материалом, вставать какой-либо преградой для деятельности.

Наиболее трудным моментом конструирования экспериментальных методик исследования инициации мыслительной деятельности является поиск объективных индикаторов тех изменений, которые происходят в ценностно-смысловой структуре ситуации деятельности. Методические трудности, в данном случае, являются отражением трудностей методологических. Нужно было переосмыслить традиционные представления о роли эмоций в отражении и регуляции деятельности и поведения человека, а потом пересмотреть возможности традиционных методик применительно к новому пониманию исследуемых феноменов.

Использование кожно-гальванической реакции как индикатора эмоциональных состояний в исследованиях, посвященных изучению роли эмоций в решении мыслительных задач, имеет свою историю, хотя число подобных исследований и невелико. Методика записи КГР (по Фере), использовавшаяся в экспериментах, уже неоднократно для исследования эмоциональной активизации, проявляющейся в явлениях спада кожного сопротивления (КС) и ее регулятивной функции в мыслительной деятельности. Особенности записи КГР в сочетании с анализом содержания вербализуемого материала, вербальных оценок, экспрессивных компонентов речи, ретроспективного отчета и объективного хода деятельности позволяет исследовать не только связь фазических отклонений КС в сто-

рону падения с «эмоциональной активацией», но и связь физических и тонических изменений КГР, происходящих в сторону роста КС с явлениями эмоциональной регуляции деятельности.

Метод синхронной регистрации кожно-гальванической реакции (КГР) и вербальных, интонационных, мимических и т.д. характеристик деятельности субъекта, а также конкретного содержания деятельности был разработан О.К. Тихомировым и Ю.Е. Виноградовым применительно к задачам исследования роли эмоциональной активации и ее регулятивной функции в мыслительной деятельности, возникающей в процессе решения мыслительных задач. Сложность заключается не в том, чтобы приспособить эту методику для исследования процессов обнаружения и постановки мыслительных задач в процессе тривиальной деятельности. Сложно было понять, что эта методика на самом деле регистрирует: изменения на субъектном полюсе (состояния субъекта) или то, что происходит в психологической ситуации, т.е. между субъектом и средой, а именно той ее частью, которой входит в условия его деятельности. Вряд ли можно оспаривать тот факт, что эмоции имеют свое основание в предметном мире. Методика синхронной регистрации позволяет эту идею реализовать экспериментально. С детальным описанием экспериментов, их результатами и тем, как они интерпретировались в то время, можно ознакомиться в книгах «Психология мышления»³ и «Искусственный интеллект и психология»⁴.

Первая методика. Исследование проводилось при помощи специально составленного текста художественного содержания, заключающего в себе в скрытом виде противоречие, на основе которого может быть сформулирована задача физического содержания. Текст подавался испытуемым как отрывок из художественной книги с указанием вымышленного автора. Приводим его полностью, поскольку он встречается в современной литературе (и не только психологической) в различных модификациях и сокращениях.

Лодка была немедленно подхвачена бурным потоком. Река несла лодку легко, как будто и лодка и пассажиры не имели ни веса, ни каких-либо возможностей противостоять этому всепильному потоку.

Во время крутых спусков, берега проносились мимо испуганных путешественников со страшной скоростью. Прибрежные камни и редкие деревья мелькали, сливаясь в пеструю ленту, вызывающую головокружение. На подъемах движение реки замедлялось, она как бы оседала, темнела. Река была подобна живому существу – так же легко и радостно спуска-

³ Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Академия, 2005. 288 с.

⁴ Искусственный интеллект и психология / Под ред. О.К. Тихомирова. М.: Наука, 1976.

лась с горы, и так же, как тяжело нагруженный путник, поднимающийся в гору, становилась ленивой и неузнаваемой на редких, затяжных, высоких подъемах.

Мальчики приходили в себя, оторопело смотрели друг на друга, но не успевали они даже вдоволь посмеяться над своим испуганным видом, как поток вновь срывался с завоеванной вершины, и опять начиналось стремительное мелькание, томительное ожидание следующей передышки.

Отрывок из книги Дж.К. Фэрри
«Золотоискатели»

Несмотря на явные литературные недостатки, текст не вызвал у испытуемых сомнения в существовании указанной книги и ее автора. Конфликт и строился на том, что, с одной стороны, испытуемые безусловно доверяли нашему вымышленному автору в процессе различного рода работы над текстом, с другой стороны, в тексте трижды встречалось содержание, противоречащее опыту и знаниям испытуемых. Предлагаемый в экспериментах текст содержит противоречие – описываются явления, которые реально не существуют. Однако это расхождение для испытуемого вовсе не является какой-либо преградой при осуществлении задаваемой инструкцией деятельности. Предполагалось, что если испытуемый отразит противоречие и на его основе сформирует мыслительную задачу, то это будет означать трансформацию деятельности, заданной инструкцией, в мыслительную деятельность.

Вот это содержание: «На подъемах движение реки замедлялось», «...(река) становилась ленивой и неузнаваемой на редких затяжных подъемах», «...поток вновь срывался с завоеванной вершины». Все испытуемые были ознакомлены с законами гидростатики и гидродинамики в курсе средней школы или вуза.

Эксперимент строился следующим образом. Участнику эксперимента сообщалась мнимая его цель – проверка грамотности самого испытуемого. После того, как испытуемый указывал на замеченные им орфографические и синтаксические ошибки, или сообщал об отсутствии таковых, текст убирался, а испытуемого просили наиболее полно пересказать все, что запомнилось ему из текста. Такое построение эксперимента объясняется тем, что экспериментатора интересовало заметил испытуемый противоречие или нет, однако узнать это надо было, не вызывая у испытуемого установки на поиск противоречия, что могло помешать дальнейшему ходу эксперимента, т.е. не спрашивая прямо у испытуемого. При этом расчет строился на основной закон произвольного запоминания, классическая схема которого, собственно и воплощалась в эксперименте – запомнится тот материал, содержание которого совпало с целью деятельности. Если испытуемый

заметил противоречие и произвел определенную деятельность по осознанию, формулировке и снятию его, то материал, связанный с интересующим нас противоречием должен быть сохранен в произвольной памяти и ре-продуцирован при последующем воспроизведении.

Если экспериментатору становилось ясно, что испытуемый не заметил противоречия, эксперимент продолжался. Ставилась вторая цель – запомнить текст при однократном чтении его вслух. Испытуемому сообщалась вторая мнимая цель эксперимента – проверка мнемических способностей испытуемого. Испытуемый читал текст без остановок вслух один раз и пытался наиболее полно передать содержание. Если и в том случае испытуемый не осознавал противоречия, экспериментатор спрашивал испытуемого, не заметил ли он какого-либо несоответствия, противоречия, не показалось ли ему что-либо в тексте неправильным, странным. Если противоречие не замечалось вновь, экспериментатор переходил к третьему этапу эксперимента. Перед испытуемым ставилась прямая цель найти противоречие в тексте. При этом испытуемого просили читать текст и рассуждать вслух. В ходе всего эксперимента проводилась непрерывная регистрация КГР.

Вторая методика. В исследовании испытуемым предъявлялись изображения. Под предлогом проверки наблюдательности, испытуемым предлагалось наиболее полно рассказать содержание изображенного. Всего предъявлялось 30 изображений, объединенных в группы по три изображения в каждой. Каждая группа связана общей идеей. Иногда отдельные изображения в группе представляют фиксацию определенного состояния некоторого процесса («принцип киноленты»). Например, тело, скатывающееся с наклонной плоскости, «схваченное» в трех разных положениях. В других случаях объединяющая идея более общая (геометрические тела: куб, параллелепипед, конус). Предъявление рисунков производилось по кадрам. Сначала демонстрировался первый кадр группы. После рассказа испытуемого о содержании увиденного открывался второй кадр, но первый не убирался. После рассказа по второму кадру к двум предыдущим добавлялся третий кадр и следовал рассказ по третьему кадру. Инструкция не требовала установления связи между кадрами.

Часть групп содержала противоречие, установить которое можно только в процессе установления связей между кадрами в группе, соотношения их между собой. Примеры таких противоречивых связей представлены на рис. 1. Например, на рис. 1а изображен шар, находящийся на краю ямы. На втором кадре группы изображен шар, скатывающийся в яму. Защелка,

удерживающая шар, поднята. На третьем кадре шар поднимается выше начального уровня. Без сопоставления третьего кадра с предыдущим противоречия не возникает. Если кадры рассматриваются в связи между собой, то возможно обнаружение противоречия – шар не может подняться выше начального уровня, это нарушение закона сохранения энергии. Возникает вопрос: почему произошло изображенное на рисунках? Формируется физическая задача – какие условия необходимы для того, чтобы произошло изображенное на рисунках? Высказываются гипотезы, предложения о добавочной скорости, потенциальном поле, магните, установленном на противоположном склоне и т.д. Репродуктивная деятельность – рассказ по картинке может смениться мыслительной деятельностью. Не все группы изображений содержали противоречие, но они были включены в эксперимент для того, чтобы по возможности исключить возникновение установки на поиск противоречия. Однако, как показали эксперименты, как правило, такая установка все-таки возникает у многих испытуемых.

Противоречия же в остальных группах заключается в том, что если кадры рассматривать в связи между собой, то возникает потребность объяснить почему свеча при горении начинает опускаться, почему нарушается равновесие аквариума на втором кадре группы «Свеча» (рис. 16) (оно не должно нарушаться), и почему не нарушается равновесие на третьем кадре этой группы, почему дым паровоза направлен в разные стороны на всех трех кадрах группы «Паровоз», не связано ли это с движением, можно ли определить скорость движения паровоза, зная скорость ветра и т.д. Как и в первой методике, непрерывно осуществляется запись всего рассуждения испытуемого на магнитофон и синхронная запись КТР по описанной методике. При обработке результатов эксперимента, особое внимание было уделено анализу моментов возникновения и формирования познавательных противоречий: «что-то не так», «этого не может быть», «это невозможно, если...».

Мы привели эти методики для того, чтобы читатели смогли оценить способы получения информации. Подробные результаты исследований изложены в уже указанных источниках и диссертациях⁵. Поэтому остановимся на самых существенных, с нашей точки зрения фактах.

⁵ Ключко В.Е. Целеобразование и формирование оценок в ходе постановки и решения мыслительных задач: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1978; Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991; Краснорядцева О.М. Регуляция мыслительной деятельности на стадии инициации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1986; Краснорядцева О.М. Психологические механизмы возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1997.

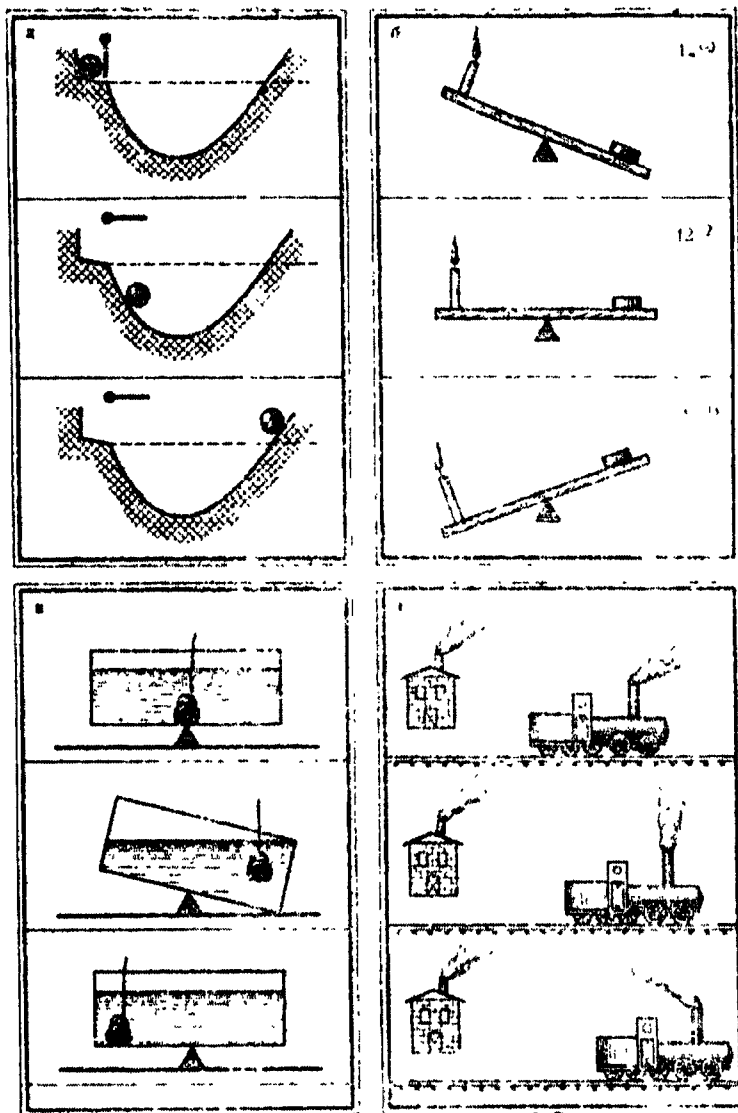

Рис. 1. Примеры изображений, предъявлявшихся в исследовании (2-я методика)

Проведенные две серии экспериментов позволили получить достоверные данные о том, что вероятность обнаружения противоречия в данном материале определяется не только присущим испытуемому уровнем развития его «интеллектуальной инициативы» или «чувствительности к проблемам», но и конкретным содержанием его деятельности с данным материалом. Причины побуждения деятельности к ее трансформации в мыслительную связаны с содержанием самой деятельности.

Приводим некоторые выдержки из протоколов, представляющие собой словесный отчет испытуемых после выполнения первой инструкции. (Испытуемые не знали, что предстоит пересказ прочитанного).

Испытуемый М.Д. «Рассказ “Золотоискатели”, автор Фэрри. Началась буря, описание бури. Я что запомнил, так это то, как медленно путник поднимался в гору, и как спускался очень быстро, не имеющий веса».

Испытуемый В.О. «Золотоискатели». Из книги Дж.К. Фэрри. Кавычки у заголовка стоят сверху. Лодка неслась... Слово “как-будто” написано через черточку... Говорилось о лодке, о реке».

Испытуемый К.Л. «Я мало что запомнил, я не знал, что надо будет рассказывать. Говорилось о мальчиках в лодке... Швыряло их в лодке, дождь, течение очень сильное... Все».

Не трудно заметить, что общий смысл проверяемого на грамотность текста чаще всего ускользает от восприятия и даже искажается (буря, дождь и т.д.). В таких условиях заметить противоречие не очень просто. Единственный случай обнаружения противоречия при выполнении этой инструкции имеет не столь уж «случайный» характер. Как показал анализ этого протокола и беседа с самим испытуемым, он проверял не только правильность написания слов и расстановки запятых, но искал и стилистические ошибки, то есть преследовал не только цель, поставленную экспериментатором, но и самостоятельно сформулировал новую. Это и помогло ему заметить противоречие, т.е. по сути дела преодолеть тот барьер, который создается как результат доверия автору и редакторам, корректорам книги. У данного испытуемого (преподаватель со стажем работы), возможно, сработала установка, выработанная им в процессе трудовой деятельности: искать в проверяемой работе не только грамматические ошибки (это побочная цель проверки), но и, в первую очередь, смысловые ошибки.

При выполнении первой и второй инструкции наличие противоречивых данных в материале не встает прямой преградой для заданной деятельности. При проверке ошибок в тексте деятельность осуществляется

не над смыслом и осмыслением содержания текста (что и показывает анализ протоколов). Процесс соотнесения сведений подчинен конкретной цели – проверке правильности написания слов. При этом соотносится не та реальность, которая стоит за словом, а грамматическое оформление этого слова в тексте соотносится с закрепленным в памяти написанием этого слова. В первом случае испытуемые читают текст, но в поле ясного восприятия попадает, осознается только то, что имеет особую личностную значимость, особый смысл по отношению к цели актуальной деятельности. В данном случае смысл обретают определенные элементы объективной ситуации – знаки, а не их значения.

Во втором случае испытуемые снова читают тот же самый текст. Внешне ситуация не меняется, на самом деле это две совершенно различных психологических ситуации. Человек видит знаки, а осознает стоящее за ними значение, ибо именно оно сейчас имеет особый смысл для достижения новой цели (запомнить). Цель накладывает определенные требования на механизм, устанавливающий соответствие поступающего и наличного знания и то, что соответствует субъективному опыту в объективной ситуации, обретает особую значимость, обеспечивая включение этого объективного в психологическую систему, а значит, и возможность его последующего осознания.

Деятельность по запоминанию текста требует большой работы со значениями, и это увеличивает вероятность обнаружения противоречия. Однако процесс соотнесения прошлого опыта с последующими сведениями и в этом случае определяется характером деятельности и ее целью – приведением данных к виду удобному для запоминания и последующего воспроизведения. Внутренне текст сам по себе непротиворечив. Поступающий элемент А соотносится, категоризируется для установления связи его с элементом Б из этого же текста. Противоречие же лежит не между элементами А и Б, а между элементами А и соответствующим ему элементом А1, который имеется в опыте человека. Именно поэтому противоречие и не является прямой преградой для выполнения актуальной деятельности (запоминания).

Можно сказать, что элемент А (река, «поднимающаяся в гору») может инспирировать (запустить) процесс трансформации деятельности в мыслительную, но ясно, что инспирировать может не сам этот элемент (как объективное), а то, что образовалось в ходе актуальной деятельности – соотношение (А1–А), представляющее одновременно сам предмет и отношение человека к нему (как противоречащее его опыту), но это такое

противоречие, которое не мешает актуальной деятельности, а значит, имеет только признак возможности организовать деятельность по выяснению причин рассогласования и его снятия.

До сих пор основное внимание исследователей привлекал поиск неких личностных качеств и свойств, позволяющих субъекту обнаруживать и самостоятельно ставить проблемы («умение видеть проблемы там, где они есть» как первый признак мыслящего человека (С.Л. Рубинштейн), «способность» к обнаружению несоответствия как основной показатель интеллекта (Ховшталлер) или понятие «интеллектуальной инициативы», позволяющей обнаружить проблемы (Д.Б. Богоявленская). Проведенные исследования показывают, что проблемы не возникают сами по себе, вне деятельности субъекта, и что их возникновение определяется не только наличием неких внутренних свойств личности, но и особенностями той конкретной деятельности, в ходе которой проблемы возникают. Ясно также, что источники будущей проблемы надо искать не в самом содержании деятельности в процессе ее трансформации, а в исходной деятельности, в ее новообразованиях.

Что же означает тот факт, что вероятность перехода к мыслительной деятельности зависит от особенностей деятельности, совершаемой в одной и той же заданной объективной ситуации? Этот факт может означать, что некий объект, попавший в ситуацию деятельности (как ее условие), имеет возможность стать источником трансформации деятельности в мыслительную, если вместе с ним отражается еще и возможность организации мыслительной деятельности – за пределами актуальной деятельности и путем ее трансформации в новую деятельность. Это означает, что в каждой деятельности складывается своя ценностно-смысловая структура ситуации. В этой неформальной, ценностно-смысловой структуре ситуации действующая личность открывает не только соответствие объекта актуальной деятельности, но и соответствие его личностно более значимой, пока еще не актуализированной потребности из системы жизненных отношений высшего уровня целостной организации человека. Соответствие это и вызывает противоречие, которое можно рассматривать как основной источник самодвижения психологической системы за пределы адаптивного функционирования. «Для меня, как человека, выполняющего инструкцию, это может быть и неважно, но как человек я с этим не согласен».

Разная деятельность в одной и той же предметной среде приводит к тому, что эта среда по-разному структурируется, различные элементы ее

приобретают различное значение и смысл, а вместе с ними меняется и сама психологическая ситуация, та предметная действительность, которая составляет условия деятельности. *Самый важный вывод из этих исследований касается эмоций и их роли в осознании мира человеком.* Эмоции особым образом отражают предмет – они отражают не его физические параметры, а такое его качество как смысл, и тем самым «указывают» на предмет, выделяют его среди прочих, что и является (при наличии других условий) основанием для его осознания.

Анализ протоколов позволил выявить тот факт, что многие испытуемые при воспроизведении материала «уклонялись» от конфликтных мест: либо выпускали конфликтное содержание из воспроизведенного материала, либо искажали, трансформируя его в неконфликтное даже ценой искажения смысла передаваемого, введения новых понятий, снимающих конфликт и т.д. Само противоречие не осознавалось испытуемыми в своем конкретном составе, но в отдельных случаях отмечалось «что-то мелькнуло», «что-то странное почувствовал», «что-то было такое» и т.д.

Приведем характерные выдержки из протоколов – словесные отчеты испытуемых после выполнения второй инструкции.

Испытуемый О.П. «Река то спускалась с горы бурным потоком, то, выйдя на равнину, текла медленно, и мальчики, не успев осмотреться, вновь попадали в бурный поток».

Характерно, что подобным образом многие испытуемые исправляли противоречивые сведения, превращая их в неконфликтные. В тексте нет ни одного слова про «равнину», на которую выходит река. Некоторые испытуемые не искажали текст, но пытались обойти конфликтное место, интерпретируя его как художественный прием, сравнение, причем, это производилось ими произвольно, а противоречие ими не замечалось.

Испытуемый М.К. «Лодка была подхвачена бурным потоком. Течение несло ее вниз. Ребята были изумлены ее течением. Река как бы подбрасывала их вверх, а потом с вершины этой падала опять вниз. Ребята ничего не могли с собой поделать, даже смеялись над своим испуганным видом и очень медленно приходили в себя».

Часть испытуемых вообще обходила конфликтные места, ограничиваясь описанием красочного спуска по реке и переживанием героев «художественного произведения». Но анализ записей КГР показывает, что практически у всех испытуемых, так или иначе уклонившихся от возможности перехода к осмыслению этих «что-то мелькнуло», «что-то странное почувствовал» можно обнаружить характерные признаки из-

менении КС в моменты прохождения ими критических мест в тексте. Среди семи человек, которые не смогли обнаружить противоречие при установке на поиск его, ни одного испытуемого нет, который каким-либо образом «обошел» противоречие в процессе выполнения предыдущей инструкции. Все семь испытуемых привели описание конфликтного места, не обнаружив самого конфликта. С другой стороны, все 28 испытуемых, которые обошли конфликтное место при воспроизведении запоминавшегося им при выполнении второй инструкции, обнаружили противоречие при выполнении третьей инструкции.

Тот факт, что испытуемые «обошли» противоречие, отклонили его или изменили содержание соответствующего раздела на непротиворечивое, свидетельствует о том, что испытуемый реагирует на противоречие, но не осознает его. Вместе с тем, этот неосознанный уровень отражения субъектом противоречия создает предпосылки для успешного осознанного, целенаправленного поиска противоречия. Это подтверждается фактом, что все испытуемые, реагировавшие на противоречие на неосознанном уровне, смогли впоследствии обнаружить противоречие в процессе целенаправленного поиска.

Всего в опытах с запоминанием текста было выделено 6 случаев констатации «чего-то странного», «что-то мелькнуло: и т.д. Испытуемые не могли рассказать детально, с чем конкретно связывается происхождение этого чувства. Один испытуемый связывал его с описанием реки: «странная река, плыли мальчики недолго, а река так быстро меняла скорость течения». Один испытуемый утверждал, что он сможет найти противоречие, если ему дадут текст еще раз: «Помню, примерно, где я почувствовал: “что-то не так!”», но что, конкретно не понял».

Анализ показывает, что противоречивые места в тексте отражаются особым образом. Люди уклоняются от противоречий, не замечая этого. Они могут искажать текст, выпускать противоречивые места при воспроизведении, т.е. реагировать на содержание, не сознавая его противоречивости. Могут, однако, и прервать деятельность, для того, чтобы разобраться в происходящем и осмыслить суть познавательного конфликта.

Все это подтверждает предположение о том, что присутствие предмета в поле ясного осознания определяется тем, какой смысл, значение, ценность имеет предмет для действующей личности. Эти смысл и ценность выступают именно как качества предметов и отражаются они не органами чувств, а эмоциями. Именно поэтому испытуемые «чувствуют» (не через органы чувств) «что-то странное». Они скорее не чувствуют, а

переживают «нечто» и это переживание либо выводит их к осознанию предметного состава противоречия, либо к бессознательному уклонению от него. Однако это переживание предметно, оно привязано к определенному предметному содержанию, а поэтому может регулировать поиск предметного состава познавательного противоречия. Эмоции необходимы для осознания, но они недостаточны. Отражаемое может трансформироваться («сублимации», «искажения») ради удержания целостности актуальной деятельности.

Проанализируем протокол испытуемого М.Л. *Каждая остановка в процессе чтения предвлялась этапом роста КС.* Испытуемый без остановок прочитал текст до слов «...со страшной скоростью», после чего последовала остановка. После некоторого раздумья испытуемый сказал: «Нельзя говорить “со страшной скоростью”». После короткой паузы он продолжал: «Но я думаю, что психологически это оправдано – для мальчиков это действительно страшная скорость». Затем было продолжено чтение, и следующая остановка последовала после чтения слов «На подъемах движение реки замедлялось...» Слова «На подъемах движение...» были произнесены в обычном темпе и интонации, при чтении же слов «...реки замедлялось» темп чтения заметно снизился, а в интонации появились нотки сомнения. Первая же фраза, сказанная испытуемым сразу после остановки, показывает, что она является реакцией испытуемого на противоречие, но само противоречие еще не осознано: «Ну, подъемы это тоже...» Спустя 4 секунды: «Это вообще нелепое предложение!» «Спустя 2 секунды: «На подъемах движение реки замедлялось... Река не может подниматься!» На вопрос экспериментатора, почему испытуемый не заметил это несоответствие при выполнении первых двух инструкций, последовал ответ: «Я вообще такой человек. Мне сказали, ищи ошибки, я и ищу. Нашел две – показалось мало. Я вообще хорошо подчиняюсь чужому влиянию...».

Особенно интересно, что между поступлением сигнала и осознанием конкретного противоречия существует своего рода барьер, для преодоления которого некоторым испытуемым необходимо приложить значительные усилия. Некоторые испытуемые, верно выделив критическое место, неоднократно возвращались до 7 раз к анализу его, но до конца сформулировать само противоречие не могли, все время сворачивая от основного противоречия на признаки, которые являются следствием этого противоречия.

Проиллюстрируем это выдержками из протокола испытуемого К.Ш. Чтение без остановок продолжалось до первой критической фразы, за-

тем после короткого раздумья испытуемый вновь перечитал эту фразу, но уже с «выражением»: «На подъемах движение реки замедлялось...» Однако, видимо, не осознав самого противоречия, испытуемый продолжал чтение. Следующая остановка после чтения слов «...на редких, затяжных, высоких подъемах». Почти мгновенно испытуемый произнес: «Здесь вот противоречие!». Подумав некоторое время: «А-а! Рска здесь сравнивается... Как живое существо... как усталый путник, поднимающийся в гору». И опять продолжалось чтение текста без остановок до фразы «...посмеяться над своим испуганным видом». Здесь испытуемый начал сомневаться: «Это выражение... тут не до смеха... Хотя страх мог пройти, а вид остаться...» Чтение было продолжено до тех пор, пока внимание испытуемого не привлекла фраза: «...поток... срывался с завоеванной вершины». Испытуемый выделил: «Завоеванные вершины?» И опять, не осознав противоречия, продолжал чтение уже до конца текста. Таким образом, оказались выделенными три критических места, но противоречие так и не было до конца осознано. На вопрос экспериментатора: «В чем, собственно, заключается противоречие?», испытуемый вновь обратился к тексту, но уже не читая весь текст, а сразу выхватив действительно противоречивое место: «На подъемах движение реки замедлялось... На подъемах!.. движение реки замедлялось, как бы оседала, темнела... Вот! Оседала и темнела... Что такое оседала?» Этот испытуемый так и не обнаружил самого противоречия, хотя был очень близок к этому. Эмоциональная оценка подавала ему сигнал, указывая на «подозрительное» место, причем сигнал этот был достаточно сильным для того, чтобы приступить к дальнейшим процедурам над выделенными элементами, но сбой происходил где-то в промежутке между эмоциональной и логической оценкой.

Познавательное противоречие, не являющееся преградой для актуальной деятельности, отражается человеком, о чем говорят факты «уклонения», искажения содержания текста при передаче запомнившегося, бесконфликтная интерпретация противоречивых мест. Это подводит к выводу о том, что то, каким образом отражаемое содержание предстанет в сознании, зависит от неосознанного уровня отражения. Второй возможный вывод – под воздействием этого уровня отражения может трансформироваться и сама деятельность (скажем, мнемическая), причем трансформируется она ради удержания себя самой как системы (без такой трансформации деятельность должна стать другой – познавательной, мыслительной), в чем и проявляется самоорганизация деятельности.

Иными словами, чтобы не трансформироваться в другую деятельность, трансформируется исходная.

Все-таки нечто выходит на уровень осознания («что-то странное почувствовал» и т.д.). Это нечто привязано к каким-либо элементам ситуации или группе элементов. Об этом говорят факты обнаружения противоречия теми, кто «уклонился», при выполнении ими третьей инструкции, а также прямые указания на связь чувства «что-то не так!» с конкретным местом в тексте. Вывод отсюда может быть следующий. Логика и конкретный состав противоречия могут быть понятны, осмыслены в результате специальной деятельности – мыслительной. Но это требует прекращения исходной деятельности и организации поисковой познавательной деятельности в той зоне элементов ситуации, отражение которых было связано с отражением еще неясного («что-то не так!») чувства. Отражая предмет, человек отражает и свое отношение к нему, и это происходит одномоментно, в ходе взаимодействия с ним. Более того, требуются определенные усилия для осознания предмета и связанного с ним логического противоречия, ибо нельзя оформить в мыслительную задачу свое собственное отношение (до тех пор пока не выделен предмет, к которому относятся).

Вся совокупность фактов приводит к выводу, что инспирирует мыслительную деятельность не сам предмет, а то новое, что в нем образовалось и выделяет его среди прочих как потенциальный предмет мышления – смысл. Это «новое» отражается эмоциями, что и объясняет феномены искаженного восприятия, развитие изменений в КГР, предшествующие осознанию. Реагирование на противоречия до установления его логики и предметного состава, облегченный поиск противоречия при повторном чтении с целью выделить его, неоднократные возвраты к «подозрительным» местам, чтение которых сопровождалось развитием изменений в КГР определенной модальности.

Появление эмоций, связанных с отражением возможностей перестройки актуальной деятельности, может инициировать такую перестройку. Деятельность может трансформироваться таким образом, чтобы обойти открывающуюся возможность, и в этом случае наблюдается «сублимация» проблемы, искаженное восприятие ситуации, неосознаваемая неадекватность в интерпретации отражаемого содержания. Деятельность может перестраиваться и более глобальным способом, приводя в движение потребности и мотивы. Одним из вариантов такой перестройки является самопроизвольный переход к мыслительной деятельности. Попыта-

емся доказать справедливость сделанных выводов на основе данных, полученных при исследовании механизмов инициации мыслительной деятельности в процессах перехода от визуального восприятия к мышлению.

Проектируя вторую методику, предполагалось, что не только предметно-чувственный опыт может вступать во взаимодействие со значениями, обуславливая возникновение эмоций, репрезентирующих сознанию зону рассогласования (в опыте не встречаются реки, бегущие в гору, а в тексте все обстоит именно так), но и наличный объем значений (знаний), посредством которых категоризируется воспринимаемое, представляя собой одну из главных составляющих интеллектуальных возможностей человека, может вступать во взаимодействие с отражаемым содержанием, обуславливая возможность самопроизвольного («за пределами» инструкции) познавательного целеобразования.

Реализация второй методики позволила получить подтверждение вышесказанному предположению. Из 20 испытуемых (студенты) четыре человека не пытались вообще ставить какие-либо дополнительные цели в процессе работы с изображениями. Они выполняли инструкцию, пытались наиболее подробно рассказывать об увиденном, приводя в рассказах иногда очень подробные, мелкие и несущественные детали. Для этих испытуемых характерно отсутствие попыток установления связей, соотношений между кадрами. Вернее, связи иногда устанавливались, но вопросы, которые могли возникнуть при их установлении, не возникали у этих испытуемых. Например, дав подробное описание первого кадра, про второй говорилось: «Ну, здесь то же самое, только дым у паровоза идет в другую сторону, и сам паровоз немного сдвинут». На этом все и заканчивалось.

Такой ответ удовлетворял инструкции, и удовлетворял самого испытуемого. Констатирувалось наличие расхождения в рисунках, цель понять причину этого расхождения не возникала. На КГР в этот момент никаких характерных изменений не происходило. Величина КС могла не изменяться, могла и меняться, но без всякой системы – изменения не привязывались к прохождению противоречивого места во временном плане.

При анализе протоколов остальных 16 испытуемых было выделено 58 случаев возникновения гностических целей – вопросов, на разрешение которых переключалась деятельность испытуемых. Только в 4 случаях при этом отсутствовали характерные изменения в КГР. В 6 случаях они были выражены неявно. В 32 случаях эти изменения опережали вербальные оценки («что-то сомнительно», «абсурд», «непонятно», «так не бывает»). В 12 случаях сначала происходила констатация несоответствия и только

затем происходили изменения в КГР, связанные с попытками понять причину несоответствия. В ряде случаев формулируются гипотезы, предположения «должно быть...», «видимо...», а сам вопрос не вербализуется.

Все эти данные приводят к выводу, что побуждает возникающую мыслительную деятельность, идущую в разрез инструкциям и внешним требованиям, не сам предмет, например шар, поднявшийся выше уровня, с которого он начал движение или паровоз, глядя на который человек вдруг задается вопросом о том, какова его скорость, а возможности человека, представленные его знаниями, его опытом, которые вдруг обнаруживают себя при чтении текста или восприятии картинки. В предмете возникают два рода смыслов, каковые и отражаются эмоциями, и существуют в них.

Таким образом, эмоции будируют внутренний конфликт внутри целостного человека, сталкивая на одном и том же предмете (река, шар, паровоз и т.д.) различные системы жизненных отношений человека. Они вдруг оказываются напряженными благодаря тому что, один и тот же предмет является носителем смысла, как отвечающей потребности, ради которой действует человек здесь и теперь, смысла, образованного мотивом актуальной деятельности (смыслообразующим мотивом – по А.Н. Леонтьеву), и в нем параллельно зарождается другой смысл, представляющий будущее, открывающий человеку пространство свободного движения, пространство приложения своих возможностей. Это и есть *точка, в которой возможности человека становятся потенциями, т.е. обретают силу на свое осуществление*. Для человека эта точка может стать точкой бифуркации. Поведение или сохранит свой нормативный характер, или станет сверхнормативным, творческим, свободным. Вот эти смыслы «второго рода», побуждающие человека к творческой деятельности, к самореализации своих возможностей, своих потенций были названы *мотивообразующими смыслами*. Можно полагать, что *в основе возникновения всех актов инновационного поведения лежат мотивообразующие смыслы*. В принципе, они формируются постоянно и, следовательно, столь же постоянно будущее присутствует в настоящем – до тех пор пока у человека остаются хотя бы какие возможности. Почему же человек не всегда откликается на них? Даже их приведенных фрагментов исследовательского материала можно сделать некоторые суждения. Во-первых, человек не всегда способен понять, что говорят ему смыслы на своем «эмоциональном языке». Во-вторых, никогда смыслы не бывают изолированы от установок. Для одних людей переживание определенной модальности («что-то здесь есть!») означает «уходи!», для других «включайся!».

Что касается первого, то здесь очень точно сказал М.К. Мамардашвили: «Сознание наше живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов, и ясность в нем возможна только тогда, когда мы владеем языком этих смыслов, т.е. понимаем их отвлеченность, их граничную природу, умеем читать то, что они нам говорят *о наших возможностях* и природе, и когда сами достаточно развиты для этого»⁶. Возникает очень практичная проблема. Можно ли определить такие образовательные ресурсы, такие тренинговые, консультативные, коучинговые и другие средства психолого-образовательного сопровождения, которые позволили бы человеку хоть в какой-то степени научиться понимать «язык смыслов», считывать то, что они нам говорят о наших возможностях? Ведь здесь открывается прямой путь к повышению инновационного потенциала человека. Возможно, здесь требуется подключить то, что наработано в такой тонкой и далеко не такой популярной проблематике, которая позиционирует себя понятием «эмоциональный интеллект».

Эмоциональный интеллект — по определению Дж. Мейера, П. Сэловея и Д. Карузо, группа ментальных способностей, которые способствуют осознанию и пониманию человеком собственных эмоций и эмоций окружающих. Подход указанных авторов считается наиболее ортодоксальным, но он кажется и наименее популистским. Стоит обратить внимание также на развитие проблематики эмоциональной компетентности личности. Если между коэффициентом интеллекта человека (IQ) и результативностью жизненного осуществления нет однозначной связи, то может быть прав Дэвид Гоулман, утверждающий, что существует прямая связь между успешностью человека и его EQ — эмоциональным интеллектом.

Что касается связи смыслов, эмоций и установок, то, как точно заметил Л.С. Выготский в своей работе «О психологических системах», человеческие эмоции «в процессе онтогенетического развития входят в связь с общими установками и в отношении самосознания личности, и в отношении сознания действительности... И этот сложный синтез есть то, в чем протекает наша жизнь. Историческое развитие аффектов или эмоций заключается главным образом в том, что изменяются первоначальные связи, в которых они даны, и возникают новые порядок и связи»⁷. Об эмоционально-установочных комплексах (эмусах) как определяющем звене инновационного поведения речь пойдет ниже.

⁶ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. С. 63

⁷ Выготский Л.С. Собр. соч. 1982. Т. 1. С. 104.

3.2 Эмоционально-установочные комплексы (эмусы) в структуре инновационного поведения

Давно уже было замечено, что эмоции полифункциональны. Разные исследователи обнаруживали в них разное функциональное предназначение. Так были выявлены сигнальная, оценочная, репрезентативная, побуждающая, регулирующая, санкционирующая и другие функции. Эмоции оказались неизбежным «спутником» процесса отражения, но особенно проявляются они в мыслительной деятельности. В школе О.К. Тихомирова было показано, что эмоции возникают в ходе деятельности, участвуют в процессах мотивообразования, целеобразования, смыслообразования. Экспериментальные исследования роли эмоций в регуляции деятельности и теоретический анализ привели к гипотезе о том, что эмоции не являются одним из многих регуляторов, самостоятельным и обособленным, а представляют собой процесс, координирующий все, что имеет отношение к регуляции деятельности (потребности, цели, мотивы, смыслы и т.д.), включая их возникновение и функционирование⁸.

Эксперименты убеждали в том, что эмоции каким-то образом участвуют в презентации личности всего того, что происходит на всех уровнях регуляции, пронизывая различные уровни регуляции, имея доступ не только к осознаваемым компонентам, но и неосознаваемым, к процессам, побуждающим деятельность и направляющим ее. Кроме того, эмоции непосредственно связаны с физиологическими источниками активации, а потому участвуют как в формировании новообразований (поисковые потребности, промежуточные цели и т.д.), так и в санкционировании их отмены. Всего два процесса пронизывают по вертикали все уровни деятельности – мотивационный, целевой, операционный. Это установочный и эмоциональный процессы. Если представить, что установки обеспечивают стабильность, устойчивость всей деятельности и отдельных ее уровней, а эмоции обеспечивают подвижность и избирательность, связь с ситуацией, то естественно было предположить связь эмоций с установками, без которой вся мыслительная деятельность просто распадалась бы, становясь либо предельно стереотипичной, что равносильно распаду мышления как системы, либо предельно подвижной, что опять означало бы распад системы (бесконечную смену объектов, целей – без возможности достижения их).

⁸ Тихомиров О.К., Ключко В.Е. Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности // Вопросы психологии. 1980. № 5. С. 23–31

В ходе дальнейших исследований стало понятно, что мы столкнулись с явлением гораздо более значимым, чем казалось раньше. В контексте понятия «самоорганизующаяся психологическая система» стал выявляться истинный смысл взаимосвязи эмоций и установок. Они выступили как единый комплекс, внутри которого уже нельзя выделить эмоцию или установку, комплекс, который не сводится к их простой, арифметической сумме, а представляет собой системное, интегративное свойство, характеризующее всю систему. Правильнее было бы называть это целостное, системное образование одним словом, например, «эмус», по начальным буквам слов «эмоция» и «установка».

Легко заметить, что описывая результаты экспериментов, показывая разнообразие поведения испытуемых в потенциально проблемных ситуациях, в ситуациях встречи с познавательным противоречием мы фактически оставляли без ответа один чрезвычайно важный вопрос. Почему такие разные способы выхода из конфликтных ситуаций показывают наши испытуемые? При этом сам механизм трансформации деятельности, инвариантная основа перестройки психологических систем становится все более понятным, но причины разнообразия в поведении испытуемых, те предпочтения, которые они отдавали определенным способам разрешения познавательных конфликтов или «уходов» от них оставались не вскрытыми. Эти вопросы возникали в ходе проведения экспериментов и анализа их результатов, особенно беспокоя исследователей тогда, когда они замечали признаки *типичных форм* поведения испытуемых в разных экспериментальных ситуациях с использованием различных методик.

Как уже было выделено ранее, возможны разные уровни осознанности испытуемыми наличия познавательных конфликтов в условиях деятельности и разные реакции на них. Анализ записей КГР показывает, что часть испытуемых эмоционально реагируют на конфликтные места в текстах, с которыми они работали, но при этом неосознанно «уходила» от возможности организации новой деятельности, требующей интеллектуального напряжения. Ретроспективные отчеты испытуемых показывали, что некоторые испытуемые выпускали из своего отчета конфликтные места текста, они не запоминали их, т.е. конфликтные места (целые абзацы) не становились у них объектом произвольного запоминания. Можно было только предполагать, что «проталкиваемое» в сознание эмоциональными оценками познавательное противоречие может приобрести различный личностный смысл. В ряде случаев этот смысл оставался невербализованным и неосознанным, обеспечивая различные формы «ухо-

да» от противоречий. В других случаях противоречие осознавалось, но мыслительная деятельность все равно не возникала, познавательная цель не ставилась и мыслительная задача не формировалась.

Возникло предположение, что ситуативно возникающие эмоции связаны с внеситуативными личностными установками внутри эмоционально-установочных комплексов, связывая тем самым человека с ситуацией деятельности. При этом особенности поведения определяются качеством базальных личностных компонентов, образовавшихся в ходе предыдущих деятельностей личности, и отражают особенности развития и воспитания человека.

Таким образом, анализ показал, что решение проблемы свободной инициации возможно в том случае, если сделать основным предметом исследования не отдельные психические качества, свойства и состояния, а комплексы, интегративные целостности, в которых существуют внеситуативные и ситуативные образования, обеспечивающие устойчивость и подвижность деятельности, являющиеся внутренним условием ее трансформации в новую деятельность.

Выделение особенностей базальных личностных установок в различных группах людей, демонстрирующих схожие формы деятельности в потенциально проблемных ситуациях, в ситуациях, где можно совершить прорыв к новой деятельности, стало бы лучшим доказательством справедливости гипотезы о специфической функции эмоционально-установочных комплексов в структуре мыслительной деятельности на стадии инициации.

В нескольких сериях экспериментов с применением оригинальных методик, позволяющих проводить повторные исследования через год после первых, О.М. Краснорядцевой было показано, что зафиксированные ранее в экспериментах различные формы реагирования испытуемых на познавательные противоречия представляют собой типичные для больших групп людей формы поведения в потенциально-проблемных ситуациях, сохраняющиеся достаточно долгое время. Особенности поведения людей в потенциально-проблемной ситуации определяются качеством взаимосвязи эмоционально-смысловых факторов, понимаемых как ситуативные новообразования деятельности, и личностных устойчивых внеситуативных структур. На базе этой взаимосвязи формируются эмоционально-установочные комплексы, представляющие собой оперативный момент единства субъекта с объектом. Регулятивный характер эмоционально-установочных комплексов заключается в интеграции смысло-

вых компонентов с готовностью действовать в ситуации определенным образом, что и обеспечивает устойчивость и подвижность поведения на стадии перехода к новой деятельности⁹. Отсюда следует, что удержание человеком эмоционально-установочных комплексов определенной модальности на протяжении достаточно длительных этапов жизнеосуществления, позволяет сделать суждение об их определяющей роли в формировании образа жизни. Вполне допустимо, таким образом, говорить об *инновационном стиле жизни*.

Недифференцированная «чувствительность к проблемам», выделяемая теоретиками, занимающимися проблемами творчества и креативности личности, заявляющая о себе особой способностью «видеть проблемы там, где они есть», на самом деле оказывается зависящей от многих факторов. Установки в данном случае определяют готовность человека реализовать (или не реализовать) те возможности, которую открывают смыслы. Смысл без тенденции (готовности) действовать по отношению к предмету, который этим смыслом обладает, не имеют никакого функционального смысла. Не менее нелепо смотрится готовность действовать без смысла.

Теперь мы можем дать свое понятие инновационного поведения, которое выстраивается не на основе выделения присущих ему характеристик, отличающих его от «обычного» поведения, когда в ход идут все те же бинарные конструкции: шаблонное – нешаблонное, стереотипное – нестереотипное, гомеостатическое – гетеростатическое, нормативное – наднормативное, адаптивное – неадаптивное, репродуктивное – творческое и т.д.

Инновационное поведение – поведение человека, которое осуществляется путем выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов и иницируется не системой периодически актуализируемых (воспроизводимых) потребностей, но возникает инициативно в тех точках жизненного пространства человека, в которых сходятся между собой как минимум три фактора. Это: 1) возможности человека, представленные его личностным, духовным, творческим, интеллектуальным и т.д. потенциалом; 2) среда, отвечающая этим возможностям, т.е. размеченное ценностно-смысловыми «маркерами» пространство, в котором возможна самореализация; 3) готовность человека реализовать свои возможности «здесь и теперь».

⁹ Краснорядцева О.М. Регуляция мыслительной деятельности на стадии инициации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1986.

В феноменах инновационного поведения проявляет себя особая, только человеку присущая форма перехода возможности в действительность, т.е. заявляет о себе процесс саморазвития человека. Мышление включено в этот процесс и выполняет в нем важнейшую функцию: оно *опосредует процессы перестройки образа жизни и образа мира*, добиваясь подвижного и всегда временного «консенсуса» между ними, необходимого для удержания человеком собственной целостности как устойчиво (само)развивающейся системы.

Эмусы связывают между собой ситуацию, поведение в ней и сознание, придавая поведению ту самую устойчивость, которая обеспечивает не только стабильность состояния (стремление к равновесию, адаптация, гомеостаз), но и стабильность потока – гомеорез. Будет ли человек переходить от стереотипного поведения к инновационному, или не будет, зависит от качества сложившихся в процессе жизни эмоционально-установочных комплексов. То, что по нашим данным, допустимая чувствительность к проблемам сохраняется примерно у 17% выпускников средних школ, заставляет думать о том, какие же установки на самореализацию, на творческое самоосуществление формирует школа. С другой стороны, можно помочь человеку сменить установку внутри указанного комплекса, помогая человеку перейти на более высокий уровень самореализации, чтобы образующиеся в поведении смыслы действительно становились бы мотивообразующими смыслами. Об этом речь пойдет в соответствующем месте книги, а ниже мы рассмотрим второй тип инновационного поведения, связанный с реакциями человека на изменения в мире, происходящие как с его участием в результате, например, инновационной мобильности, так и независимо от него.

4. ИННОВАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОТВЕТ ЧЕЛОВЕКА НА ПЕРЕМЕНЫ: МИР, МЕНЯЮЩИЙ ЧЕЛОВЕКА, И ЧЕЛОВЕК, МЕНЯЮЩИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ОБРАЗ МИРА

4.1. Методологическая преамбула

Инновационное поведение, как следует из вышесказанного, это поведение человека в открывающемся для него пространстве свободного движения – там, где его возможностям отвечает среда, предоставляющая условия, в которых возможности могут приобрести статус потенции, т.е. там, где возникает сила, способная вынести человека «поверх барьеров», которые он устанавливает сам или жизнь устанавливает ему. До сих пор речь шла о барьерах внутри человека, о том, что не позволяет ему превращать свои возможности в действительность, несмотря на то, что объективно в среде имеются соответствующие для этого условия.

Заметим, что в среде они действительно есть, но вовсе не всегда они становятся действительностью и реальностью для человека. По Гегелю, реальность двухкомпонентна: она есть «вещь в себе и для другого». Реальность, таким образом, имеет смысловую природу, ибо что такое смысл, как не констатация реального соответствия между вещью и человеком, открытая состоявшимся между ними взаимодействием, породившим смысл. Там где соответствия нет, взаимодействия невозможны – это основной постулат ТПС и, в такой же степени, системной антропологической психологии. Если согласиться с Робертом Уилсоном в том, что у каждого человека существует свой «тоннель реальности», то у каждого человека имеется и свой «тоннель свободы», свое пространство свободного движения. В качестве возражения иногда приводят довод: может ли чувствовать себя свободным человек в тоннеле? На этот довод можно ответить в таком же образном ключе: может, если до этого он сидел в яме. Эту яму готовит нам собственная ригидность, установки, блокирующие возможности выхода, страх перед грозящими изменениями, приводящий к «бегству от свободы». Если «тоннель свободы» перекроет «тоннель реальности», то это нельзя рассматривать иначе как выход за

пределы реальности, что означает вход в сферу ирреальных, мифологических пространств. Это уже не инновационное поведение, а что-то близкое к патологии. Душевнобольные люди бывают иногда патологически свободны.

Планируя свои эксперименты, мы закладывали в экспериментальный материал такое содержание, которое, по мнению экспериментатора, может выступить в качестве материала, позволяющего человеку с его помощью организовать свой «тоннель свободы». То, что некоторые люди им воспользовались, привело к вопросу о том, почему им не воспользовались другие. В попытках ответа на этот вопрос мы вышли к мотивирующим смыслам, к эмоционально-установочным комплексам, качество которых определяет поведение человека в условиях открывающегося перед ним пространства свободного движения.

Интересно, что К. Левин, в свое время вышел к теме деформации психологического поля, которое в обычных условиях, по его мнению, имеет тенденцию «последовательно расширяться». Жизненное пространство К. Левиным понимается, если интерпретировать его в современном научном лексиконе, как открытое пространство. Так «уменьшение расширения» области деятельности и интереса рассматривается им как результат изменения образа жизни. Такая регрессия может появиться в результате долгой безработицы: известно, что безработный человек и даже его дети сужают свое поле деятельности гораздо больше, чем того требует экономическая необходимость. К. Левин объясняет это явление тем, что сокращается их «временная перспектива», причем сокращается так, что поведение человека начинает больше зависеть от непосредственной ситуации. Происходит «сжатие измерения реальности-ирреальности жизненного пространства», т.е. нечто противоположное расширению в ходе развития, и это «безусловно представляет собой примитивизацию и регрессию»¹.

К. Левин здесь практически утверждает один из важнейших принципов современной теории самоорганизации: открытые системы существуют в ходе своего усложнения и за счет этого усложнения. Прекращение процесса усложнения означает закрытие системы и ее последующую деструкцию: она более не может качественно поддерживать обмен со средой, за счет которого существует. Безусловно, здесь К. Левин поднимает уже к мышлению постнеклассического уровня, поскольку предметом

¹ Левин К. Теория поля в социальных науках / К. Левин СПб Сенсор, 2000 С. 135

исследования в постнеклассической науке как раз и выступают саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы. Ученый не раскрывает природу усложнения жизненного пространства, но четко фиксирует сам факт, точнее два важнейших, на наш взгляд, факта.

Утверждается, что: «не только жизненное пространство в целом, но и та часть жизненного пространства, которая называется *пространством свободного движения*, обычно увеличивается в ходе развития». Факт второй: «пространство свободного движения может сузиться без непосредственного изменения в протяженности жизненного пространства»². Последнее может произойти, когда человек заболевает или его сажают в тюрьму, или, добавим мы, когда он иммигрирует, т.е., когда он внезапно попадает в новую для себя среду, теряя освоенное им ранее «пространство свободного движения», и должно пройти много времени и затрачено много усилий на построение нового пространства свободного движения. Человек начнет регрессировать в том случае, когда начнут сжиматься, уменьшаться границы жизненного пространства в целом. «Мы упоминали, что это часто происходит, если очевидное сокращение пространства свободного движения сохраняется достаточно долгое время»³.

К. Левин выделяет три главных аспекта расширения. Один касается границ и дифференциации той области, которая для индивида носит характер нынешней реальности. Второй имеет дело с возрастающей дифференциацией в измерении реальности-ирреальности. Третий касается расширения психологического временного измерения, т.е. расширения «психологического прошлого» и «психологического будущего», которые существуют как части жизненного пространства в данное время. В таком случае, полагает К. Левин, регрессия поведения должна появляться, если сужены границы уровня реальности жизненного пространства или если уменьшены его психологическое временное измерение или его измерения реальности-ирреальности. В последнем случае («если перерезана функциональная связь между уровнем реальности и ирреальности»), т.е. если разорвано связующее звено «между фантазией и действием», то должны произойти изменения в поведении, демонстрирующие некоторые характеристики регрессии⁴. Иными словами, человек может построить «фантастический» образ мира, не связанный с действиями в нем, или, наоборот, может действовать без ориентации на смысловые компоненты образа

² Левин К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. СПб.: Сенсор, 2000. С. 135.

³ Там же. С. 136.

⁴ Там же. С. 149.

мира. Практически это то, о чем мы уже говорили, а именно, о состоянии «патологической свободы». В любом случае поведение человека будет регрессивным, но за всем этим стоит деформация ментального пространства, осуществляющаяся в континууме его открытости/закрытости.

Итак, нас интересует то, что происходит с жизненным пространством человека (его многомерным пространством жизни), с его пространством свободного движения в условиях изменяющегося мира. Мы уже отмечали, что связь инновационного поведения с реакциями людей на происходящие изменения в окружающем мире подчеркивает вторую половину проблемы. До сих пор мы пытались выйти к механизмам инновационного поведения, исключая для этого деформирующие или, наоборот, раскрывающие человека влияния, идущие от меняющегося мира, когда человек вынужден формировать и проявлять новые поведенческие акты, адекватные изменившимся (или меняющимся) условиям (экономическим, информационным, социальным, природным). Сейчас мы хотим рассмотреть инновационное поведение «как действие, где проявляются личностные отношения субъекта к происходящим переменам»⁵. Однако нас интересуют в данном случае не конкретное поведение человека, естественным образом втянутого в совершающиеся вокруг него инновационные преобразования, не его восприятие инноваций, преломляющееся в инновационные поведенческие акты, и не психологические барьеры, которые он выстраивает, чтобы сохранить устоявшиеся формы поведения в изменившихся условиях.

Под переменами, в данном случае, мы понимаем явление более широкое. Мы исходим из того, что психологические механизмы инновационного поведения, возникающего как реакция на перемены, являются достаточно универсальными, т.е. их можно экстраполировать на широкий круг частных или конкретных случаев, связанных с решением проблем инновационного реагирования человека на конкретные изменения, чем бы они не инициировались. Все перемены в окружающем мире, которые происходят по воле самого человека или независимо от него, так или иначе, преломляются через многомерный мир человека, определенным образом меняя его конфигурацию, перестраивая ценностно-смысловые измерения пространства жизни, изменяя и ее саму, т.е. затрагивая более или менее существенные параметры жизнеосуществления.

Центрирует все дальнейшее исследование соотношение «образ жизни – образ мира»: то, что человек делает в мире, и как он это делает мож-

⁵ Психолого-педагогическое сопровождение реализации инновационных образовательных программ / Под ред. Ю. П. Зинченко, И. А. Володарской. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 14

но понять только в соотношении с тем, как он понимает этот мир и объясняет его. В глубине этого соотношения обретает свое существование проблема инновационного поведения как психологическая проблема. Соотношение это весьма подвижное и противоречивое. Пока жив человек, оно не может прийти в равновесное состояние. Человек – это открытая система, существующая в режиме становления. Симплификация, упрощение и уплощение системы – это путь к деструкции, распаду. Не случайно Гегель определил старость как «безжизненную совершенную слитность субъективной деятельности со своим миром»⁶. В детстве жизненный мир человека последовательно обретает новые измерения, усложняется и образ мира, в котором выступает для человека его усложняющееся пространство жизни. В это новое пространство человек вступает со сложившимися поведенческими установками, что и вызывает кризис: образ жизни должен подстроиться под новые реалии. Ребенок вынужденно становится «инноватором».

В процессе жизни чаще бывает наоборот. Человек бывает вынужден осваивать новые формы поведения, еще не поняв и не приняв необратимость происходящих вокруг перемен, их необходимость и целесообразность. В этих случаях опять-таки возникает инновационное поведение, но уже как действие, в котором человек реализует свое отношение к меняющемуся миру. Этим же действием он решает для себя «задачу на смысл», перестраивая свою картину мира. До сих пор психология уделяла мало внимания этому встречному движению человека к миру, предпочитая видеть в мире источник причин как нашего отражения, так и наших аффектов (как реакции на отраженное), так и поведенческих актов (как реакции на отражаемые изменения, происходящие в мире). Здесь стоит оценить правоту С.Л. Франка: «человек есть живой центр духовных сил, направленных на действительность. Это внутреннее, субъективное отношение человека к действительности, эта *направленность* человеческой души на мир, образующая самое существо того, что мы зовем нашей жизнью... оставалась совершенно вне поля зрения обычной, так называемой «эмпирической психологии»⁷.

Образ жизни нельзя рассматривать изолированно от образа мира еще и потому, что изменение образа мира предполагает сдвиг образа жизни и, наоборот, изменение образа жизни оборачивается изменениями в образе мира человека. Становясь суверенной личностью, т.е. личностью, обла-

⁶ Гегель. Сочинения. М., 1958. Т. 3 С. 96.

⁷ Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб · Наука, 1995. С. 441

дающей всей полнотой координат многомерного мира, человек получает возможность менять образ жизни, стимулируя тем самым дальнейшее развитие собственного мира. В разрешении противоречия между образом мира и образом жизни проходит и сама жизнь человека. Основная функция мышления в реальной жизнедеятельности, как отмечает О.М. Краснорядцева, заключается в постоянном выявлении указанного противоречия и определении способов его разрешения⁸. В своих (недавно опубликованных) заметках, Л.С. Выготский пишет: «...жизнь определяет жизнь через сознание. Как только мы оторвали мышление от жизни (от динамики)... мы закрыли себе всякий путь к выяснению и объяснению его главного свойства: определять образ жизни и поведения, действовать, влиять»⁹.

В предыдущем параграфе мы в рамках эмпирического исследования показали, что, когда речь идет о зарождении в ходе тривиальной деятельности новых поведенческих форм, противостоящих целям, задачам и мотивам исходной деятельности, то в этом случае аффект (отношение, смысл, эмоция) идет впереди отражения (интеллекта) и прокладывает ему дорогу. Как буднично это звучит: «эксперименты показывают, что аффект идет впереди интеллекта и прокладывает ему дорогу». Но что на самом деле скрывается за этим? Связка «интеллект – аффект» понятна всем психологам. Эмоции есть реакция на отраженное, через них человек проявляет свое отношение к отраженному. А вот обратная связь «аффект – интеллект»? Б.Ф. Ломов пишет о том, что «неясно, конечно, являются ли эмоции специфической формой отражения (наряду, например, с образной и знаковой) или их компонентом. Однако, несомненно, что эмоции характеризуют состояния субъекта отражения и поэтому не могут не влиять на процесс отражения»¹⁰. Иными словами, процесс отражения идет сам по себе, эмоции влияют на него, поскольку характеризуют состояние субъекта отражения. Вряд ли кто-нибудь станет на это возражать. Гораздо труднее осмыслить другое, а именно представить аффект как составную часть самого процесса отражения, как не то «что влияет» на него, а как то, что входит в процесс отражения в качестве его органической со-

⁸ Краснорядцева О.М. Психологические особенности возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук М., 1997 47 с.

⁹ Завершнева Е.Ю. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 129.

¹⁰ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии М.: Наука, 1999 С. 131.

ставляющей, благодаря которой человек открывает для себя пространство свободного движения.

Классическая наука строилась на своем идеале рациональности, который вовсе не предполагал вторжения иррационального в сферу рациональных рассуждений. Неклассическая наука вышла к проблеме «единства интеллекта и аффекта», что существенно изменило и сам идеал рациональности. Здесь и начались основные трудности, причем такого масштаба, что они стали определять судьбу научных школ и направлений. Эпичесentrum этих трудностей стала как раз последовательность «аффект – интеллект». А.Н. Леонтьев пишет, что Л.С. Выготский «видел эту трудность», поэтому основную задачу дальнейшего исследования он видел в решении проблемы связи жизни и сознания, что эквивалентно решению проблемы аффекта и интеллекта. «Я знаю, что она не была решена в смысле обратного движения аффект – интеллект. Она и не могла быть решена. Именно в силу того, что эта проблема осталась принципиально не разрешимой, все построение Л[ьва Семеновича] возвратилось к классическим позициям французской социологической школы»¹¹.

Неблагодарное дело вмешиваться в спор своих учителей и задним числом расставлять оценки. Мы привели эти материалы с единственной целью: показать уровень проблемы, с которой приходится иметь дело психологии инновационного поведения. На более низких уровнях профессионально-психологического мышления проблема возникновения инновационного поведения, порождения сверхнормативных форм поведения, открытия человеком личного пространства свободного действия, решения не имеет. Постнеклассический идеал рациональности, это представление о рациональном, вырастающем из иррационального. Не в духе фрейдовских «сфер» осознаваемого и бессознательного, а в контексте целостного понимания человека как открытой саморазвивающейся системы, которая нащупывает, ищет и находит направления, в которых реально может осуществиться переход возможностей в действительность. Или не ищет, поскольку нет в ее окружении возможностей для самореализации, как нет и сил на то, чтобы сменить окружение. Сколько людей сегодня ждут от власти, когда она принесет им работу прямо домой? И сколько уже не ничего не ждут, тихо спиваясь по деревням?

В свете вышесказанного круг рассматриваемых проблем определяют такие предельно общие вопросы, как связь инновационного поведения с

¹¹ Леонтьев А.Н. *Философия психологии: Из научного наследия* / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 39.

готовностью человека к изменению образа жизни, инновационная мобильность человека как проявление инновационного поведения, динамические параметры ментального пространства и их влияние на становление новых форм поведения, возникновение новых форм поведения в условиях резкого изменения образа жизни, вызванного факторами, независимыми от человека (геополитические катаклизмы, вынужденная миграция, призыв в ряды вооруженных сил). Далее мы представим некоторые результаты, полученные в процессе проведения большого цикла исследований, объединенных общей проблемой «Человек и его поведение в условиях перемен». Этот цикл далеко не завершен, исследования продолжаются и все больше втягиваются в тематику, охватываемую кругом проблем, которыми, с нашей точки зрения, должна заниматься психология инновационного поведения.

4.2. Инновационное поведение в контексте готовности человека к изменению образа жизни

Стоящая за понятием «образ жизни» психологическая реальность пока еще не очень объективирована, но о том, что она есть, и что психологи с ней постоянно сталкиваются в попытках объяснить возникновение многих психологических феноменов, говорит обилие используемых синонимов, которыми они пытаются обозначить эту реальность. В числе их можно выделить «уклад жизни», «стиль жизни», «способ жизни», «смысловый масштаб жизни», «логика жизни», «логика бытия субъекта», «способ организации жизни», «типичные формы и обобщения жизни в целом», «смысловая размерность человеческой жизни», «устоявшаяся модель поведения», «устойчивые особенности поведения» и т.д. (С.Л. Рубинштейн, В. Франкл, С. Франк, А.Н. Леонтьев, А.М. Лобок, К.А. Абульханова и др.).

Необходимо отметить, что пока исследователи предпочитают говорить не о содержании самого понятия, а о тех психологических и других последствиях, которые возникают при изменении «устоявшейся модели поведения», «стиля жизни», «уклада жизни». Привлекаются и другие конструкции, которые можно обобщить наиболее употребляемой вместе с ними конструкцией «образ жизни». Важно отметить, что привлекаются они, как правило, для того, чтобы объяснить некие психологические проявления, но при этом сами нуждаются в объяснении. Поэтому образ жизни остается пока категорией может быть что-то и объясняющей, но, в

сущности, в свою очередь нуждающейся в объяснении с точки зрения ее содержания, функциональной роли и т.д. Видимо поэтому разные авторы предпочитают не определять само понятие «образ жизни», но говорить об «изменениях в образе жизни», подчеркивая конкретные проявления таких изменений. В число таковых включают:

- изменение социальной ситуации развития личности;
- изменение ролей, которые человеку приходится играть;
- перемену круга лиц, включенных во взаимодействие с человеком, претерпевающим изменение образа жизни;
- развитие неврозов, депрессивных состояний;
- деформацию круга решаемых проблем и возможностей принятия решения;
- существенные изменения в образе Я человека, потеря старой и обретение новой идентичности;
- перестройка системы личностных смыслов и ценностей.

Приведенный список социально-психологических, психологических и личностных деформаций (далеко не полный), который констатирует изменения, происходящие в орбите образа жизни человека, мало что проясняет в понимании самого образа жизни и его детерминации, обуславливающей его становление и динамику. Вопрос этот действительно серьезный в плане понимания природы инновационного поведения. С.Л. Рубинштейн, утверждая, что «наряду со структурным анализом организации какого-нибудь акта или отрезка, сектора поведения» необходимо поставить «*вопрос об организации поведения всей жизни*»¹².

Например, известно, что перемещение человека в такую социальную или природную среду, в которой совершенно невозможно реализовать привычный образ жизни может вызвать шок, агрессию, депрессию, невроз и массу других эмоционально насыщенных состояний (это более детально мы обсудим в следующем параграфе). Однако трансформация образа жизни начнется с решения ценностно-смысловых задач, с внутренней духовной работы по определению (переопределению) высших смыслов собственной жизни. Или человек окажется неспособным к такой работе, и это закончится либо «социальной смертью» (как это бывает, например, в условиях эмиграции¹³), либо даже смертью физической, что

¹² Рубинштейн С.Л. Очерки, воспоминания, материалы / Под ред. Б.Ф. Ломова. М.: Наука, 1989. С. 435.

¹³ Агеева Ж.Г. Экстремальные ситуации внутренней миграции в России // Антология тяжелых переживаний: социально-психологическая помощь. М., 2002. С. 335.

и показал узник Освенцима психолог В. Франкл, изучая жизнь людей в концентрационном лагере.

Внешне кажется, что смыслы и ценности детерминируют образ жизни, но ведь и образ жизни, постепенно трансформируясь, определяет ценностно-смысловой состав бытия. Приведенный выше пример показывает детерминирующую роль смыслов и ценностей при резком, «объемном» изменении образа жизни, затрагивающем всю систему сложившейся жизнедеятельности человека. Человек (в норме) должен понимать смысл и ценность своих действий и когда жизнь перебрасывает человека в такие среды, в которых он вынужден действовать, не понимая смысла того, что он делает, он прежде всего должен восстановить смыслы – как основание осмысленности своего бытия. Поэтому понятие «образ жизни» (или его аналоги) появляется всякий раз, когда речь заходит о границах мира человека – эти границы пролегают там, заканчиваются смысловые поля.

Понятие «смысловое поле» использовал Л.С. Выготский. Характеризуя отличия человека от животных, он указывал на то, что люди живут не в оптических пространствах, а смысловых полях: «видимая ситуация является частью более сложного смыслового, если можно так выразиться, поля, внутри которого вещи только и могут вступать в определенные отношения друг к другу»¹⁴. *Можно полагать, что границы смыслового поля в такой же степени задают границы образа жизни, в какой меняющийся образ жизни раздвигает (или сжимает) границы смыслового поля.* Что же касается границы жизненного мира, то она «...со «стороны» бытия человека как раз и определяется его позициями по отношению к миру, входящему в круг его жизненных отношений», – пишет Л.Я. Дорфман¹⁵. Границу жизненного мира со «стороны» сознания М.К. Мамардашвили устанавливает следующим образом: «Сознание наше живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов»¹⁶.

Если же согласиться с логикой системной антропологической психологии, т.е. принять один из основных ее постулатов, гласящий, что в поле ясного сознания попадают только те предметы и явления, которые обладают для человека значением, смыслом, ценностью, то окажется, что категория «образ жизни» напрямую связана с ценностно-смысловым аспек-

¹⁴ Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 1. С. 64.

¹⁵ Дорфман Л.Я. Детерминированность и свобода человека. Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 3–19, 66.

¹⁶ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. С. 63.

том бытия, а, с другой стороны, столь же непосредственно, с избирательностью сознания. В указанной теории сознание и бытие человека не противостоят друг другу в плане первичности бытия, определяющего сознание, или сознания, определяющего особенности бытия. Здесь нельзя «с одной стороны» видеть одно, а «с другой стороны» – нечто другое. Образ жизни задает параметры пространства жизни, а оно, обладая ценностно-смысловыми координатами («разметками»), в свою очередь, обеспечивает смысловое и ценностное наполнение образа жизни, одновременно обеспечивая избирательное и системное функционирование сознания, его содержательную наполненность в каждый момент исполнения человеком присущего ему образа жизни.

Если бы конфигурация жизненного мира и ценностно-смысловые характеристики входящего в него в какой-то момент времени зафиксировались и продолжали бы далее оставаться неизменными, то это означает, что неизменными с этого момента времени стали бы и образ жизни, и образ мира человека. По сути дела, это означало бы остановку жизни, проще говоря, начало распада человека как системы и последующую за этим его смерть. Причиной изменения образа жизни является открытость системы. С другой стороны, образ жизни выполняет роль своеобразного фильтра, устанавливающего линии, каналы связи с тем, что располагается за пределами жизненного мира человека, то от чего зависит возможность удержания системой собственной упорядоченности, целостности. Про образ жизни можно сказать то, что М.К. Мамардашвили сказал про смыслы (которые, как мы пытаемся показать, непосредственно связаны с образом жизни – его определяют и им определяются). «Без них, если бы мы просто естественным образом смотрели на мир (какими угодно глазами, проницательными, умными и т.д.), был бы хаос»¹⁷.

Л.С. Выготский писал о том, что мир не просто приходит к человеку, но «как бы вливается в широкое отверстие воронки тысячами раздражителей, влечений, зовов... все возбуждения вытекают из узкого отверстия в виде ответных реакций организма в сильно уменьшенном количестве. Осуществившееся поведение есть ничтожная доля возможного. Человек всякую минуту полон неосуществившихся возможностей. Эти неосуществившиеся возможности нашего поведения, эта разность между широким и узким отверстиями воронки есть совершеннейшая реальность...»¹⁸.

¹⁷ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. 368 с.

¹⁸ Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 1. С. 87.

Обобщая вышесказанное, образ жизни можно представить как индивидуальную конфигурацию самобытия человека в безграничном по своим размерам и возможностям объективном мире. Понятие С.Л. Франка «самобытие» еще не осмыслено через тот уровень системности, который оно выражает: «...самый общий смысл самобытия заключается, очевидно, в том, что в его лице безграничное выступает в конкретной форме ограниченного», – писал С.Л. Франк¹⁹. Когда возможности человека, прирастающая, совпадают с теми возможностями, которые представляет эта «безграничность», человек вдвигается в нее, реализуя себя и преобразуя, очеловечивая, «вочеловечивая» очередную порцию этой «вещи в себе». Другой вопрос, что динамика этого «вдвижения» у людей различна. Обратной стороной готовности войти в эту безграничность, является готовности выйти за пределы себя, своего образа жизни. Готовность в данном случае отражает степень того, сколько может позволить себе человек, уверенный, что он удержит свою целостность в процессах саморазвития. Без саморазвития он не может – это способ существования человека как открытой системы, но существует и определенный диапазон способности человека к самоудержанию, сохранению своей целостности. Видимо этот диапазон и фиксирует понятие готовности человека к изменению образа жизни. Проблема в том, что такое «органичное» вхождение в мир и увеличение за счет этого собственной сложности, усложнение пространства жизни, его ценностно-смысловых координат часто обрывают явления, которые от человека не зависят. Собственно здесь и определяется предмет психологического исследования: как меняет свое поведение человек в условиях резкого «обвала» жизненных устоев. Если образ жизни придется менять, и к этому человек предуготовлен в большей или меньшей степени, то стиль жизни, характеризующий динамику выхода, проявляет себя в позиции, которой занимает человек по отношению самому выходу: искать возможности, ждать их появления, уклоняться от них и т.д. Готовность превратить возможности в действительность является признаком инновативности. Уровень готовности человека к изменению образа жизни позволяет трансформировать поведение адекватно новым условиям с большей или меньшей легкостью.

Изменение образа жизни – это не результат адаптации человека (в ее традиционном смысле) к новым условиям жизни. Изменение образа жизни происходит одновременно с изменением структуры и содержания

¹⁹ Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 170.

жизненного мира человека. Меняется жизненное пространство человека, оно переструктурируется. Говоря словами С.Л. Рубинштейна, человек не приспосабливается к среде, а «включается в среду», благодаря чему и возникает *«новый тип поведения»*. «При новой структуре поведения человек входит, включается в среду новой структуры и образует вместе с ней одну структуру (что не исключает и в некотором смысле увеличивает возможность противоречий между ними). Каждой новой структуре соответствует не только новое содержание, но и новая функция «стимулов», среды, а тем самым и *новый тип закономерности поведения*²⁰. Умение вырабатывать новые структуры поведения – это и есть определение инновативности человека.

Таким образом, любой образ жизни («конкретный стиль жизни», включая сюда и «конкретный стиль быта, любой конкретный стиль повседневного поведения») всегда опосредован некими неявными смысловыми установками (А. Лобок). Для чего они нужны? Во-первых, они «делают для данного человека очевидным и естественным именно этот, его собственный стиль жизни, его собственный стиль быта, хотя для стороннего наблюдателя этот стиль жизни или стиль быта могут показаться абсурдными и бессмысленными». Во-вторых, «базовые смысловые точки отсчета определяют для человека степень ценности тех или иных вещей, санкционируют мир его предпочтений, предопределяют характер его поступков в тех или иных ситуациях»²¹.

Адаптация отличается от самоорганизации тем, что самоорганизация – это не простое принятие новых «правил игры», принятие чужого образа жизни как своего, к которому надо только приспособиться, адаптироваться, а активное созидание нового образа жизни. Созидания, включенного в процессы переконструирования, переорганизации собственного жизненного мира, в рамках которого окажутся учтенными и результаты духовной работы (новые смыслы и ценности жизни), и новые условия жизни, и *новые формы, способы и стили поведения*.

В диссертационном исследовании Ю.Е. Ключко рассматривалась проблема ригидности как компонента в структуре готовности человека к изменению образа жизни²². Ригидность понималась как один из факторов,

²⁰ Рубинштейн С.Л. Очерки, воспоминания, материалы / Под ред. Б.Ф. Ломова М.: Наука, 1989. С. 369

²¹ Лобок А. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. С. 91.

²² Ключко Ю.В. Ригидность в структуре готовности человека к изменению образа жизни. Автореф. дис. канд. психол. наук. Барнаул, 2002

определяющих то, насколько система готова к самоизменениям, т.е. какова способность человека, понимаемого в качестве открытой системы, изменять свой образ жизни и свой образ мира в процессе жизни. При этом и сама выступает как непрерывный процесс разрешения постоянно воспроизводимого противоречия между образом жизни и образом мира человека. Функция образа жизни заключается в том, что он задает конфигурацию и содержание жизненного пространства человека. Образ жизни, как сложившаяся система отношений, закрепившихся в ценностях и смыслах того, что составляет пространство жизни данного человека, связанных с ними стереотипов, привычек, устоявшиеся способов деятельности и поведения – все это работает на удержание целостности и стабильности человека как саморазвивающейся системы.

Готовность к изменению образа жизни характеризует степень легкости (или трудности) перестройки как конфигурации, так и содержания многомерного мира человека. Другим компонентом, по мнению автора исследования, должен быть личностный ресурс, включающий в себя рефлексивный компонент – уровень осознания человеком самого себя как субъекта своего образа жизни (интернальность). Требовалось установить связь локуса контроля (континуум экстернальность – интернальность) и ригидности (континуум ригидность – флексибельность) в рамках решения проблемы готовности человека к изменению образа жизни.

Исследование проводилось в условиях режимного (военного) высшего учебного заведения. Поступившие в него курсанты были вынуждены достаточно резко перестроить образ жизни, а потому представляли собой особый интерес с точки зрения тех психологических коллизий, которые произошли с ними в процессе первого года обучения. Особое значение имел здесь феномен «социальной депривации», являющийся характерным для процесса подготовки будущих военных. Искусственная депривация применяется с древнейших времен для воспитания воинов (дружины древних славян, «люди длинной судьбы» у монголов, викинги, казаки и т.д. Известно, что традиционно воспитание воинской выносливости сопровождалось ритуалами своеобразного социального унижения, без которого не мыслилось превращение подростка в мужчину, а военная служба существенно меняла образ жизни человека, поскольку сопровождалась для большинства воинов полным разрывом связей с собственным домом, семьей, родными, а также созданием неестественных условий жизнедеятельности, основанных на манипуляции депривированными солдатами. Некоторые современные организаторы военной подготовки до

сих пор считают, что в число организационных принципов этой подготовки непременно должно входить создание искусственной (или временной) депривации, мотивируя это тем, что без применения фактора депривации невозможно выстроить «модель образовательного учреждения, созданного для конкретных целей, например для подготовки военного специалиста, командира, проповедника и т.д.».

Были выделены две группы курсантов, которые к концу первого года обучения показали полярные характеристики по параметрам психоэмоциональной напряженности, деловым характеристикам, поведенческим проявлениям, отношением к учению и т.д.

Первая группа (22% от общего числа курсантов) отличается тем, что среди мотивов выбора профессии преобладают устойчивые внутренние мотивы, свидетельствующие о достаточно развитой способности к личностному (в том числе и профессиональному) самоопределению. В учебной деятельности ведущими являются познавательные мотивы, стремление к саморазвитию и самореализации. Они способны организовать свою деятельность, распределить свои силы и потому легче выдерживают физическую и эмоциональную нагрузку. Дидактические трудности на начальных этапах адаптации носили ситуативный характер. Для них характерен низкий уровень психоэмоциональной напряженности, устойчивость к психосоциальному стрессу.

Вторая группа (12%) была определена как «группа риска». Курсанты, отнесенные к этой группе, отличались высоким психоэмоциональным напряжением, неумением распределять силы, организовать учебную деятельность. Стабильны проявления тревожности, фрустрации, подавленности, депрессии, отличаются повышенной конфликтностью. Испытывали серьезные дидактические трудности в течение всего первого года обучения. Выбор профессии зачастую случаен, профессиональные намерения неопределенны. Отличаются резко негативным или пассивным отношением к воспитательным воздействиям.

Исследование показало, что у курсантов первой группы, как правило, преобладают показатели умеренной и низкой ригидности по тем шкалам опросника (ТОРЗ), которые свидетельствуют о достаточно выраженной готовности к изменению своих установок, отношений, к коррекции поведенческих реакций; отсутствию страхов перед новым, непривычным. Характерно, также, что показатели по шкале РСО (ригидность как состояние) значительно разнились в данной группе (от низкой степени выраженности до высокой) в начале года, однако к концу первого года обуче-

ния среди этой группы курсантов не было ни одного, чьи показатели были бы отнесены к высокой степени выраженности. Это подтверждает данные, полученные в исследованиях, проведенных на других возрастных и социальных выборках о том, что у некоторых учащихся период адаптации к образовательному учреждению сопровождается повышением ригидных форм поведения на начальных этапах адаптации.

Курсанты «группы риска», отличались тем, что у них практически отсутствовали показатели низкой степени выраженности различных аспектов ригидности. Кроме того, показательным является и тот факт, что при разной выраженности ригидности по разным шкалам наиболее часто встречались сочетания высоких показателей по тем из них, которые свидетельствуют о том, что данная категория курсантов отличается трудностью коррекций поведения в новых ситуациях. Характерно, что склонность к проявлению ригидных форм поведения в ситуациях стресса, напряжения, утомления сочетается у этих курсантов с ригидностью как чертой характера.

В первой группе к характерным особенностям локуса контроля можно отнести выраженную интернальность по шкалам «Интернальность при описании личного опыта», «Профессионально-процессуальный аспект интернальности», «Профессионально-социальный аспект интернальности», «Готовность к деятельности, связанной с преодолением трудностей», «Готовность к самостоятельному планированию, осуществлению деятельности и ответственности за нее». Кроме того, практически у всех курсантов данной группы наблюдались приблизительно одинаковые проявления (высокой или средней степени) выраженности интернальности в сфере достижений и в сфере неудач, что свидетельствует об ориентации этих курсантов на рефлексию причин как жизненных успехов, так и неудач.

В «группе риска» наиболее характерными тенденциями были явное преобладание интернальности в области достижений над показателями интернальности в области неудач на фоне общих низких показателей интернальности практически по всем шкалам. Это свидетельствует о выраженной позиции искать причины неудач по преимуществу в действиях других людей, стечении обстоятельств и других внешних факторах, а причины жизненных успехов в большей степени приписывать собственным заслугам. Не было ни одного курсанта данной группы, у кого бы показатели интернальности по отдельным шкалам соответствовали высокой степени выраженности. Ответы всех испытуемых данной группы, отнесенные к шкале «Отрицание активности» свидетельствуют о выра-

жненной склонности к убежденному отрицанию активности, направленной на достижение жизненных целей.

Готовность к изменению образа жизни, по мнению автора исследования, можно рассматривать как интегративный (системный) психологический конструкт, который характеризует способность человека принимать неизбежность и необратимость жизненных изменений и потерь, достаточно корректно распределять силы на прогнозируемый срок грозящих или наступивших перемен, отрабатывать новые формы поведения, составляющие элементы меняющегося образа жизни, умение дозировать усилия, которые необходимо прикладывать человеку для удержания самоидентичности в условиях постоянно происходящих изменений образа мира и образа жизни.

Неправомерно адаптацию человека как самоорганизующейся системы сводить к «совокупности приспособительных реакций организма», делая упор на то, что полная адаптация наступает тогда, когда новые условия, в которые попал курсант, «становятся привычными». В том, как идет процесс, традиционный обозначаемый понятием «адаптация», проявляется готовность к изменению образа жизни, выступающая в качестве одной и значимых характеристик открытости человека как самоорганизующейся системы. Даже если наступающие перемены «закрывают» человека (режим, казарма, социальная депривация, разрыв с родными, отсутствие новых поведенческих установок и т.д.), готовность к изменению образа жизни помогает человеку удержаться в режиме саморазвития, используя те возможности, которые удастся обнаружить и в этих условиях.

Инновационное поведение, в данном случае, и есть такое изменение поведенческих форм и стереотипов, которое связано с открытием пространства свободного движения в рамках сужающегося пространства жизни. Готовность к изменению образа жизни отражает присущую человеку способность человека сохранять открытость в мир и к себе самому в условиях воздействующих на него (и независимых от него) системы факторов, которые грозят нарушить целостность его как саморазвивающейся системы, определенным образом «закрывая» ее путем тотального ограничения сложившихся форм и способов самореализации.

Вынужденная деформация образа жизни, происходящая за счет вмешательства внешних сил, вызывает слом жизненных установок, которые, как уже было показано, находятся в системном единстве с эмоциями, за которыми стоят смыслы и ценности, обеспечивающие человеку чувство осмысленности и реальности бытия. В новых условиях старые поведен-

ческие установки очень быстро показывают свою несостоятельность. Происходит «расщепление» эмоционально-установочных комплексов и заблокированная энергия, которая должна была обеспечивать поведенческий акт, теперь полностью предстанет в форме эмоциональной активности. Такой активности, которая на время потеряла свою направленность. Во что это выльется? У людей с низкой готовностью к изменению образа жизни она выльется в то, что и зафиксировали исследования: тревога, агрессия, конфликты, апатия, подавленность. У людей достаточно флексибельных и ощущающих себя субъектами жизненного самоосуществления она найдет выход в созидании *новых поведенческих форм*, с помощью которых не будет прерван процесс саморазвития. «Сжимающееся» пространство жизни в этом случае не означает обязательного «сжатия» пространства свободного движения. Более того, для некоторых людей «сжатие» жизненного мира может выступить в качестве стимула для его расширения.

Ю.В. Ключко на примере трех замечательных ученых (К. Ясперс, В. Франкл, С.Л. Рубинштейн) показывает как происходит этот процесс расширения пространства свободного движения в ситуациях запредельно сжатия жизненного пространства. Им пришлось столкнуться с граничными ситуациями, «с последними границами бытия». А поскольку это не просто ученые, а профессиональные психологи, два из которых психотерапевты, то они смогли отрефлексировать происходящее и оставили достаточно много материала, который можно сделать предметом психологического анализа. Что значит «адаптироваться к концлагерю» уровня Освенцима? Согласиться с правилами игры, которые устанавливает СС и принять их «как свои»?

«Принимая во внимание преимущественно временной характер, присущий человеческому существованию, более чем понятно то, что жизни в лагере сопутствовала потеря уклада всего существования», – пишет В. Франкл, узник трех фашистских лагерей смерти, таких Освенцим, Дахау и Терезиенштадт, которые отличались друг от друга только тем, что в некоторых из них «умерщвление газом человеческих существ происходило оптом».

Уклад жизни К. Ясперса сломался когда он узнал приговор медицины, в соответствии с которым ему вообще не суждено было дожить до 30 лет. Эта ужасная перспектива определила характер, образ жизни и мировоззрение молодого ученого. Одиночество, оторванность от общения, хрупкость человеческого существования, забота о своем физическом здоро-

вье, отнимающая много душевных сил, ужас перед смертью – таков мир юного Карла Ясперса (но его же признанию).

Образ жизни С.Л. Рубинштейна тоже оказался нарушенным: «моя юность, когда больной, часто болезнью сердца прикованный к постели или во всяком случае отрезанный от активной жизни, я учился (читал) и мечтал». Но у всех ученых поразителен выход к новому образу жизни, способ, которым преодолевается пограничная ситуация, ситуация столкновения с последними границами бытия.

Карл Ясперс свой мир, мир человека переживающего вдруг обнаружившиеся предельные границы собственного бытия, сделал предметом научного анализа – психопатологического, психологического, а затем и философского. Этот поворот в сторону медицины, а также психологии и философии, по собственному признанию Ясперса был предопределен его болезнью, которую он не мог победить (сердечная недостаточность, возникшая в результате врожденной и неизлечимой болезни бронхов), но он научился жить с этой болезнью, жить с постоянным ощущением границы бытия, при этом все более понимая, что эти границы нельзя отменить, но их можно отодвинуть. И пришел к выводу о том, что сама жизнь является разворачивающимся во времени процесс постепенного обретения человеком свободы.

К этому выходит и В. Франкл: «Если заключенный обнаруживал, что он не может больше выносить реальность лагерной жизни, он находил в своей духовной жизни возможность выхода, которую трудно переоценить – возможность ухода в духовную сферу, которую СС не в состоянии разрушить». Свобода *от* того, что закрывает, и свобода *для* осуществления возможностей, которые еще не реализованы. Вот это и есть настоящее инновационное поведение, развивающееся в пространстве свободного движения, открытие которого напрямую связано с возможностями человека, оказавшегося на границе и понявшего, что если нет возможности выйти за колючую проволоку, за границы кровати, к которой приковала болезнь, надо идти туда, где еще остается свобода. С.Л. Рубинштейн, который оставил свою хронологию собственного возвышения от личных проблем к проблемам общества, вспоминает, как после обретения им пространства свободного движения наступила фаза некоторого «преуспеяния»: «Ученость и обыденщина. Преуспеяние в жизни и пустота». Почти в унисон с ним К. Ясперс: «*пустота*, источником которой служит *нереализованность человека*».

Готовность продолжать самоосуществление в обстоятельствах, которые его блокируют – в этом можно усмотреть природу готовности чело-

века к изменению образа жизни. В своей работе Е.В. Некрасова приводит примеры того, как «закрытие» человека, являющегося по природе своей открытой и сложной пространственно-временной организацией, оборачивается распадом системы²³. Совмещая герменевтический, нарративный и транспективный анализы применительно к проблеме выявления условий и обстоятельств образования уникальных жизненных миров в их динамичных хронологических характеристиках, Е.В. Некрасова показывает последовательность распада психологической системы: сначала «уходит» вершинное – ценности, которые делают предметы, вещи значимыми во все времена. Затем «уходят» смыслы, придающие «ощущение реальности». Вот какие последствия это вызывает:

- теряется возможность психологической системой избирать, устанавливать соответствие своих актуальных потребностей и возможностей некоторым сторонам «в себе и для себя» существующей объективной реальности;

- слом (разрушение) целостности жизненного мира как основания психологического здоровья, личности как системного качества открытой психологической системы, обеспечивающего возможность системе существовать в режиме саморазвития;

- развитие состояния «*всё равно*», полное равнодушие; эмоции, являясь формой существования смыслов и ценностей, перестают выполнять свою основную функцию удержания связи человека с «объективным миром», начинают доминировать эмоциональные проявления негативного плана, что сказывается на субъективном восприятии времени, его «замедлении» или «ускорении»;

- страдание, разрушающее способность человека к самоорганизации, т.е. сам способ жизни человека, его естественного бытия.

Причинами такой деструкции, как показывает Е.В. Некрасова, может быть насилие над человеком (тюрьма, ссылка, изгнание, лишения и т.д.), которое приводит к деформации жизненного мира человека. Деформация проявляется в потере смысловой динамики, исключительной концентрации человека на прошлом (переживание воспоминаний, составляющих единственный предмет сознания, приобретает патологический характер), или будущем (псевдобудущее, псевдожизнь подменяют подлинную жизнь), деформирующих его поведение в настоящем; доминировании ориентации на настоящее при нечетком образе будущего; факте связи

²³ Некрасова Е.В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2005.

центрации на настоящем (сейчас) с деформацией пространства (здесь), бессмысленным времяпрепровождением – «обыденно-житейским циклическим бытовым временем» (М.М. Бахтин), лишенном поступательного исторического хода.

Возникает новая проблема: идентичность человека в условиях саморазвития. У этой проблемы два выхода. Саморазвитие человека в «естественных» условиях и в периоды резких перестроек в период перемен, затрагивающих образ жизни и образ мира человека. В приведенном выше случае (исследование Ю.В. Ключко) люди сами выбирали свой путь, пусть и в равной степени отдавая себе отчет в том, какое воздействие окажет на них суровая регламентация воинской жизни, т.е. насколько они готовы сменить образ жизни, причем на такой, который явно ограничит их свободу и прервет сложившиеся пути и способы самореализации. В исследовании В.Н. Бородиной изучались психологические коллизии, которые происходят с людьми, которые в массе своей не собирались связать свою судьбу с профессией военного – военнослужащими по призыву²⁴.

Призыв человека в армию являет собой яркий пример деформации пространства свободного движения, В ходе исследования было установлено, что за проявлениями регрессивного поведения стоит деформация ментального пространства человека. Выявлена связь показателей открытости/закрытости человека, с индивидуальными модусами прошлого, настоящего и будущего, характеризующими состояние человека на разных этапах вхождения в новый образ жизни и выхода из него. К числу таких показателей могут быть отнесены личностная ригидность/флексibilität, локус контроля, представленный континуумом интернальность/экстернальность, ценностно-смысловые, мотивационные и самоактуализационные характеристики.

Выявленные В.Н. Бородиной закономерности в возникновении темпоральных проявлений, характерные для различных этапов прохождения срочной воинской службы, обусловлены различной центрацией человека на одном из времен (прошлое, настоящее, будущее), а так же возникновением эффектов «идеализации времен», «дереализации настоящего», «уплотнением», «замедлением» или «ускорением» времени и т.д. В.Н. Бородиной удалось сконструировать факторную модель структуры темпорального переживания времени, имеющая специфику, обусловленную индиви-

²⁴ Бородин В.Н. Темпоральные проявления эффекта резкой перестройки сложившегося образа жизни (на примере военнослужащих по призыву): Автореф. дис. ... канд. психол. наук Томск, 2009.

дуально-личностными и ситуативно-процессуальными особенностями организации военной службы. Модель включает в себя следующие факторы: «рефлексивная компонента темпоральности», «баланс темпоральных проявлений», «бытийная компонента темпоральности». В процессе верификации установлено, что «рефлексивная компонента темпоральности» имеет ориентацию на будущее и *тесно связана с самореализацией*. «Баланс темпоральных проявлений» ориентирован на настоящее и ближайшее будущее и во многом детерминируется особенностями активных социальных контактов. «Бытийная компонента темпоральности» тесно связана с удовлетворением потребностей в поддержке и безопасности.

Как мы видим, и в данном случае встречаются люди способные удерживать пространство свободного движения. Интересно, что мир, теряющий свою привычную ценностно-смысловую развертку, «пустеет» для человека: все, что не имеет смысла и ценности для человека уходит из его жизненного пространства, становится фоном для жизни. Но эта пространственно-временная пустота на самом деле является все той же пустотой, о которой писал К. Ясперс: «пустота, источником которой служит нереализованность человека». Деформация жизненного пространства является причиной деформации внутреннего времени системы.

Последний тезис можно принять, но очень трудно осмыслить. Здесь мы вступаем в область таких психологических реалий, которые, на наш взгляд, будут постепенно осваиваться психологами, но с ними уже сталкиваются психиатры. Темпоральный невроз – понятие, введенное С.А. Кравченко в 2009 г. для обозначения дезадаптационных состояний и стремлений человека жить преимущественно одним из времен: прошлым, настоящим или будущим или пребывать в состоянии вневременности²⁵. «В зрелом возрасте темпоральный невроз чаще всего проявляется выраженным смещением центра сознания личности в прошлое. Данное состояние ведет к тому, что человек не способен учиться новому, и даже *воспринимать нововведения* с положительной стороны, в то время как ценности прошедшего времени вытесняют собой все» – пишет С.А. Кравченко. Таким образом связь между инновативностью человека и временными параметрами его бытия в качестве открытой системы устанавливается даже на психиатрическом уровне.

При этом мы ухитряемся создавать такие образовательные среды, в которых темпоральные неврозы просто неизбежны. Мы называем их психо-

²⁵ Кравченко В.А. Темпоральный невроз и его преодоление (темпоральная психотерапия) Режим доступа: <http://skravchenko.ru/neurosis.htm>

скалоневрозами, неврозами дидактического происхождения, но истинная их природа только начинает открываться. Как уже было сказано в первых главах, в предпубертативном возрасте (на грани выхода из младшего школьного возраста) начинается самая резкая перестройка жизненного мира ребенка. В это время он обретает новое (ценностное) измерение, вместе с ним выходит на новый уровень сознания, на гораздо более высокий уровень уверенности суверенности, скачком возрастает потребность в самореализации. Это совсем другой уровень жизнеосуществления, но образовательная среда меняется только в том, что добавляется большее количество учителей: человеку как системе, практически открытой в мир, противостоит достаточно закрытое образовательное пространство. Трудно в таких условиях формировать инновационную личность: инновационный потенциал ее гибнет, так и не успев раскрыться.

Вернемся к основной нашей проблеме. Мы рассмотрели случаи деформации образа жизни в результате перемен, инициированных самим человеком и обстоятельствами, которые от него не зависят. Обратимся теперь к такому явлению как иммиграция, которая нас интересует не сама по себе, а в связи с теми результатами исследования, которые были проведены в Канаде психологом, которой удалось выделить показатели, способные расширить представления о природе инновационной мобильности, а так же факторах, способствующих вхождению россиян в новую для себя среду²⁶.

Действительно, как это доказывает Т.Г. Ходжабагиянц, понятие «процесс вхождения человека в инокультурную среду» становится все более употребляемым. Причины понятны: растет степень открытости человеческого сообщества, снимающая внешние (политические, географические, экономические и т.д.) преграды для перемещения людей и свободного выбора ими временной или постоянной среды обитания. Более открытыми в мир становятся и сами люди, при этом все более разнообразными становятся их способы вхождения в инокультуру, в силу чего само искомое понятие оказывается предельно широким, включающим в себя большое количество разнообразных по своей природе феноменов. Безусловно, иммиграция представляет собой форму инновационной мобильности. В ней человек, демонстрируя свою способность выйти на встречу с новым миром, подставляет свой собственный жизненный мир под угрозу

²⁶ Ходжабагиянц Т.Г. Динамические характеристики ментального пространства человека и их проявления в процессах вхождения инокультурную среду: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2007

деформации. Кто-то оценивает свои силы адекватно, кто-то нет, а кому-то просто приходится идти вслед за кем-то. По обращениям за психологической помощью психолог может делать суждения о том, как складываются процесс, суть которого составляет «сшибка» ментального пространства, в которое попадает человек, с его собственным ментальным пространством, которое он «вывез» с собой, оставив на прежнем месте природные, «вещные» содержания своего жизненного мира.

По мнению Т.Г. Ходжабагиянц, входя в контекст понимания человека как открытой самоорганизующейся системы, ментальное пространство можно представить как интегральное (общесистемное) динамическое образование, опосредующее связь человека с миром культуры, с социальной и природной (вещной) средой, определяя тем самым особенности многомерного бытия человека в создаваемом им самим многомерном жизненном пространстве. Ментальное пространство заявляет о себе особенностями образа жизни человека (тем, что он делает в мире), особенностями образа мира (как он понимает и интерпретирует для себя мир) и особенностями ценностно-смыслового устройства собственного жизненного мира. Ментальное пространство динамично: оно трансформируется, перестраивается в процессах постоянно актуализируемого противоречия между образом жизни и образом мира, определяя, в свою очередь, характерные особенности перестройки того и другого. Эффективность вхождения человека в новый образ жизни определяется не только всей совокупностью ситуативных факторов, но и присущей человеку динамикой перестроений, которая является достаточно устойчивой особенностью данного человека, некой инвариантой, каковую Т.Г. Ходжабагиянц и определяет как динамическую характеристику его ментального пространства. И если это пространство оказывается малоподвижным, инертным, ригидным, то можно предполагать, что выраженный «культурный шок» -- это то неизбежное, что ожидает иммигранта.

Ментальное пространство человека формируется в сложнейших, транскommунитативных по своей сути, процессах трансформации культуры в содержательный состав жизненного мира, обеспечивая ценностную наполненность образа жизни и обуславливая целостность (системность и осмысленность) образа мира человека, определяя направленность процесса разрешения все время возобновляемого противоречия между ними. Созидая в условиях инокультурной среды новое жизненное пространство, иммигранты постоянно воспроизводят противоречие между новым образом жизни и образом мира и столь же постоянно разрешают его, что и обуславливает

динамику смыслов и ценностей, обеспечивая тем самым, импульс самодвижения себя как самоорганизующейся системы.

Было выявлено, что о степень и длительность переживаемого иммигрантами «культурного шока» зависит от качества сложившихся представлений о собственном социальном статусе (самоценности, профессиональной компетентности, занимаемого места в социальной иерархии и т.д.) и субъективно оцениваемых возможностей удержания и увеличения этого статуса в новых социально-культурных и экономических условиях. Иммигранты существенно отличаются по стратегиям построения образа жизни в новых социокультурных условиях. Выделено несколько групп, отличающихся друг от друга характерными особенностями построения образа жизни в условиях эмиграции, условно названные нами:

- «открытые к изменениям, ориентированные на конструктивное, деятельное улучшение своей жизненной ситуации» (16% от общего числа выборки);

- «деятельные, ищущие варианты, не ориентированные на собственное изменение» (28% от общего числа выборки);

- «сопротивляющиеся трудностям, ожидающие позитивных перемен» (39% от общего числа выборки);

- «пассивные, находящиеся во внутреннем поиске, закрытые для собственных изменений» (17% от общего числа выборки).

Наибольшие отличия между группами лежат в области доминирующих модальностей переживания факта иммиграции, указывающих как на специфику субъективной оценки складывающейся жизненной ситуации, так и на величину разрыва между складывающимся «здесь и теперь» образом жизни и еще продолжающими доминировать ценностно-смысловыми и поведенческими установками, не соответствующими принятым в той культурной среде, в которую вывела иммиграция. У иммигрантов, отличающихся особенностями построения образа жизни при вхождении в инокультуру, существуют выраженные характерные особенности ценностно-смысловых составляющих образа мира и системных конструктов, обуславливающих открытость человека как основание эффективности жизнеосуществления. Динамику перестройки определяют уже знакомые нам континуумы «ригидность-флексibilität», «интернальность-экстернальность», а так же мотивация достижения успеха и избегания неудачи, особенности самоактуализации. Проявление динамических характеристик ментального пространства иммигрантов зафиксированы в типологических особенностях готовности человека к измене-

нию образа жизни и образа мира. Выявлены типологические соотношения степени выраженности готовности к изменению образа жизни и готовности к изменению образа мира, характеризующиеся разной степенью легкости (трудности) перестройки многомерного мира человека; уровнем осознания самого себя как субъекта своего образа жизни; сложившейся системой ценностно-смыслового содержания ментального пространства.

Важно, что для иммигрантов с достаточно выраженными показателями готовности к изменению образа мира и образа жизни характерны оптимистический настрой и конструктивная направленность в организации своего жизненного пространства; наличие желания активно справляться с имеющимися трудностями нового бытия, выстраивать реальные цели как ближайшего, так и отдаленного будущего. Общей характеристикой иммигрантов, отнесенных к этой группе, можно считать более или менее устойчивое формирование новых эмоционально-устойчивых комплексов, связок «смысл – тенденция действовать». Иммигрантам, чью готовность к изменению образа мира можно оценить скорее как достаточно оформившуюся, а готовность к изменению образа жизни скорее как несформированную, свойственна интенсивная смыслообразующая деятельность и развитые рефлексивные способности при выраженном неумении ассимилировать наличную жизненную ситуацию в новых поведенческих актах.

Иммигранты, у которых большая часть показателей готовности к изменению образа жизни оказалась достаточно выраженной, а показатели готовности к изменению образа мира, напротив, слабо сформированными, отличаются выраженной тенденцией действовать без большой опоры на развитые процессы смыслообразования, что снижает согласование осознаваемых ими новых условий жизни с неосознаваемыми (или частично осознаваемыми) жизненными стереотипами и сложившимися (фиксированными) схемами поведения.

Важно, что все это многообразие полученных сведений используется в реальной психоконсультативной практике, когда смена образа жизни выступает в качестве основного содержания жизни иммигрантов. Вся остальное, что с ними происходит, все событийные ряды проходят как условия, подчиненные этой работе, хотя сами иммигранты этого не осознают. Им кажется, что события, которые с ними случаются, это и есть жизнь. И только ощущая в себе темпоральные сбои, тревогу и апатию, ностальгию и пустоту, они идут к психоконсультанту. Природа этой «пустоты» понятна. Источником ее является нереализуемость собственных возможностей.

4.4. Миграционная готовность как проявление инновационной мобильности

Современный развитый человек отличается от людей других эпох особыми ценностно-смысловыми основами своей жизни, иными детерминантами поведения. В психоисторическом контексте самореализация личности понимается как постепенно осознаваемый людьми процесс реализации собственных возможностей, который все более становится понятным людям как то, что обеспечивает смысл и ценность их собственно человеческого существования.

Следует подчеркнуть, что феноменология самореализации широка и разнообразна. Отсюда многоаспектность ее исследований и неоднозначность подходов. Самореализацию рассматривают в контексте проблем адаптации личности, ее саморегуляции; называют самореализацию свойством личности и средством; считают, что через нее решаются задачи выживания вида и культурно-историческая организация психической деятельности. Перечень аспектов изучения можно продолжать. Мы придерживаемся того, что самореализации личности есть проявления саморазвития человека. Самореализация вообще есть свойство системы, а не одного только внутреннего, не имеющего возможности оценить, где, когда и каким именно образом может быть осуществлена самореализация, или одного только внешнего, которое в теориях, сводящих психическое к отражению, понимается как причина по отношению к внутреннему, которое в этом случае выступает только как условие, посредством которого внешние причины реализуют себя»²⁷.

Итак, самореализация есть проявление самоорганизации целостной открытой психологической системы, новообразование, возникающее во взаимодействии человека с миром. Самореализация – это форма, в которой проявляет себя саморазвитие, основывающееся на самодетерминации – возможности человека воздействовать на самого себя через реальность собственного многомерного мира. В целом же процесс самореализации, как все в многомерном мире человека, имеет системную детерминацию и представляет собой интеграцию различных по природе причинных цепей.

Представляя человека как сложную, самоорганизующуюся, открытую в природу, культуру, социум систему, невозможно обойтись без обсуж-

²⁷ Ключко В.Е., Ишмухаметов Р.В. Самореализация личности в контексте ее миграционной готовности // Гуманитарные основы развития региона с высоким инновационным потенциалом: глобализация, идентификация, миграция. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 8

дения проблем взаимодействия человека и его жизненной среды, природной и социальной. Самореализация как форма проявления самоорганизации человека, по словам Э.В. Галажинского, «предстает как интегрирующий фактор, с которым связаны решения проблемы выбора жизненных сред и формирования наиболее адекватных жизненных стратегий»²⁸. Окружающая среда (среда окружения) большинством исследователей «понимается как полный, исчерпывающий набор условий и обстоятельств, в которых живет человек, как физических, так и социокультурных...»²⁹. Эти условия могут способствовать или препятствовать самореализации личности, будучи включенными в многомерный мир человека или оставаясь за его пределами и составляя не просто «фон», но основу, на которой разворачивается процесс самореализации.

Будучи условием полноценного функционирования психологической системы, самореализация человека осуществляется по-разному в зависимости от многих обстоятельств. Одним из них является социально-экономические и другие параметры региона проживания, которые могут благоприятствовать самореализации или препятствовать ей. Регион, в котором природные и/или социально-экономические условия недостаточно благоприятны для жизнедеятельности человека, мы будем для краткости называть далее проблемным. Исследованиями в области психологии среды доказано влияние места проживания на жизнедеятельность человека (Ю.Г. Абрамова, Н.А. Душков, Т.А. Лебедева, В.И. Панов, Р. Баркер, К. Линч, R. Park и другие). Встречая барьеры на пути удовлетворения потребности в самореализации, многие люди будут стремиться покинуть проблемный регион. Депривация потребности в самореализации, таким образом, может быть выделена как один из основных факторов миграционной готовности личности. Необходимо выяснить связи миграционной готовности с особенностями самореализации личности в проблемном регионе, рассматривая последние как проявление депривирующих условий жизнедеятельности.

Можно полагать, что в контексте системного видения психологической реальности миграционная готовность может быть понята как проявление самоорганизации человека, жизнедеятельность которого протекает в неблагоприятных социальных, экономических и средовых условиях. Как следствие, депривация потребности в самореализации, особенно за-

²⁸ Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. С. 6

²⁹ Голд Дж. Психология и география. Основы поведенческой географии. М., 1990. С. 43

метная в проблемных регионах, может рассматриваться в качестве одного из факторов миграционной готовности, а переживание указанной депривации должно проявляться в трансформации ценностно-смысловых составляющих образа мира потенциальных мигрантов.

В процессе конкретных исследований (на выборке включающей в себя 81 школьника и 77 студентов) была проведена оценка степени интенсивности потребности в самореализации. Респонденты в анкете оценили интенсивность своей потребности в самореализации следующим образом (см. рис. 1):

Рис. 1. Число выпускников, оценивших свою потребность в самореализации, %

Согласно приведенным данным, подтверждается тот факт, что у большинства школьников и студентов интенсивность потребности в самореализации весьма велика: выраженная и сильная. У мужчин это отмечается в большей мере, чем у женщин. Контент-анализ материалов по завершению школьниками и студентами незаконченных предложений также позволяет судить об их достаточно интенсивной потребности в самореализации. Категории, связанные с потребностью в самореализации, имеют высокие ранги, возглавляют ранговый ряд или входят в первую пятерку рангов.

Итак, имеются все основания для вывода о том, что многие выпускники школ и вузов проблемного региона имеют достаточно острую потребность в самореализации. Насколько же эта потребность удовлетворена, то есть, как они оценивают уровень своей самореализации, можно представить, обратившись к данным шкал самоактуализационного теста (САТ), систематизированным на рис. 2 и 3.

Основная закономерность, которую следует отметить при анализе результатов САТ, — это преобладание показателей ниже оптимального уровня почти по всем шкалам и у школьников, и у студентов. Объяснение невысоким показателям по САТ может быть различным. Прежде все-

го, возраст испытуемых и их социальное положение, связанное с ведущей деятельностью, делает понятной оценку ими собственной актуализации: у выпускников школы и вуза ограничены сферы самореализации, возможные ее направления. Полномасштабная самоактуализация – для них дело будущего.

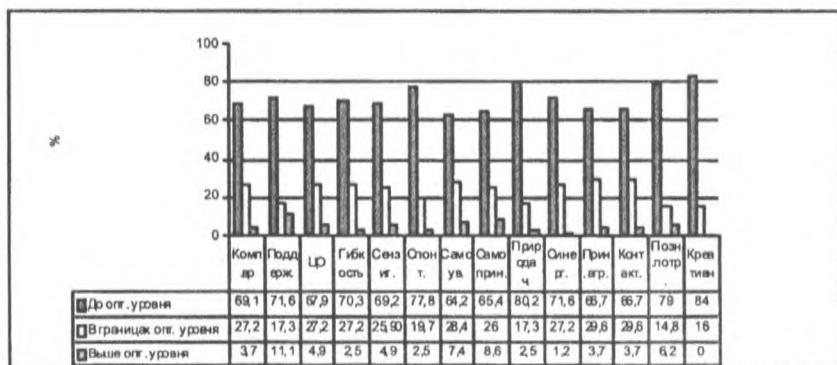

Рис. 2. Количество школьников с показателями по шкалам теста САТ, %

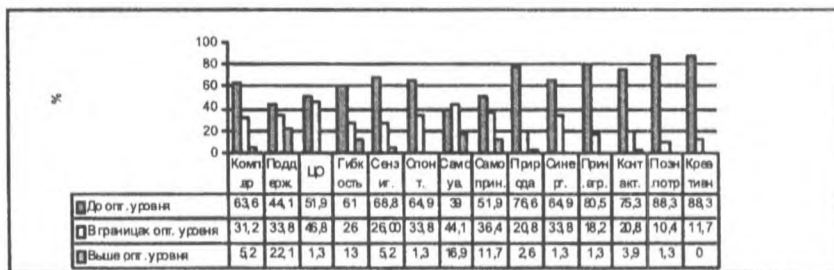

Рис. 3. Количество студентов с показателями по шкалам теста САТ, %

Другое объяснение, на наш взгляд, заключается в недостаточных возможностях самореализации для молодежи в проблемном регионе. Потребность в самореализации у молодых людей действительно депривирована. Индикатором этой депривации являются невысокие показатели достигнутой самореализации. По анкете и с помощью незаконченных предложений оценивались возможности для самореализации в Забайка-

лье. Треть опрошенных школьников и более половины студентов не удовлетворены возможностями для самореализации. Налицо противоречие между достаточно сильной потребностью в самореализации у большинства опрошенных и низкой оценкой возможностей для самореализации в месте проживания. Корреляционный анализ данных показал, что взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга установленные: недостаточный уровень осмысленности жизни многих молодых людей, недостаточный уровень их самореализации, недостаточная удовлетворенность жизнью в целом и низкоположительное отношение к городу. Генеральным фактором названных проявлений можно назвать депривацию потребности юношей в самореализации. Это и создает основу для возникновения миграционной готовности выпускников. С помощью комплекса методов все показатели миграционной готовности были выявлены у многих испытуемых. Подавляющее большинство опрошенных (67,9% школьников и 75,3% студентов) хотели бы из Читы уехать, выразив свое желание с разной степенью категоричности. Но уровень миграционной готовности (степень зрелости миграционных установок) большинства школьников и студентов можно определить как невысокий (низкий и низко-средний).

Поскольку самореализация есть проявление самоорганизации психологической системы, без которой невозможно ее существование и развитие, то в каких-то пределах, на разных уровнях реализуют себя все люди. Но именно эти пределы и определяют границы многомерного мира человека, задают «масштабы» личности и «масштабы» жизни. Логика рассуждений выводит к рассмотрению вопроса о разнице в уровнях самореализации людей и ее влиянии на все поведенческие проявления, в том числе и на миграционную готовность. Испытуемые основной группы (105 школьников и 104 студента) в соответствии с показателями САТ по выделенным нами критериям были разделены на группы с разным уровнем самореализации. Количественный состав групп представлен в табл. 1.

Таблица 1

Процентный состав групп по уровню самореализации

Школьники				Студенты			
Уровни самореализации							
Низкий	Ниже среднего	Средний	Высокий	Низкий	Ниже среднего	Средний	Высокий
14,3	46,7	35,2	3,8	19,2	39,4	37,5	3,9

Данные таблицы свидетельствуют, что большинство испытуемых, и школьников, и студентов, достигают лишь низкого и ниже среднего уровней самореализации. Во многом эти показатели обусловлены депривующими региональными условиями и являются индикатором этой депривации. Миграционная готовность, одним из факторов которой является депривация потребности в самореализации, проявляется у людей по-разному в зависимости от достигнутого уже ими уровня самореализации. В регионе с неблагоприятными условиями, препятствующими развитию, уровень самореализации многих людей отстает от степени их потребности в самореализации и по типологии уровней самореализации Э.В. Галажинского может быть определен, как репродуктивно-адаптивный. При этом, как показало исследование, в реальной жизнедеятельности люди с более высоким уровнем самореализации и в затрудненных условиях Забайкалья проявляют себя более активно и разнообразно. Показатели миграционной готовности в группах с различным уровнем самореализации представлены неодинаково. Миграционная готовность низкого уровня выявлена у выпускников с низким и ниже среднего уровнями самореализации, миграционная готовность низко-среднего и среднего уровня – у выпускников со средним уровнем самореализации. Миграционная готовность тех немногих людей, которые, достигнув высокого уровня самореализации в своем регионе, все же хотят уехать, была отнесена к высокоуровневой.

По большинству показателей с повышением уровня самореализации, то есть с преодолением депривующих региональных условий, уменьшается число людей с проявлениями миграционной готовности, в то время, как уровень миграционной готовности у тех, кто все же хочет покинуть регион, возрастает.

Возникая у молодых людей, проживающих в проблемном социально-экономическом регионе, во многом под влиянием такого фактора, как невозможность в полной мере удовлетворить потребность в самореализации, миграционная готовность отличается индивидуальной степенью осознанности, интенсивности, содержательной структурой. Эти отличия обусловлены многими причинами, но, на наш взгляд, решающую роль в возникновении отличительных черт миграционной готовности, в частности, ее уровня, играют особенности ценностно-смысловых составляющих образа мира людей. В данном исследовании констатируется, что чем ниже уровень самореализации в группе, тем чаще присутствуют и проявляются у большего числа людей признаки смысловозниженного дефицита

(осознания и переживания недостаточной осмысленности своей жизни). Можно принять проявления смысложизненного дефицита за косвенный показатель депривированности базисной потребности и миграционной готовности. Правда, при этом нужно иметь в виду, что уровень миграционной готовности не совпадает однозначно с уровнем самореализации. Люди с низким и ниже среднего уровнями самореализации, то есть, как показано выше, имеющие больший, чем в других группах, смысложизненный дефицит, проявляют стремление уехать, но их миграционная готовность может быть квалифицирована как низкоуровневая.

При сопоставлении результатов теста СЖО у испытуемых с разным уровнем миграционной готовности было установлено, что и у школьников, и у студентов повышение осмысленности жизни влечет за собой ослабление стремления покинуть регион. И это понятно: люди находят достаточно для себя возможностей сделать или видеть свою жизнь осмысленной в том месте, где они живут. Уменьшается число людей с миграционной готовностью. Но зато у тех, кто ее все же имеет, то есть хочет уехать, миграционная готовность становится выше по уровню. Думается, это можно объяснить следующим образом: с возрастанием осмысленности жизни – и только на этой основе – человеку открываются новые смыслы и ценности жизни, не реализованные, но уже требующие своей реализации возможности (в том числе и в другом регионе). Не случайно они открываются именно тем выпускникам, которые уже достигли более высоких уровней самореализации, то есть людям с большей направленностью на реализацию своих возможностей. Эта направленность обуславливает их более легкую «включаемость» в новые обстоятельства. С возрастанием осмысленности жизни увеличивается и уверенность в своих силах, и человеку в условиях региональных ограничений становится все теснее. Все это в совокупности и обуславливает повышение уровня миграционной готовности.

Корреляционный и факторный анализ подтвердил связь уровня миграционной готовности личности с осмысленностью жизни. Один из факторов и у школьников, и у студентов, независимо от уровня их миграционной готовности, отмечен высокими нагрузками на переменные, связанные с осмысленностью жизни. Мы назвали его «жизненные смыслы». Но структура этого фактора несколько отличается в каждой группе. Основные отличия по этому фактору у испытуемых школьников с более высоким уровнем миграционной готовности – большая способность полноценно жить настоящим (отсюда, вероятно, и лучшие показатели по самореализации) и

более тесная интеграция смыслов и ценностей в образе мира. У студентов с более высоким уровнем миграционной готовности самые высокие нагрузки имеют такие переменные, как «я – хозяин жизни» (0,85), целенаправленность жизни (0,79), способность полноценно жить настоящим (0,75), результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией (0,71). Такое распределение переменных, на наш взгляд, неслучайно. Студенты из этой группы реально ощущают большую уверенность в своих силах в связи с более успешным опытом самореализации.

В ценностно-смысловых составляющих образа мира юношества значительное место занимает Я-концепция. Велика ее роль и в возникновении миграционной готовности разного уровня. Но выявлены существенные отличия в структуре этого фактора в зависимости от уровня миграционной готовности. Я-концепция людей с более высоким уровнем миграционной готовности является более интегрированной и действенной. факторная структура ценностно-смысловых характеристик образа мира испытуемых с разными уровнями миграционной готовности не совпадает в полном объеме, что говорит о наличии известных типологических особенностей в их личностных характеристиках.

Качественный анализ материалов, в которых «реконструируется» образ мира личности, также выявил некоторые особенности ценностно-смысловых составляющих его у людей с разным уровнем миграционной готовности. Смысловая сфера выпускников с низким уровнем миграционной готовности несколько обеднена и «приземлена». В ней большое место занимают конкретные житейские смыслы. У выпускников с более высокими уровнями миграционной готовности не всегда явно, но проявляется тенденция движения к реализации и более высоких жизненных смыслов и ценностей. То есть уровень миграционной готовности молодежи во многом обусловлен стремлением к самореализации также определенного уровня (к самореализации на уровне смыслов или на уровне ценностей).

Таким образом, подтвердилось предположение о том, что люди с разным уровнем миграционной готовности имеют особые параметры ценностно-смысловых составляющих образа мира. Можно сказать, что эти параметры, как и депривация потребности в самореализации, являются фактором миграционной готовности личности.

Для контроля необходимо было рассмотреть параметры самореализации и ценностно-смысловых составляющих образа мира тех людей, которые покинули прежнее место жительства (в основном, небольшой про-

винциальный город, например, Чита, Элиста, Рязань) и перебрались в большие города, предоставляющие широкие возможности для самореализации (Новосибирск, Москву). Исследователей, прежде всего, интересовали причины миграции. Люди пишут, что уехали из прежних городов потому, что «там нет возможностей для нормальной жизни», потому что у них «не было возможности заниматься тем, что интересно и не получалось добиться благополучия для семьи»; они хотели «жить самостоятельно и найти хорошую работу»; для них в этом городе «не было будущего», «не было перспектив»; им «захотелось интересной жизни», «стало скучно». Среди причин миграции называется желание «начать все заново и изменить себя», «экспериментировать с собой», «стать высококлассным специалистом и получать достойную зарплату». В столичном городе «масса возможностей начать что-то делать, стать независимым», «реально заработать много денег». Все свидетельствует о том, что одним из главных побуждений к миграции всех испытуемых контрольной группы являлась потребность в самореализации, для некоторых – в самореализации на творческом, продуктивно-сверхадаптивном уровне. Некоторые так и пишут: «Я уехал, чтобы развиваться и расти», «я хочу «сделать» себя», «Я полон решимости сделать свою жизнь такой, как я хочу, то есть полной и целенаправленной». Степень интенсивности своей потребности в самореализации испытуемые оценили следующим образом: 78,6% назвали ее выраженной и сильной и 21,4% – средней. Слабой свою потребность не назвал никто. Но эта потребность в родном городе была депривирована. Сопоставление оценок возможностей для самореализации в родном городе и на новом месте жительства приведено в табл. 2.

Таблица 2

Количество людей, оценивших возможности самореализации, %

Оценка	В прежнем городе	В новом городе
Нет возможностей	–	–
Недостаточно возможностей	42,9	–
Средние возможности	57,1	–
Достаточно возможностей	–	85,7
Есть все возможности	–	14,3

Итак, очевидно, что в родном городе большая часть испытуемых переживала противоречие между выраженной и сильной потребностью в самореализации и недостаточными возможностями для ее удовлетворения. Это противоречие было в качестве показателя миграционной готов-

ности. После переезда в другой город данное противоречие отсутствует: теперь у испытуемых, по их мнению, есть все возможности для самореализации или их достаточно.

Средние значения по шкалам теста СЖО у людей, совершивших миграцию, приведены на рис. 4.

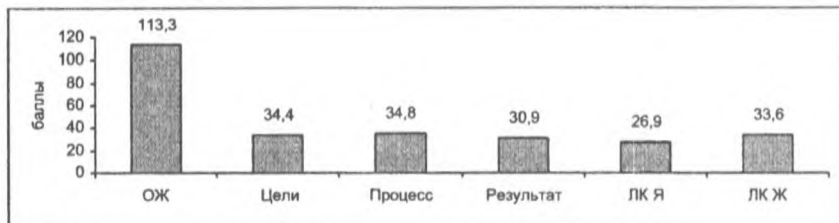

Рис. 4. Средние значения по шкалам теста СЖО в группе мигрантов

Таблица 3

Количество людей с показателями удовлетворенности жизнью в группе мигрантов, %

Показатели удовлетворенности													
Самооценка здоровья		Уровень психосоциального стресса			Уровень удовлетворенности жизнью в целом			Уровень удовлетворенности условиями жизни			Уровень удовлетворенности основных жизненных потребностей		
Хор.	Удов-летв.	Низ-кий	Сред-ний	Высо-кий	Низ-кий	Сред-ний	Высо-кий	Низ-кий	Сред-ний	Высо-кий	Низ-кий	Сред-ний	Высо-кий
64.3	35.7	28.3	57.1	14.3	14.3	35.7	50	—	85.7	14.3	28.6	64.3	7.1

По данным теста СЖО люди, осуществившие миграцию, оценивают свою жизнь как вполне осмысленную (общий показатель достаточно высок, он уступает лишь результатам выпускников с высоким уровнем самореализации). Она подчинена определенным осознанным целям, результативна, хотя и не на высшем уровне – мал стаж пребывания на новом месте. То есть признаки смысловозниженного дефицита (осознания и переживания недостаточной осмысленности своей жизни), что было отмечено у многих школьников и студентов, проживающих в проблемном регионе и являлось косвенным показателем депривированности потребности в самореализации, отсутствуют в контрольной группе. Лучшие условия самореализации помогают людям наполнить жизнь необходимыми смыслами.

Удовлетворенность жизнью – также важный индикатор самочувствия человека в регионе проживания. Параметры удовлетворенности жизнью испытуемых контрольной группы (по опроснику «Ваше самочувствие») представлены в табл. 3.

Анализ данных таблицы дает основание для следующих заключений: ожидание, что мигранты будут полностью удовлетворены жизнью в большом городе, не оправдывается. Только половина из них называет уровень своей удовлетворенности жизнью в целом высоким. Подтверждается вывод о том, что сам по себе переезд в большой город еще не обеспечивает полной удовлетворенности жизнью, даже, если человек и стремился к миграции. Требуется достаточное время для укоренения на новом месте, достижения успехов в решении поставленных задач. А процесс достижения целей нелегок, требует усилий и напряжения. И вообще, как уже говорилось, жизнь человека в мегаполисе нелегка. Удовлетворенность условиями жизни в большом городе и удовлетворенность основных жизненных потребностей большинства мигрантов средняя. Это также объяснимо: невелик стаж проживания на новом месте, люди еще не успели создать для себя те условия, которые бы их полностью устраивали. Им еще не хватает финансовой обеспеченности. Ради обеспечения этих условий им приходится много работать, нередко поступаясь необходимостью удовлетворения каких-то менее значимых для них потребностей.

При сопоставлении средних показателей САТ мигрантов и школьников и студентов выяснилось, что по многим шкалам теста показатели мигрантов ниже, чем у школьников и студентов с высоким уровнем самореализации, но превышают показатели выпускников со средним уровнем самореализации. По шкалам эмоционального блока («сензитивность», «спонтанность»), представлений о природе человека, принятия агрессии и познавательных потребностей показатели мигрантов ниже средних значений испытуемых основной группы со средним уровнем самореализации или наравне с ними.

Результаты факторного анализа позволяют дополнить обобщенный психологический портрет молодого мигранта³⁰. Это человек с выраженной потребностью в самореализации, со стремлением к личностному росту, осознающий свои потребности, социально активный, способный принять на себя ответственность за собственную жизнь. При депривации потребности в самореализации, недостаточной удовлетворенности усло-

³⁰ Речь идет о добровольной миграции

виями и обстоятельствами жизни в одном регионе он, обладая потенциалом креативности и свободного самовыражения, покидает его, чтобы в другом обрести необходимые возможности для саморазвития или просто обеспечить желаемые уровень и качество жизни. В трудных условиях адаптации и достижения успеха на новом месте жительства мигрант сохраняет самоконтроль и психологическую устойчивость. Им достигнут определенный уровень личностной зрелости и осмысленности жизни. Мигрант способен устанавливать отношения сотрудничества с миром и людьми, принимает и ценит жизнь и себя. Активность придает его жизни эмоциональную насыщенность. Нельзя сказать, что этот человек достиг жизненных высот. Он еще не самореализовался, он – в интенсивном процессе самореализации.

Таким образом, миграционная готовность как новообразование, относящееся к проявлениям самоорганизации человека как открытой психологической системы, которое в содержательном плане представляет собой установку, психологический настрой на добровольное изменение места жительства может рассматриваться и как одно из проявлений инновационного поведения. Миграционная готовность возникает у человека на основе противоречий между его образом мира, (который включает оценки места проживания и желаемого будущего), с одной стороны, и образом жизни, с другой стороны, переставшими соответствовать друг другу. Миграционная готовность формируется в условиях, депривирующих потребность личности в самореализации. Она определяет направленность специфической миграционной активности, и обеспечивает одновременно и стабильность, и подвижность человеческой психологической системы в обстоятельствах, депривирующих потребность в самореализации. Показателем влияния на самореализацию депривирующих региональных условий является тот установленный в исследовании факт, что преобладающая часть испытуемых, имея достаточно интенсивную потребность в самореализации, достигает при ее осуществлении лишь низкого и ниже среднего уровней самореализации, то есть уровень самореализации многих людей отстает от степени их потребности в самореализации. Миграционная готовность, одним из факторов которой является депривация потребности в самореализации, проявляется у людей по-разному в зависимости от уже достигнутого ими уровня самореализации. По большинству показателей с повышением уровня самореализации, то есть с преодолением депривирующих региональных условий уменьшается число людей с проявлениями миграционной готовности, в то время как

уровень миграционной готовности у тех, кто все же хочет покинуть регион, возрастает. Миграционную готовность людей с высоким уровнем самореализации, желающих уехать, по нашим критериям можно назвать высокоуровневой. Их побуждения – стремление к самореализации высшего, продуктивно-сверхадаптивного (творческого) уровня, которой нет предела, – сильны и увеличивают при встрече с депривирующими потребностями препятствиями силу миграционной готовности.

5. ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО РАЗВИТИЯ

5.1. Становление понятия

Понятие инновационная (новаторская) личность ввел Эверетт Хаген (1963), полагая ее в качестве предпосылки усиления экономического роста, распространения предпринимательства и накопления капитала. Он исходил из предположения, что существуют различные «личностные синдромы», полярность которых отражает типичные признаки, характерные для традиционного общества и общества современного. В первом это авторитарная личность, во втором – прямо противоположная ей во всех отношениях инновационная личность. В своей известной книге П. Штомпка демонстрирует эту противоположность в виде полярной дихотомии (см. табл.)¹. У личности авторитарной свои задачи: будучи сформированной условиями застоя, простого производства, самоподдерживаемого равновесия, такая личность способствует упрочению этих условий. Инновационная личность сформирована условиями современности и, в свою очередь, помогает рождению самоподдерживаемых изменений, которые постоянно революционизируют жизнь – ее стандарты, ценности и т.д.

П. Штомпка усматривает в этом попытку применить так называемый «Тезис Вебера» к условиям высокоразвитого капитализма. Центральная идея «Тезиса Вебера» – искать важные детерминанты макроисторического процесса в микросфере человеческих мотиваций, отношений и ценностей – оказалась очень влиятельной. Подобно М. Веберу, Э. Хаген обращается к наиболее трудному вопросу – вопросу о происхождении: как впервые появляется современная новаторская личность. Роль первотолчка от традиций к современности была возложена на некий внешний фактор. У Вебера это протестантская (кальвинистская) церковь, у Хагена – специфические исторические обстоятельства, которые он именует «выходом за пределы статуса». Такая ситуация возникает тогда, когда уста-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / Под ред. В.А. Ядова; Пер. с англ. М. Аспект Пресс, 1996. 416 с

новленные, предопределенные статусы, типичные для традиционного «закрытого» общества, подрываются социальной мобильностью и «открытием» классовых и стратификационных иерархий. Массовый характер эти процессы принимают после великих революций, которые дают стимул развитию урбанистического, индустриального общества. Существуют четыре типичных случая выхода из статуса.

1. Когда целая группа (сообщество, профессиональная группа, аристократическая элита и т.д.) теряет свой прежний статус, и, следовательно, то же происходит с каждым из ее членов (например, ремесленники заменяются фабричными рабочими, прежняя элита – выборными представителями). Возникает разрыв между прошлым и новым статусом.

2. Когда, по мнению членов группы, к ней относятся не так, как она того заслуживает (это могут быть, например, представители этнических групп, корпораций, фирм, спортивных команд и т.д., которые считают, что их сообщество несправедливо недооценивается остальными). Появляется разрыв между предполагаемым статусом и тем, который человек действительно занимает.

3. Когда существует несоответствие, нестыковка между различными измерениями статуса (например, престиж определенной работы, скажем университетского профессора, не соответствует уровню его дохода, либо большая власть или доход не приносят высокого престижа и т.д.). Появляется разрыв между статусом личности (родом занятий), который она занимает на шкале стратификации, и статусом, измеряемым по другой шкале.

4. Когда группа еще не заняла более высокий статус (например, этнические меньшинства, недавние иммигранты, рабочие-эмигранты и т.д.). Появляется разрыв между желаемым статусом и тем, который она занимает на самом деле.

Все четыре ситуации напоминают классическую дискуссию об анонии Роберта К. Мертона, и потому не удивительно, что Хаген делает выводы, аналогичные мертоновским. Он утверждает, что проявлением структурных противоречий служит «выход из статуса», который приводит к определенным типичным «адаптациям»: от ухода через ритуальную приверженность устоявшимся моделям до новаций и бунта против ситуации, которая воспринимается как неприемлемая. Любая адаптация происходит в конкретных специфических условиях. Для Хагена новация и бунт представляют наибольший интерес, поскольку они объясняют возникновение новаторской личности. Здесь он выдвигает гипотезу, ко-

торая оказалась, пожалуй, самой сомнительной в его рассуждениях. С его точки зрения, решающим фактором является характер социализации, особенно в период раннего детства. Ситуацию статусного ухода мужчины переживают гораздо тяжелее, чем женщины, они быстрее сдаются или отчаиваются. У женщин такая реакция вызывает негодование, и в надежде вырастить детей более подготовленными к подобным ситуациям они стремятся найти новые, оригинальные методы воспитания.

Авторитарная личность – инновационная личность

Важнейшая характеристика	Авторитарная личность	Инновационная личность
Отношение к действительности	Согласие с образцами (моделями, стилями) жизни, диктуемыми традицией и авторитетами и обосновываемыми их предположительно вечной природой и сверхъестественным происхождением	Отношение к миру характеризуется любознательностью и стремлением управлять («манипулировать») им, что выражается в упорном потоке его основных регуляторов с целью воздействовать на различные явления и контролировать их
Понимание роли индивида в мире	Покорность, послушание, конформизм, стремление избегать ответственности и потребность в зависимости	Принятие на себя ответственности за плохие стороны мира (жизни), сопряженное с потоком лучших решений и попытками внести изменения
Стиль лидерства	Твердость (жесткость, непреклонность), возвышенные надежды и строгие требования к подчиненным	Откровенность и терпимость к подчиненным, одобрительное отношение к их оригинальности и стремлению к новациям
Степень склонности к созиданию и новациям	Отсутствие (недостаток) стремления к созиданию и новациям	Творчество, стимулирующее самобытность и стремление к новизне, неукротимая любознательность

П. Штомпка замечает нечто общее в построениях Э. Хагена с другой известной теорией, в центре внимания которой также находится психологический аспект капитализма, принадлежащей Дэвиду Мак-Клелланду. Он сосредоточился на вопросе: существует ли некий универсальный личностный синдром, предшествующий тому или иному скачку интенсивного экономического развития в истории человеческого

общества. Ответ Мак-Клелланда утвердителен: любой такой скачок предваряется распространением «мотивации достижения», которая особенно незаменима для предпринимательской деятельности. «В обществе, где высок уровень стремления к успеху, всегда много энергичных предпринимателей, способствующих, в свою очередь, более быстрому экономическому росту». Альтернативные личностные синдромы «присоединения» и «власти» имеют противоположные следствия. Первый препятствует конкуренции, творчеству, оригинальности, выдвижению новых идей, тормозя тем самым экономическое развитие. В сочетании со вторым синдромом это ведет к распространению тоталитарных тенденций. По словам Мак-Клелланда, применительно к конкретной исторической ситуации распространения капитализма «успех» означает стремление к конкуренции за более высокий стандарт превосходства, выраженный в деньгах, а также к неуклонному, восходящему накоплению прибыли.

В поведенческом аспекте мотивация достижения связана с мобильностью, направленной вверх: частыми поездками, долгими часами работы, желанием накопить капитал, надеждой на образование детей, предпринимательской активностью. В области социальных установок наблюдаются стремление к новшествам, высокое чувство ответственности, планирование действий, рациональный расчет, готовность к риску. Как рождается и развивается этот крайне важный синдром личности? Ключ предлагается искать в области социализации, в соответствующих предъявляемым требованиям воспитанию и обучении детей. С ранних лет им необходимо прививать уверенность в себе, настойчивость в достижении цели, уважение к напряженному труду. Как говорит Мак-Клелланд, посеяв мотивации достижения, пожнешь урожай экономического роста.

Конечно, как и в любой социологической теории, некоторые рассуждения Мак-Клелланда вызывают сомнения. Так, неясно, «кто обучает учителей», или, другими словами, почему родители и учителя нацеливают своих детей и учеников на достижения, а не ориентируют их на присоединение или власть. Далее, достаточно ли постулируемого «успеха» для объяснения экономического роста? Быть может, это необходимое, но не достаточное условие, ведь существуют кроме того определенные исторические обстоятельства или, скажем, ресурсы, которые имеют более осязаемый (материальный, технический, политический) характер? По меткому замечанию Ходака, «как расчленишь ситуацию, когда желание достичь успеха огромно, но средства для того, чтобы

реализовать это желание в предпринимательстве, либо отсутствуют, либо недоступны?»).

В любом случае, современность, рассматриваемая как эпоха инновационного общественного развития, предъявляет особые требования к человеку. Чтобы соответствовать этим требованиям, необходимо иметь определенные личностные установки, качества и ценности, которые бы позволили человеку эффективно участвовать в инновационных процессах. Как показывает И.Н. Дьяченко, усилия многих исследователей направлены сегодня на выделение и описание «личностного синдрома», «современного менталитета», «модели современного человека»².

Автор ссылается на исследования А. Инкелеса, который в результате сравнительного изучения шести развивающихся стран (Аргентина, Чили, Индия, Израиль, Нигерия и Пакистан), проведенного еще в 1970-х гг. под эгидой Гарвардского проекта по социальным и культурным аспектам развития, построил аналитическую модель современной личности. Оказалось, что ей присущи следующие черты:

1. Открытость экспериментам, инновациям и изменениям. Это может выражаться в готовности принять новое лекарство или прибегнуть к новому методу оздоровления, воспользоваться новым средством передвижения или средством информации, принять новую форму брачной церемонии или новый тип обучения молодежи.

2. Готовность к плюрализму мнений и даже к одобрению этого плюрализма; способность признавать существование разных точек зрения без опасения изменения собственного видения мира.

3. Ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое; экономия времени, пунктуальность.

4. Уверенность и способность современного человека преодолевать создаваемые жизнью препятствия. Это относится как к возможности покорения природы, так и к контролю над политическими, экономическими и другими социальными проблемами.

5. Планирование будущих действий для достижения предполагаемых целей как в общественной, так и в личной жизни.

6. Вера в регулируемость и предсказуемость социальной жизни (экономические законы, торговые правила, правительственная политика), позволяющие рассчитывать действия.

² Дьяченко И.Н. Русская историософия и «русская идея» в контексте современности и системы отечественного высшего образования XXI века. Электронный ресурс: www.t21.rgups.ru/doc2007/11/09.doc

7. Высокая ценность образования и обучения.

8. Чувство справедливого распределения, т.е. уверенность в зависимости вознаграждения не от случая, а от соответствия мастерству и вкладу.

9. Уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус или кто обладает меньшей властью.

Авторы исследования считают, что выделенные личностные качества взаимообусловлены, т.е. если у человека есть одна из перечисленных черт, то наверняка обнаружатся и другие. Поэтому можно говорить не только о тех, кто наделен отдельными современными характеристиками, но и о людях, которых правомерно назвать современными.

Исследования мотивации, приводящей к социальному успеху индивида и способствующей прогрессивному развитию общества, позволили уточнить и дополнить модель современной личности следующими характеристиками:

- отношение к действительности характеризуется любознательностью и стремлением управлять ей, что выражается в упорном поиске основных регуляторов с целью воздействовать на различные явления и контролировать их;

- принятие на себя ответственности за плохие стороны мира, сопряженное с поиском наилучших решений и попытками внести изменения;

- откровенность и терпимость с подчиненными, одобрительное отношение к их стремлению к новациям и оригинальности;

- творчество, стимулирующее самобытность и стремление к новизне, неукротимая любознательность.

Э.А. Лутохина, обсуждая вопрос о том, какой человек может быть успешным в условиях новой экономики, выделяет четыре значимых «черты»:

- интеллектуальность (все большая доля работников в течение своего рабочего дня занята интеллектуальным трудом, поиском и использованием необходимой информации, решением задач проблемного типа);

- инновативность (особая способность воспринимать, понимать, стремиться и уметь ввести (найти и использовать) новации в экономике);

- способности к партнерству (особому виду отношений между основными социальными субъектами, которые обеспечивает сбалансированность их экономических интересов и действий на основе переговорно-договорного процесса);

- образовательную мобильность (способность человека к непрерывному образованию, непрерывному обучению и переобучению)³.

³ Лутохина Э.А. Модель человека в новой экономике // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004 № 2.

При этом, говоря об интеллектуальности, автор ссылается на министра труда США Р. Райча, который в своей книге «Работа в разных странах» отнес к категории интеллектуального труда почти 50% рабочей силы Америки и сделал вывод: работников интеллекта становится все больше, а информация и знания для них выполняют роль и сырья и продукта.

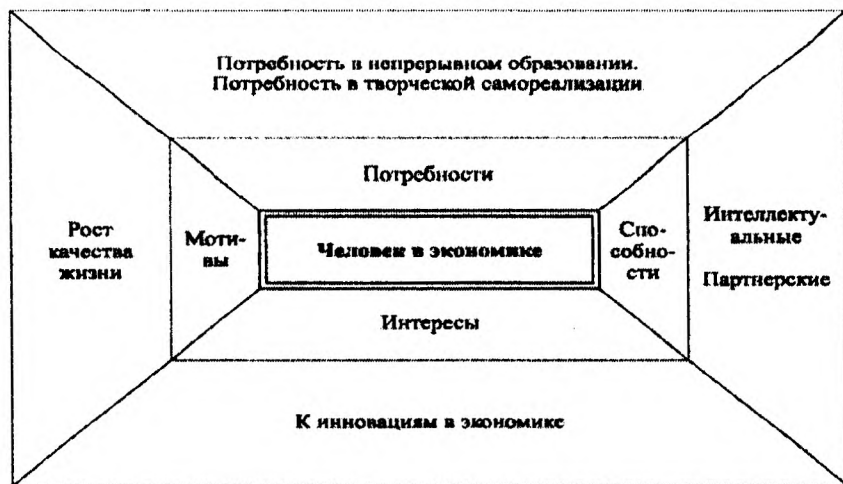
Автор полагает, что все названные выше основные черты человека связаны с новой экономикой и ее особенностями. По мнению Э.А. Лутохиной, это служит веским аргументом к тому, чтобы их совокупность считать «основой новой модели человека», обусловленной формированием новой экономики (см. рис. 1). Именно такая модель, с точки зрения ее автора, несмотря на ее объективную обусловленность, должна целенаправленно формироваться, регулироваться обществом и государством и быть, поэтому важной составляющей современной государственной политики.

В принципе, соглашаясь с теми чертами, личности, которые, по мнению автора, составляют основные признаки «нового человека для новой экономики», отметим один существенный, на наш взгляд, момент, касающийся такой черты, как интеллектуальность. В одном из современных американских учебников подчеркивается: «Если бы для успешной работы требовался только высокий интеллект, то все, добившиеся успеха, были бы умными людьми. Однако вместо того, чтобы выискивать лишь общие способности, следует попытаться определить, *какова мотивация человека, насколько он инициативен и способен взяться за работу и довести ее до конца, а также контролировать страх потерпеть неудачу...* Такой подход скорее, чем проведение интеллектуального теста, позволит привлечь и сохранить продуктивных сотрудников»⁴.

В приведенной модели сложнее всего выделить самый значимый для нас показатель, а именно *мотивационную готовность человека к инновационной деятельности*. В социологии уже сложились определенные представления об этом феномене. Так Ю.А. Карпова считает, что именно в инновационной деятельности человек реализует имманентно присущую ему творческую. «Тогда готовность к инновационной деятельности можно рассматривать как некую сформированность личностного ресурса человека, обеспечивающую свободу его интеллектуальной самореализации в условиях изменяющейся социальной реальности»⁵.

⁴ Дж. Л. Гибсон. Организация: поведение, структура, процессы / Дж.Л. Гибсон, Д.М. Иванцевич, Д.Х. Доннелли: Пер. с англ. 8-е изд. М.: Инфра-М, 2000. С. 85.

⁵ Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики: Учеб. пособие. СПб.: Питер. 2004. 192 с.

Новые черты модели человека, связанные с новой экономикой

Рис. 1. Модель человека

Но и в психологии понятие «мотивационная готовность» не получило пока корректного определения. Одно из типичных определений: «мотивационная готовность представляет собой многоуровневое, многостороннее и статико-динамическое явление психики человека, способное к ситуационным изменениям и адаптации в процессе учебно-познавательной деятельности»⁶. Из подобного определения понятия трудно понять, что стоит за этим загадочным «психическим явлением», почему оно способно к «ситуативному изменению» и кто на самом деле является субъектом адаптации – психическое явление или человек. Существует также понятие «социально-психологическая готовность к предпринимательской деятельности», которая «представляет собой совокупность разноуровневых особенностей:

а) личностных (устойчивая предпринимательская направленность, выраженность продуктивно-деятельностных мотивов и предпочтений, оптимальная уверенность, сила воли);

б) социально-психологических (наличие коммуникативных и организаторских способностей, оптимального стиля управления и конструктив-

⁶ Александров А.Г. Психологические механизмы формирования мотивационной готовности к учебно-познавательной деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 1999

ного поведения в конфликтных ситуациях, склонность к деловому риску, конкурентоспособность, доминировании нормативных терминальных и инструментальных ценностей);

в) индивидуальных (эмоциональная устойчивость, ригидность)⁷.

В.В. Синов задается вопросом, какими же личными качествами должны обладать люди, способные выполнять предпринимательскую функцию, полагая, что предприниматель по своей природе является *инноватором*, то есть человеком с особым психологическим профилем. Миссия инноватора – «активизировать дремлющие экономические возможности, вовлекать их в оборот. Было отмечено, что большинство авторов в первую очередь обращают внимание на психологический склад человека, тип характера. При этом подчеркиваются очень разные свойства:

- интеллект и нацеленность на новое знание (И. Кирцнер);
- воображение и изобретательность (Дж. Шэкль);
- личная энергия и воля к действию (И. Шумпетер, Ф. Визер);
- сочетание ума и интуиции (В. Зомбарт, Дж. Ронен);
- потребность в достижении цели (Д. Макклелланд, Дж. Аткинсон);
- повышенная склонность к риску (А. Тверски, Д. Канеман)⁸.

В.И. Верховин и С.Б. Логинов⁹, исследуя феномен предпринимательского поведения, выделяют те качества инноваторов, которые позволяют им быть успешными предпринимателями:

- мотивация достижения (Д. Макклелланд);
- склонность к риску в ситуациях возрастания ценности результата (Дж. Аткинсон);
- склонность к усложнению поведенческих задач в ситуациях риска (Б. Вайнер);
- интернальность поведенческих реакции (Дж. Роттер);
- способность к нестандартному решению эвристических задач в условиях дефицита времени (Дж. Ронен);
- способность к оперативной альтернации рискованных ситуаций (А. Маккриммон);
- стрессоустойчивость (Кетс де Фриз);

⁷ Амирян Д.С. Исследование социально-психологической готовности к предпринимательской деятельности и условий ее формирования в процессе вузовской подготовки специалистов: Дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2003.

⁸ Синов В.В. Социально-психологические аспекты инновационного предпринимательства // Российское предпринимательство. № 6. 2005.

⁹ Верховин В.И., Логинов С.Б. Феномен предпринимательского поведения // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 62–68.

- креативность – творческие элементы дивергентного мышления (Д. Гилфорд);
- энергетические и волевые способности предпринимателя;
- врожденные и приобретенные качества, побуждающие индивидов выбирать, часто вопреки здравому смыслу, венчурные модели самореализации.

Отечественные исследователи так же не избежали соблазна реализовать путь от продуктивной инновационной деятельности к анализу личностных качеств, которые и делают ее продуктивной. Естественно, что на первое место в этих поисках вышла связь «интеллект – творческие возможности человека – инновационная деятельность».

Так, в исследовательском проекте, реализованного группой ученых, обосновывают введение в научный оборот понятия «*инновационный интеллект*» личности и осуществляется попытка нащупать связи инновационного интеллекта личности с продуктивностью инновационной деятельности¹⁰. Необходимость разработки такого понятия вызвано потребностью закрыть разрыв (ранее уже отмеченный нами) проявляющейся в том, что высокие результаты существующих тестологических измерений интеллекта человека не подтверждаются его успехами в практической деятельности, требующей решения плохо структурированных задач.

«*Инновационный интеллект личности* – это образ ее мыслей, позволяющий осознать и проанализировать возникшее в культуре противоречие и для его устранения выдвинуть идею и реализующее его творческое решение, которого не было на предшествующих стадиях развития культуры, после чего с учетом возможных последствий способствовать его социализации в культуре». Авторы проекта полагают, что закономерность связи между продуктивностью инновационной деятельности человека и его инновационным интеллектом ими установлена экспериментально. Однако некоторое сомнение вызывает то, что «под *продуктивностью инновационной деятельности личности* (творческого коллектива) понимается число успешно решенных (в процентном отношении) задач дивергентного типа (плохо структурированных задач) из общего числа возникающих задач данного класса в процессе реализации инновационного процесса». Здесь не оценивается как продуктивный момент само порождение инновационной деятельности, смыслообразование и ценностная детерминация ее, целесооб-

¹⁰ Ефремов О Ю., Литвиненко С.В. и др. Инновационный интеллект личности и его закономерная связь с продуктивной инновационной деятельностью. Режим доступа. www.psy.su/psyche/news_gold_psyhe/2797/

разование, приводящее к возникновению «плохо структурируемых задач» и вообще природа возникновения таких задач.

Итак, научно обоснованных решений проблемы мотивации к инновационной деятельности не удалось получить ни в рамках классических теорий, ни в теориях, которые могут быть отнесены к неклассическим. Однако было выделено достаточно много различных эмпирических показателей и личностных критериев, связанных с процессами возникновения побуждения к инновационному поведению. Эти критерии удалось выявить в процессе изучения личности инноваторов – людей проявляющих склонность к предпринимательской деятельности или добившихся в ней значительных результатов. Иными словами, основное внимание исследователей привлекала (и привлекает до сих пор) проблема личностной обусловленности мотивационных процессов, обеспечивающих включение человека в инновационную деятельность. Основным вопросом, которым они при этом задавались, заключался в определении того, какими личными качествами должны обладать люди, способные выполнять предпринимательскую функцию, полагая, что предприниматель по своей природе является *инноватором*, то есть человеком с особым психологическим профилем.

Можно представить, что совокупность всех этих показателей и обуславливает личностный ресурс, определяющий инновационный потенциал человека. Однако при этом остается нерешенным ряд проблем:

- все эти показатели, будучи эмпирическими, не представляют собой системы: их включение в инновационный потенциал человека не фундаментально теоретически, они «пересекаются» между собой, в чем-то дублируя друг друга, но возникает ощущение, что они при этом не являются и рядоположенными, представляя собой детали разноуровневого ансамбля;

- даже если представить, что эти показатели достаточно полно характеризуют инновационный потенциал человека, остается проблемой, каким образом и почему потенциальные возможности человека актуализируются в одних условиях, и не актуализируются в других;

- классически и неклассически ориентированная психологическая мысль не смогла преодолеть дихотомию внутренних и внешних факторов, обуславливающих возникновение побуждения к инновационной деятельности «здесь и теперь»; преодоление указанной дихотомии возможно в рамках принципа системной детерминации (как одного из методологических средств постнеклассической науки);

- так называемый «диалектический метод» предполагает рассмотрение всех явлений и процессов «во всеобщей взаимосвязи, взаимообу-

словленности и развитии», что позволяет выделить три взаимосвязанных принципа: системности, причинности (детерминизма) и развития; именно эти три принципа выделил когда-то психология в качестве приоритетных, но только сегодня они начинают связываться не декларативно, не путем «методологического слипания» в некоем абстрактном их единстве, а путем выделения саморазвивающейся системы (человек).

Прогнозируя содержательный состав концепции мотивации к инновационному поведению, на основе которой можно осуществить обоснованный отбор содержательных компонентов указанной мотивации, можно выделить такой показатель как *инновативность человека*. Она представляет собой его (человека) интегральную (системную) характеристику, включающую в себя две основные составляющие, обуславливающие инициацию (порождение) инновационного поведения: инновационный потенциал личности и мотивационную готовность к инновационному поведению.

Мотивационная готовность к инновационной деятельности представляет собой способность человека инициировать инновационное поведение в тех условиях, когда в среде открываются возможности, соответствующие его личностному ресурсу (инновационному потенциалу), выступающему в качестве базального основания возникновения побуждения к инновационной деятельности. Основная характеристика – *модальность эмоционально-установочного комплекса (эмуса)*, учитывающая особенности установок (на уход от инноваций или включение в них) связанных со смыслами и ценностями, намечающими сектор жизненного пространства человека, в котором можно инициативно осваивать и реализовывать новые формы поведения и деятельности.

В рамках нескольких завершенных исследовательских проектов, выполненных в рамках теории психологических систем (ТПС), показано, что по сочетанию локуса ригидности – флексибельности и локуса интернальности – экстернальности можно делать заключение о *степени открытости* человека как самоорганизующейся системы. Связь между личностной инновационностью и внутренним локусом контроля была показана исследования С. Мюллера и А. Томас¹¹. По мнению авторов, здесь проявляется влияние социокультурных факторов на формирование специфической ориентации на предпринимательскую и инновационную активность, каковая и может проявляться на уровне отдельного субъекта,

¹¹ Mueller S.L., Thomas A.S. Culture and entrepreneurial potential: A nine country study of locus of control and innovativeness // Journal of Business Venturing. 2001. Vol. 16, iss. 1. P. 51–75.

так и на уровне группы, команды или целой организации. При этом такая ориентация проявляется в наибольшей степени в тех индивидуалистских культурах, которым присущ низкий уровень избегания неопределённости, т.е. высокая толерантность к ней. Исследования, выполненные в рамках ТПС, показали, что сам по себе высокий показатель локуса внутреннего контроля (интернальность) не имеет особого значения на фоне высокой ригидности, т.е. у людей с трудностями с перестройки поведенческих стереотипов и установок. Но он имеет смысл в сочетании с локусом флексибельности, выступая как параметр открытости человека, понимаемого в качестве самоорганизующейся системы¹².

Инновационный потенциал человека можно представить состоящим из трех основных блоков, иерархически связанных между собой. Он включает в себя:

1. Личностные качества, такие как толерантность к неопределенности, способность к оправданному риску, ответственность, потребность в самореализации, мотивация достижения, рефлексивность, креативность (качества интеллекта, интеллектуальная инициатива).

2. Компетенции, прежде всего такие, как проектная компетентность, коммуникативная компетентность, информационная компетентность.

3. Витальность (особенности ценностно-смысловой организации жизненного мира, жизнестойкость, суверенность, трудоспособность, мобилизационный потенциал, уровень саморегуляции, ориентация человека на определенное качество жизни).

5.2. Возможности образовательных моделей для становления инновационного потенциала личности

Можно выделить три образовательных модели, соответствующих трем типам исторически складывавшихся культур, закономерно сменяющих друг друга. В этой смене культур просвечивает тенденция, выводящая к инновационной личности. Анализ тенденции позволяет объектива-

¹² Ключко Ю.В. Ригидность в структуре готовности человека к изменению образа жизни. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2002; Григоричева И.В. Мотивация достижения у людей с разной субъективной оценкой успешности самореализации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2003; Ходжабабянц Т.Г. Динамические характеристики ментального пространства человека и их проявление в процессах вхождения человека в иную культуру. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2007.

цию некоторые существенные характеристики подготовки (развития) инновационной личности, которые уже проявились, обозначились в образовательном пространстве уходящей эпохи.

Итак, в культурологии выделяют архаичную культуру, индустриальную культуру и постиндустриальную культуру, становление которой происходит сегодня, определяя культуросообразность новой образовательной модели, т.е. модели, отвечающей новым социо-культурным реалиям.

Архаичная культура выработала образовательную модель, ориентированную на воспроизводство поведенческих стереотипов и мышления, направленного на удержание традиций и следование авторитетам. Статичность существования в природе, относительно медленная социальная динамика, внешняя заданность активности, образ жизни, определяющий образ мира и отсутствие противоречий между ними – все это привело к тому, что образовательная модель этой эпохи предполагала беспроблемное вхождение в культуру. Сама культура при этом была еще достаточно архаичной, оставаясь на догосударственной (раннегосударственной) стадии развития человечества культурой этноса.

Индустриальная культура породила свою модель образования, свой тип социального наследования, основным содержанием которого стали научные знания, а основным способом их передачи – трансляция, основанная на монологе учителя. Индустриальная культура, возникшая в процессе машинного производства, вывела на первый план принципиально иной тип жизнеобеспечивающего ресурса. Человек стал не просто использовать природу, но преобразовывать ее. Производство стало определять образ жизни и стиль мышления человека. Статичность существования в природе сменилась динамикой ее преобразования, ощущение прогресса изменило восприятие мироздания. Массовое внедрение научных знаний в производство стало залогом экономического прогресса. Культура стала обретать черты рационализма, в мышлении стали доминировать идеалы рациональности. Сначала возник тот идеал, который сегодня называют классическим. Он практически полностью вытеснил иррациональное (эмоциональное) за пределы образовательного процесса. Неклассическая рациональность стала признавать единство рационального и иррационального, но это практически не отразилось на отборе содержания образования: предметы, дающие рациональные, полезные знания, заняли доминирующее положение в образовательном пространстве. Отраслевая по своей сути индустриальная культура обусловила предметный характер обучения, задавала тем самым предметный тип преподавания и,

слившись с идеей прогресса, обусловила «ступенчатый» характер всей образовательной инфраструктуры. Связанное с идеей прогресса разделение содержания знания в науке на исходное, фундаментальное и производное стало основанием структурирования знания и деление его на «порции», которые «подаются» в определенной последовательности.

Постиндустриальная культура, которую называют еще информационной, является характеристикой новой эпохи, в которой *творческий потенциал человека превращается в основную производительную силу*. Таким образом, обществоведы зафиксировали изменение основного жизнеобеспечивающего ресурса: *им становится сам человек со способностью к саморазвитию, самоорганизации, инновации и творческому преобразованию информации*. Если стимулом индустриальной эпохи было повышение уровня жизни, то стимулом постиндустриализма становится повышение качества жизни. Денежный доход превращается в средство обеспечения свободного времени, направленного на саморазвитие.

Наука постиндустриальной эпохи начинает опираться на идеалы постнеклассической рациональности и делает предметом своего исследования открытые «человекоразмерные» *саморазвивающиеся системы*. Здесь, с нашей точки зрения, намечается основной прорыв образовательной теории и практики. *Без опоры на новые идеалы рациональности, но новое научное мышление, система образования не сможет выполнить новый социальный заказ, заключающийся в становлении инновационной личности*. Подготовка человека, способного к саморазвитию и самореализации, умеющего понять новое, вписать его в свою деятельность, отказаться от уже существующего стереотипа, все это становится общественной ценностью, центрируя на этом смысл и суть образовательной практики. Вывод, к которому приходят аналитики: необходимо сформировать инновационную модель образования, которая была бы адекватна новым социо-культурным реалиям.

В связи с этим возникает вопрос о возможности и целесообразности переноса в образовательное пространство России опыта формирования инновационной личности, который сложился в мировой образовательной практике, в том числе и тех странах, которые раньше других вступили в постиндустриальную фазу развития? Для ответа на этот вопрос рассмотрим две образовательных модели.

В научной литературе принято выделять «европейскую» и «азиатскую» модели образования. Признается, что европейская система образования менее совершенна по сравнению с азиатской моделью, на чем на-

ставляет независимое исследование экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Аналитики считают, что одной из главных проблем является недостаточная открытость системы для представителей различных слоев общества¹³. Однако, если вести речь об инновационном потенциале людей, проходящих через эти системы, то картина получается несколько иная.

Известно, например, что европейцы обладают превосходством в творческих достижениях и вместе с тем в среднем имеют более низкий IQ и более низкие достижения школьников в области математики и естественных наук, чем восточные азиаты. Как можно объяснить это несоответствие? По мнению ряда исследователей, ответ на этот вопрос состоит в том, что восточные азиаты являются конформистами и это подавляет творчество, которое неизбежно подразумевает несогласие или отход от социальных норм и принятых стереотипов мышления. Ч. Мюррей писал о «клише, согласно которому у восточных азиатов много ума, но недостает креативных способностей»¹⁴. Говоря о японцах, Н. Шиота, С. Краус и Л. Кларк замечают, что «популярные и научные характеристики японцев часто подчеркивают их стремление поддерживать гармонию с другими внутри группы»¹⁵, а К. Хан пишет о корейцах, что «обычно их высшей ценностью является сохранение хороших отношений с другими людьми своей группы»¹⁶.

Р. Линн в исследованиях национальных различий личностной черты «открытость опыту», определяет ее как «относящуюся к научной и художественной креативности, дивергентному мышлению и политическому либерализму»¹⁷. Сущность этого измерения – открытость чувствам и новым идеям, гибкость мышления»¹⁸. Было показано, что Открытость опыту коррелирует с различными показателями креативности, включая ди-

¹³ *Европейская система образования проигрывает азиатской модели*. Режим доступа: <http://www.planetaedu.ru/articles/357>

¹⁴ Murray C. *Income Inequality and IQ*. Washington, DC: AEI Press, 1998. P. 38

¹⁵ Shiota N.K., Kraus, S.S., Clark L.A. Adaptation and validation of the Japanese MMPI-2 // J.N. Butcher (Ed) *International Adaptations of the MMPI-2*. Minneapolis, MN: University & Beals K.L. (1990); *Cultural correlates with cranial capacity* // *American Anthropologist*. 1996. 92. 193–200 P. 84.

¹⁶ Han K. The Korean MMPI-2 // J.N. Butcher (Ed.). *International Adaptations of the MMPI-2*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1996. P. 90.

¹⁷ Lynn R. Race differences in intelligence, creativity and creative achievement // *Mankind Quarterly*. 2007. № 48 (2). P. 157–168.

¹⁸ Wang M., Erdheim J. Does the five-factor model of personality relate to goal orientation? // *Personality & Individual Differences*. 2007. № 43 P. 1493–1505.

вергентное мышление. Отсюда берет начало гипотеза о том, что европейцы более креативны, чем восточные азиаты, и что это является причиной превосходства первых в творческих достижениях.

Все эти данные, безусловно, интересны с точки зрения влияния национального менталитета на инновативность личности, заставляя задуматься об особенностях российского менталитета и, прежде всего, таком его качестве как патернализм. Поэтому прямое перенесение западного или азиатского опыта в образовательное пространство России вряд ли может быть оправданным. В любом случае, он или не приживется, или потребует определенной перестройки не только сознания всех субъектов образовательного процесса, но затронет практически все сферы жизнедеятельности российского сообщества. Социологи не случайно выделяют в качестве наиболее ярких отличительных черт россиян исторически сложившиеся тенденции к коллективизму, сотрудничеству, открытости, доверию. Американцы же характеризуются ярко выраженной автономностью, индивидуализмом, рационализмом. Можно полагать, что ментальность определяет существенные признаки образовательной модели, а не наоборот. Из этого следует, что ни западный, ни азиатский образовательный опыт нельзя заимствовать непосредственно, т.е. без учета его соответствия российской ментальности, сложившимся принципам российского образования. На западе личность автономна, и это надо рассматривать как качество, развившееся исторически и преломленное (усиленное) особенностями индустриальной эпохи, которую запад встретил и пережил как капитализм определенного образца, как демократию, соответствующую этому образцу, как систему ценностей, соответствующую этой демократии. Связь автономности личности с менталитетом народа, с одной стороны, и с креативностью (инновационностью), с другой, практически снимает задачу по формированию инновационной личности как особую задачу образования, основанного на западной образовательной модели.

Если в основу дифференциации образовательных моделей, имеющих хождение в России, положить базовый тип отношений между учителем (профессионалом – носителем культурного образца) и учеником, то можно убедиться в том, что заимствований образовательного опыта, прежде всего, западного, в этих моделях предостаточно. Причем этот опыт настолько врос в российские образовательные модели, что уже не опознается в качестве того, что пришло со стороны.

Например, самой распространенной моделью обучения в российском образовании является модель «конвейера». Эта классическая модель оформилась на базе европейского (немецкого) университета. Она являет-

ся и самой распространенной в условиях массового мирового образования, и самой доминирующей практически во всех вузах нашей страны. Данная модель ориентирована, прежде всего, на передачу твердых и глубоких знаний классических образцов из наук и искусств¹⁹. Внутри модели можно выделить уровни передачи объема информации, «упакованной» в учебные предметы, предметной подготовки, профессиональной академической подготовки, основанной на создании ситуаций самоопределения через разработку и внедрение авторских курсов, мастерских, лабораторий. Развитие образования в этой модели выстраивается как все большее умножение учебных текстов и расширение учебных программ. С развитием наук и искусств увеличивается объем знаний о них, усложняются по материалу учебные программы. С появлением очередной научной дисциплины – появляется новый учебный предмет. Таким образом, образование по своей организации становится некоей калькой с системы наук и искусств, в которой совокупность отчужденного знания упаковывается в учебные программы и предметы и транслируется по конвейеру новым поколениям. В силу массового характера образования все учебное знание выстраивается в определенную последовательность (конвейер), оно прикрепляется за носителем (преподавателем). Студент на входе проходит отбор, затем проходит по этому конвейеру как по цепочке и на выходе выпускается как специалист, знающий и прослушавший тот или иной курс. Управление данным конвейером осуществляется с помощью государственной, ведомственной лестницы, построенной по иерархическому принципу. В принципе, такая модель является детищем индустриальной эпохи и может быть эффективной в странах с особой ментальностью, каковая и компенсирует дефициты инновационных потенциалов человека, порождаемые образовательной моделью, его автономизацией, берущей начало в ментальности общества.

Проектная модель – это неклассическая модель, построенная на модели американского университета, которая предполагает практикоориентированное проектное образование, прикрепление студентов к кафедральным проектам, выстраивание индивидуальных траекторий. «Она формируется после второй мировой войны как проектноигровая, в которой образование строится как пространство опережающего имитационного проигрывания различных ситуаций, в ходе которого готовятся профессионалы, способные сами создавать новые нормы и образцы, новые

¹⁹ Смирнов С.А. Практикуемые модели социально-гуманитарного образования // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России. М., 2003. С. 156–157.

типы и структуры деятельностей. В этом смысле данная модель готовит на основе знания о прошлой деятельности, игры в настоящем – профессионала, работающего в будущем»²⁰. По мнению С.А. Смирнова, такая модель в течение 90-х гг. XX в. стала развиваться в различных регионах страны и была опробована в разных формах и разном масштабе в Красноярском госуниверситете, в Новосибирском государственном педагогическом университете, в Высшей Школе экономики (ГУВШЭ), в ряде вузов Екатеринбургa, Омска, Томска, Калининграда.

Сетевая модель или организация образования по сетевому принципу, по мнению различных авторов, это то будущее, которое приходит вместе с постиндустриальным, информационным обществом. Считается, что именно сетевая форма может обеспечивать содержательность (культурную событийность) образовательной траектории обучающегося. В такой форме образования события субъектности, ситуации самоопределения, самопроектирования и самоорганизации становятся не случайным, а педагогически проектируемым эффектом гуманитарного образования.

В отличие от предыдущих моделей, которые в культуре состоялись, данная модель является поисковой, она находится еще на стадии проектных и изыскательских работ. В качестве некоторых экспериментальных проектов она разрабатывалась и запускалась в ряде мест группами разработчиков. Но как целостный и исторический культурный феномен она еще не состоялась. В этой модели главной фигурой становится «трансфессионал» (термин, уже принятый и неоднократно озвученный в ряде работ в разных профессиональных сообществах). Он возник в 90-е гг. XX в. возник и постепенно утвердился в методологическом сообществе (см., например, работы О. Генисаретского, С. Смирнова, Л. Рыловой и др.). Эта новая позиция не имеет жесткой привязки к какой-либо определенной профессиональной деятельности как одной культурной норме. Напротив, «трансфессионал – это человек-навигатор, плавающий по сетям-коммуникациям «мирового образования», строящий свой собственный идеальный образ по своим авторским «стандартам», постоянно проблематизируя и преодолевая свое ставшее состояние, открывающий и порождающий все новые горизонты своего культурного «Я»²¹. То есть

²⁰ Смирнов С.А. Практикуемые модели социально-гуманитарного образования // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России. М., 2003. С. 156–157.

²¹ Рылова Л.Б. Методологические основания инновационной модели современного профессионального образования как открытого образовательного пространства // Вестник Удмуртского университета. 2005. Вып. 9: Психология и педагогика. С. 173.

речь уже идет «о переходе от профессии как ношении и жесткой фиксации одной нормы – к трансфессии и навигации как способности строить и перестраивать массивы знаний и практик под проекты и двигаться по сетевым образовательным лабиринтам»²².

Верно, что образование вынуждено становиться сетевым и не только в смысле создания информационных банков и информационных потоков и обеспечения доступа к ним через систему «мировой паутины», но и в смысле открытости и доступности разных культурных практик для разных потребителей и субъектов образования. Но столь же верно, что деинституализация образования на данной стадии общественного развития вряд ли возможна и целесообразна. Сегодня важно оценить в какой степени элементы сетевой модели могут быть использованы в проектной модели, достаточен ли уровень суверенности личности для самостоятельного (без посредников) диалога с культурой, развита ли у человека потребность в саморазвитии и самореализации, насколько человек мотивационно готов к самоизменению, насколько у него развита толерантность к неопределенности, чтобы уверенно двигаться «по сетевым образовательным лабиринтам», которые он сам же проектирует и организует.

Легко заметить, что суверенность личности, ее потребность в саморазвитии и самореализации, толерантность к неопределенности, способность преодолевать сложившиеся поведенческие стереотипы, мотивационная готовность к самоизменению – это все показатели *инновационной личности*. Такая личность действительно может рискнуть пуститься в плавание «по сетям-коммуникациям мирового образования» и даже попытаться строить «свой собственный идеальный образ по своим авторским «стандартам». Однако, формирование инновационной личности надо начинать не в вузе, а в системе общего образования – когда идет процесс суверенизации и закладываются основные потенции человека как существа, которому предстоит жить и работать в инновационном обществе, в условиях динамичных изменений экономической политики.

В рамках системной антропологической психологии, разрабатываемой на факультет психологии Томского государственного университета, получены знания о том, как формируется «многомерное пространство жизни» человека, как последовательно это пространство обретает новые измерения, и вслед за этим поднимается на новые уровни сознание человека. При этом сам человек выходит на новые ступени суве-

²² Смирнов С. А. Практикуемые модели социально-гуманитарного образования // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России. М., 2003. С. 121.

ренности, становясь все более открытой системой, и требуя для себя другую образовательную среду, которая сделала бы этот процесс суверенизации непрерывным и сообразованным с ним. Теория и практика образования должна включить в число своих приоритетных задач особую задачу по сообразованию этих требований с образовательными действиями и воздействиями. Образовательные проекты должны соответствовать этим ожиданиям, т.е. должны быть сообразованы с теми закономерностями становления человеческого в человеке, которые нельзя игнорировать или пытаться обойти с помощью даже самых современных образовательных (педагогических) «технологий». Только при соблюдении такого соответствия можно обеспечить режим саморазвития человека в условиях институционально понятого образования. Ребенок человека – это особый феномен, сущность которого составляет сконцентрированная в пределах его маленького тела возможность (стать человеком), находящаяся в состоянии напряженного ожидания тех внешних условий, взаимодействие с которыми позволит этой возможности превратиться в действительность. Эквифинальность – динамическое свойство образовательной системы, организующей перевод детей, выходящих к общему старту из различных начальных состояний, в одно и то же финальное состояние – стать человеком, быть человеком. Закономерности же лежат не в разнообразии путей перехода, что само по себе понятно, а в наличии тех устойчивых стадий и этапов, которые обязательно пройдет ребенок, прежде чем станет полным (или целым) человеком – суверенной личностью, способной к инновационной деятельности. Как по отношению к миру, так и себе самому (самостроительство, саморазвитие и т.д.)²³.

Возвращаясь к вопросу о том, насколько проблема развития инновационной личности представлена в психологических теориях, отметим, что наиболее представительным в психологии является понимание процесса развития личности, основанное на представлении о развитии как *формировании* значимых черт, свойств или качеств личности. Это понимание переносится и на процесс формирования личности будущего инноватора, реанимируя укрепившуюся педагогическую традицию видеть в воспитании процесс формирования человека с заранее заданными свойствами и качествами, которые отвечают принятым в обществе ценностным императивам, поведенческим стереотипам, социальным

²³ Системной антропологической психологией, и ее связи с образовательной практикой посвящен специальный выпуск журнала «Психология образования» (2008. № 8).

установкам и т.д. Ставятся вопросы о том, какими личностными качествами должны обладать люди, способные выполнять предпринимательскую функцию. При этом предполагается, что предприниматель по своей природе является *инноватором*, то есть человеком с особым психологическим профилем. Миссия инноватора – «активизировать дремлющие экономические возможности, вовлекать их в оборот». Было отмечено, что большинство авторов в первую очередь обращают внимание на психологический склад человека, тип характера. При этом подчеркиваются очень разные свойства: интеллект и нацеленность на новое знание (И. Кирцнер), воображение и изобретательность (Дж. Шэкль), личная энергия и воля к действию (И. Шумпетер, Ф. Визер), сочетание ума и интуиции (В. Зомбарт, Дж. Ронен), потребность в достижении цели (Д. Макклелланд, Дж. Аткинсон), повышенная склонность к риску (А. Тверски, Д. Канеман)²⁴.

В.И. Верховин и С.Б. Логинов²⁵, исследуя феномен предпринимательского поведения, выделяют те качества инноваторов, которые позволяют им быть успешными предпринимателями: мотивация достижения (Д. Макклелланд), склонность к риску в ситуациях возрастания ценности результата (Дж. Аткинсон), склонность к усложнению поведенческих задач в ситуациях риска (Б. Вайнер), интернальность поведенческих реакции (Дж. Роттер), способность к нестандартному решению эвристических задач в условиях дефицита времени (Дж. Ронен), способность к оперативной альтернативе рискованных ситуаций (А. Маккриммон), стрессоустойчивость (Кетс де Фриз), креативность – творческие элементы дивергентного мышления (Д. Гилфорд), энергетические и волевые способности предпринимателя, врожденные и приобретенные качества, побуждающие индивидов выбирать, часто вопреки здравому смыслу, венчурные модели самореализации.

Отечественные исследователи так же не избежали соблазна реализовать путь от продуктивной инновационной деятельности к анализу личностных качеств, которые и делают ее продуктивной. Естественно, что на первое место в этих поисках вышла связь «интеллект – творческие возможности человека – инновационная деятельность». Так, обосновывают введение в научный оборот понятия «*инновационный интеллект*» лично-

²⁴ Синов В.В. Социально-психологические аспекты инновационного предпринимательства. // Российское предпринимательство. № 6. 2005.

²⁵ Верховин В.И., Логинов С.Б. Феномен предпринимательского поведения // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 62–68.

сти и осуществляется попытка нащупать связи инновационного интеллекта личности с продуктивностью инновационной деятельности²⁶.

Необходимость разработки такого понятия вызвано потребностью закрыть разрыв (ранее уже отмеченный нами) проявляющейся в том, что высокие результаты существующих психологических измерений интеллекта человека не подтверждаются его успехами в практической деятельности, требующей решения плохо структурированных задач. *«Инновационный интеллект личности* – это образ ее мыслей, позволяющий осознать и проанализировать возникшее в культуре противоречие и для его устранения выдвинуть идею и реализующее его творческое решение, которого не было на предшествующих стадиях развития культуры, после чего с учетом возможных последствий способствовать его социализации в культуре». Авторы полагают, что закономерность связи между продуктивностью инновационной деятельности человека и его инновационным интеллектом ими установлена экспериментально. Однако некоторое сомнение вызывает то, что «под *продуктивностью инновационной деятельности личности* (творческого коллектива) понимается число успешно решенных (в процентном отношении) задач дивергентного типа (плохо структурированных задач) из общего числа возникающих задач данного класса в процессе реализации инновационного процесса». Здесь не оценивается как продуктивный момент само порождение инновационной деятельности, смыслообразование и ценностная детерминация ее, целеобразование, приводящее к возникновению «плохо структурируемых задач» и вообще природа возникновения таких задач.

Итак, основное внимание исследователей привлекала (и привлекает до сих пор) проблема личностной обусловленности мотивационных процессов, обеспечивающих включение человека в инновационную деятельность. Основной вопрос, которым они при этом задавались, заключался в определении того, какими личными качествами должны обладать люди, способные выполнять предпринимательскую функцию. *Можно полагать, что наиболее сложной проблемой сегодня является осознание в широких кругах педагогической общественности того, что формирование в человеке личностных качеств, являющихся значимыми для осуществления инновационной деятельности, это еще не развитие инновационной личности.*

²⁶ Ефремов О.Ю., Литвиненко С.В. и др. Инновационный интеллект личности и его закономерная связь с продуктивной инновационной деятельностью. Режим доступа: www.psy.ru/psyche/news_gold_psyche/2797/

Сама проблема порождается проекцией старых образовательных средств, являющих собой технологизацию основных параметров ментальности уходящей эпохи, в новые условия, превращающаяся в попытку решать новую проблему старым способом. В связи с этим, новая проблема, каковой и выступает проблема развития инновационной личности, проблема необычная для педагогики, сформировавшейся в условиях индустриальной эпохи (далеко еще не пережившей себя), оказывается исходно преломленной системой сложившегося профессионально-педагогического мышления и тех устоявшихся приемов формирования личности, использование которых основано на синонимичности понятий «формирование» и «развитие».

Можно выделить две модели, олицетворяющие собой два подхода к проблеме подготовки инновационной личности в образовательном процессе. *Первая модель* – это развитие инновационной личности как ее формирование. *Вторая модель* – развитие инновационной личности как ее становление. В первой модели примат отдается внешним усилиям – формирующим педагогическим действиям и воздействиям. Во второй модели речь идет о саморазвитии личности, опоре на ее возможности и создание такой образовательной среды, в которых саморазвитие инновационной личности осуществляется оптимально.

Как выглядит теоретическая модель формирования инновационной личности? Чтобы сформировать такую личность, необходимо иметь своего рода психопрофессиограмму инноватора, построенную на основе анализа инновационной деятельности. Достигается это путем анализа личностных качеств успешных инноваторов и выявления среди них значимых качеств (или компетенций), которые предположительно и определяют успешность осуществляемой ими инновационной деятельности. Построив теоретическую модель процесса формирования инновационной личности, уже нет необходимости решать проблему организационно-управленческой интерпретации теоретической модели: она будет решаться в условиях старых организационно-управленческих форм. Однако это и не обеспечит решение проблемы развития системы регионального образования как ресурса инновационного развития региона.

Смысл непрерывного образования заключает в себе идею постоянного сообразования деятельности образовательных институтов с закономерностями саморазвития человека как открытой системы. Идея открытого образования предполагает подготовку суверенной личности, человека, открытого в природный и социальный мир, в мир культуры.

Следовательно, *«непрерывное образование» и «открытое образование» это не две разных идеи, а то, каким образом в образовательной системе отражается непрерывно идущий в человеке процесс человекообразования.* Этот процесс становления человеческого в человеке является условием его устойчивого существования в быстро меняющемся мире – в таком мире, который меняется человеком (инновационная деятельность) и вместе с человеком (инновационное образование). Удержать эту линию в качестве магистральной можно только в том случае, если 1) известна степень суверенизации человека, мера его открытости в мир, прежде всего в мир культуры, 2) отработаны способы активизации самостоятельного вхождения в нее, 3) если в диалоге с культурой, опосредованном педагогом, человек оказывается способным формировать собственное жизненное пространство. *(Здесь психолого-образовательное сопровождение как особый феномен).* Такое пространство, которое самим человеком воспринимается как поле приложения своих сущностных сил, как пространство нереализованных, но уже требующих своей реализации возможностей. Развитие инновационной личности предполагает переход от парадигмы «развитие как формирование» (социально-педагогическая сообразность) к парадигме «саморазвитие как становление» (культурно-психологическая сообразность). Это означает проектирование такой образовательной среды, которая отвечает возможностям человека, но при этом сам факт вхождения в нее обеспечивает переход возможностей в действительность, вызывая прирост инновационных потенций, таких как самостоятельность, вера в собственные силы, жизнестойкость, инициативность, толерантность к неизвестному, готовность включаться в инновационную деятельность.

5.3. Психолого-образовательное сопровождение становления инновационной личности в условиях профессионального образования

Стратегическим образовательным потенциалом и ресурсом эффективной реализации инновационных образовательных программ, реализуемых высшей школой, является, с нашей точки зрения, обращение к сфере психолого-образовательных технологий, обеспечивающих становление субъекта инновационной деятельности с выраженной готовностью к саморазвитию и самоорганизации. В условиях массовости современного образования, процессов глобализации и информатизации особую роль

приобретает не просто академическое схватывание гуманитарными и общественными науками реальности общественно исторической практики, но построение особых технологий работы с этой реальностью – «гуманитарных технологий». В этом ряду работа с психологической реальностью формирования профессионала и личности в инновационном образовательном пространстве представляется чрезвычайно важной. Кроме того, личностный аспект подготовки специалиста для инновационного сектора экономики приобретает сегодня особое значение постольку, поскольку профессиональная деятельность в период «глобальных инноваций» основана на расширении границ осознания человеком своих возможностей, самостоятельной активности в определении альтернативных и эффективных для конкретной ситуации профессиональных сред и способов самореализации, обретении согласия с самим собой в контексте задач общества. В обращении к этому аспекту подготовки специалиста видится возможность адекватного ответа высшей школы на серьезный вызов современному образованию, заключающийся в признании того факта, что наиболее важным и значимым ресурсом общественного и экономического развития страны становится *человеческий ресурс*. При этом речь идет о реальной стратегической ориентации экономики, бизнеса, социального развития на создание *человеческого капитала*.

Неслучайно в Программе приоритетных задач социально-экономического развития Российской Федерации указано, что роль современного образования заключается в создании условий для повышения конкурентоспособности личности, развитии инновационной сферы, изменении структуры экономики в пользу наукоемких отраслей, формировании трудовых ресурсов, способных воспроизводить и развивать материальный и интеллектуальный потенциал страны, обеспечении социальной и профессиональной мобильности, формировании *кадровой элиты* общества, основанной на свободном развитии личности.

В этой связи современное образование представляется не просто сферой *воспроизводства* академического знания, передачи и усвоения «прошлого» опыта, оно приобретает статус *производства*, образования человеческого ресурса и капитала. Необходимо принять во внимание такое понимание сути инноваций в высшей школе, которое позволяет рассматривать их в контексте антропологических оснований проектной и инновационной деятельности в образовании. Это приводит к переосмыслению понимания самой сущности и результатов процесса подготовки специалистов, способных к организации инновационной деятельности в сфере

образования и экономики. Сегодня на смену парадигмы «поддерживающего» или «просветительского» образования, приходит инновационная парадигма образования, важнейшей составляющей которой становится идея «образования в течение всей жизни» или непрерывного образования со всеми присущими ему атрибутами: открытостью, преемственностью, ориентацией на компетентностный подход.

Проблема заключается в том, что имеющиеся различные психологические и педагогические технологии в образовании, модели психологического сопровождения, институциональные формы образовательных практик как раз и возникали в рамках уходящих парадигм «поддерживающего» или «просветительского» образования. Будучи составной частью такого образования, они были призваны «обслуживать» его. Таким образом, за всеми ними стоят различные образцы (модели) процесса подготовки профессионалов. Сегодня требуется другой подход – подход, ориентированный на развитие личности современного профессионала, который учитывал бы соответствие между объективными требованиями, предъявляемыми к человеку со стороны постиндустриального общества, и его способностью отвечать им. Это соответствие проявляет себя такими качествами человека, как инициативность, самостоятельность, ответственность, социальная и коммуникативная компетентность, познавательная активность, профессиональная компетентность, выраженная мотивация достижения и т.д.

От учреждений высшего профессионального образования требуется теперь не просто «готовить специалистов», но формировать человека, обладающего как профессиональной, так и личностной компетентностью. Решить эту задачу качественно и научно обоснованно можно только опираясь на психологическое знание: задача формирования личности является одной из традиционных задач педагогической психологии. Однако есть и более глубокий слой, определяющий актуальность проблемы. Речь, как нам кажется, идет об интеграции институционально определенного понятия образования, включающего в себя содержание и результаты деятельности образовательных институтов, с понятием образования как процесса становления человеческого в человеке, с которым имеет дело не педагогическая психология, а ее достаточно новая ветвь – психология образования. Роль и место психологических технологий должно быть определено в рамках построения системы профессионального образования антропоцентрического по цели, по содержанию и формам организации. Кроме того, необходимо учитывать, что продуктом инновационной

образовательной деятельности являются те изменения в человеке (участнике образовательного процесса), которые происходят в процессе самой деятельности. В инновационной деятельности человек выходит за пределы диктата нормативной (потребностной) детерминации и оказывается в пространстве сверхнормативной по своей природе детерминации возможностями. Не с реализацией потребностей витального толка, а с *реализацией возможностей* связана истинная трансцендентальная, выходящая за пределы, сверхнормативная, сверхадаптивная природа человека. Только открытая образовательная система предполагает становление «открытого человека», т.е. самостоятельно полагающего себя в мире культуры и трансформирующего ее в ценностно-смысловые основания собственного многомерного мира.

В этом широком контексте можно обозначить необходимость разработки и реализации таких образовательных программ и технологий, которые:

- обуславливают «личное присутствие» человека в своем образовании, возможность его *участия и влияния* на свое образование;
- обеспечивают формирование и формулирование им своих *образовательных установок, образовательных инициатив* и их реализацию в образовательной, профессиональной, исследовательской деятельности;
- создают условия для *образовательного* выбора и определения человеком своего пути, индивидуальной образовательной траектории;
- обеспечивают подготовку к *инновационной деятельности*, к деятельности в ситуациях неопределенности, высокой конкуренции рыночных отношений;
- формируют *компетенции* к осуществлению изменений как к способу и процессу профессиональной и социальной жизни;
- формируют *компетенции* эффективного группового взаимодействия, эффективной коммуникации и совместной деятельности, необходимые для жизни человека в Открытом пространстве;
- актуализируют интеллектуальный и психологический потенциал человека, формируют мотивацию позитивного личностного развития и повышают его психологическую компетентность (способности к самопознанию и рефлексии, пониманию смысла своих эмоций и поступков, осознанию своих психологических возможностей и барьеров, освоению навыков саморегуляции, управления стрессом и т.п.).

Мы полагаем, что в настоящий момент в российском образовании осознанной практики образования человеческого в человеке практически

нет, но именно такое образование все больше берет на себя функцию системообразующего фактора по отношению к проектированию и реализации различных образовательных проектов и инициатив. Замечая это противоречие, педагогическое сообщество отреагировало на него поиском новых способов работы с самим образованием и внутри него. Таким способом работы стал метод проектирования, который рассматривается иногда и как «наиболее перспективный сегодня» (В.И. Слободчиков, Н.А. Исаева). По определению авторов, проектирование – это идеальное конструирование (замысел) и практическое воплощение (реализация) того, что возможно, или того, что должно быть, а также рефлексивное соотнесение (коррекция) замысла и последствий его реализации. В данном определении хорошо подчеркивается два различия, которые затем каким-то образом нивелируются и в своей дифференцированной форме практически не встречаются. Речь идет о различии в проектировании того, что возможно, или того, что должно быть. Собственно здесь, с нашей точки зрения, и вырастает проблема проектирования именно как научная педагогическая проблема, берущая начало в особом предметном и проблемном поле – проектировании образовательных систем. «Должное» определяют социально одобряемые нормативы, ценности, компетентности. В целом они и задаются государственными образовательными стандартами. «Возможное» – это способности человека, наличный уровень развития личных и профессиональных компетенций, каковые и актуализируются в процессе освоения образовательных стандартов. Становление профессионала – это переход возможности в действительность, потенций в свою актуальную форму, причем диагностика возможностей конкретных людей и является непосредственной задачей психолого-образовательных технологий, как и непосредственное участие в проектировании образовательной среды, отвечающей искомым возможностям. В этом методологическом ключе можно определить наиболее актуальные векторы проектных разработок в пространстве психолого-образовательных технологий:

1. Технологии становления субъекта современного образования – образовательных групп и сообществ.

Эффективность групповых форм организации обучения, группового взаимодействия является в образовании давно доказанным фактом. Однако сегодня речь идет о том, чтобы представить учебную группу как особого субъекта образования, когда качество обучения отдельного человека обуславливается его участием в решении групповых инициатив и

задач (например, деловые игры по формированию в учебных группах образовательных установок и заказа на образование; составление самими студентами «образовательного стандарта»; тренинги по эффективному групповому взаимодействию и командообразованию; учебные дискуссии и обучение публичным выступлениям, дебатам, аргументации).

2. Технологии управления собственным профессиональным и личностным развитием.

В отличие от учебного знания, где четко разделены «производители» и «потребители» знания, в образовании знание должно производиться самим человеком как средство и условие обеспечения его жизнедеятельности. Поэтому кроме образования личностных форм знания (создание человеком представлений о смысле своего образования, формирование образа и представлений о себе и о профессии, становление личной позиции, мнений, оценок о своей жизни, образовании и профессиональных выборах) чрезвычайно важным является формирование способностей к пониманию своих возможностей и умению соотносить их с возможностями окружающей и образовательной среды, формирование умений работать со своим потенциалом и потенциалом среды в контексте задач собственного личностного и профессионального развития.

3. Технологии формирования компетентностей: социально-личностных, коммуникативных и т.п.

Компетентности все чаще рассматриваются исследователями как сложные личностные образования, включающие и интеллектуальные, и эмоциональные, и нравственные составляющие. Если понимать компетенции как знание в действии, то можно выделить несколько их уровней необходимых для любой профессиональной деятельности – ключевые, обобщенные предметные, прикладные предметные, жизненные и т.п. Однако существует ряд «сквозных», не зависящих от типа профессии компетенций, связанных с общественным характером жизни человека и определяющих его эффективность практически во всех сферах жизнедеятельности. В частности, это *социальная компетентность* (способность к более быстрому и тонкому пониманию других людей и социальных групп, способность изменять поведение в зависимости от требований социальной ситуации и новых задач); *компетентность в эмоциональной сфере* (как способность осознавать эмоции и порождающие их причины – т.е. эффективно связывать эмоции и объяснение, что позволяет повысить качество принимаемых человеком решений и более эффективно управлять своим эмоциональным состоянием); *коммуникативная компетент-*

ность (гибкость в общении, широкий репертуар стратегий, учет интересов партнера, адекватное использование приемов, техник общения, соответствующих конкретному моменту) и др. Формирование социально-личностных компетенций по сути является способом наращивания психологического потенциала человека и созданием личностных оснований для продуктивной профессиональной самореализации и эффективного самосоуществования человека в различных проблемных ситуациях.

4. Технологии и программы гуманитарного сопровождения образования.

Образовательное сопровождение заключается в проявлении образовательных ожиданий, представлений студентов, построении с ними модели (образовательного) стандарта, определении образовательных дефицитов и проектировании форм их участия в своем образовании

Исследовательское сопровождение заключается в организации исследования современного управления в рамках написания студентами курсовых работ, проектов и дипломных работ: совместное построение проблемно-тематического поля современного управления, выбора своей темы исследования и тематического реферирования; исследование и реконструкция гуманитарного содержания современной практики (опыта) управления, идентификация и обоснование его признаков; исследование и обоснование эффективности посреднической позиции управленца в ситуациях неопределенности, овладение функциями организации ситуаций понимания, функциями анализа, проектирования, экспертизы; исследовательское обеспечение постановки и решения проблем управления в организации, проведение системного анализа управления, в т.ч. составление кейсов, проведение исследовательских интервью, экспертных опросов для постановки проблем развития организации и масштабирования проблем управления.

Психолого-образовательное сопровождение как особая культура социализации индивидуальности содержание которой выстраивается нами через призму новой психологической онтологии – представлений о закономерностях становления многомерного мира человека как психологического феномена и как результата образовательных практик, направленных на проектирование такого образовательного пространства, которое соответствовало бы фазам, этапам и уровням становления сознания человека и его жизненного мира. В связи с этим весьма актуальным становится выявление и оценка параметров образовательной среды, оказывающих непосредственное воздействие на процессы становления человека, собственно человеческого в нем. Психолого-образовательное сопровождение – это постоянный мониторинг за

состоянием этих параметров. Экспертиза образовательной среды и мониторинг за ее состоянием являются собой важные актуальные направления в психолого-образовательных исследованиях. Одновременно это является задачей разработки инструментария диагностики, оценки и мониторинга открытости образовательной среды в ее единстве с человеком, для которого она и является в качестве открытого пространства жизни.

Однако последовательная реализация заданных векторов развития психолого-образовательных технологий в современном социокультурном пространстве невозможна без определения ее «фундамента» – методологии изучения человека как целостного явления. На наш взгляд таким основанием может явиться системная антропологическая психология. Еще раз подчеркнем, что особенность этого направления в том, что его создатели ставили своей задачей построение такого методологического базиса, который был бы способен определить направленность и содержание теоретических построений, но при этом максимально укладывался бы в общее русло объективных тенденций становления психологического познания.

В отличие от других вариантов антропологической психологии (или «психологической антропологии» – понятия, часто выступающего в качестве синонима или аналога антропологической психологии), мы используем понятие «системная антропологическая психология». Это вовсе не означает, что другие варианты антропологической психологии «не системны» или «менее системны». Мы вовсе не хотим подчеркнуть этим понятием («системная») качество теории, но принципиально отстаиваем свое понимание образа человека в психологии. Человек может стать предметом психологического (а не любого другого исследования), если он предстанет в нем в качестве открытой самоорганизующейся системы, режимом существования которой является саморазвитие. В этом случае происходит естественная интеграция первоначально изолированных и только дополняющих друг друга принципов системности, развития и детерминизма, которые теряют свою автономность, когда в качестве предмета науки появляется саморазвивающаяся система. В большом цикле исследований (более 10 докторских и 50 кандидатских диссертаций) с позиций заявленной методологии выявлены закономерности, фазы, этапы и уровни становления многомерного мира человека как психологического феномена. На этой основе мы можем уверенно определить две сферы приложения теории и методологии антропологической психологии в пространстве инновационных образовательных практик:

1. *Сфера оценки и диагностики особенностей становления многомерного мира человека.* Например, диагностика различных способностей,

оценка выраженности профессионально значимых качеств, различных компетентностей (социальной, коммуникативной и т.п.), лояльности по отношению к организации, честности и т.п. На этой основе осуществляется и прогноз успешности будущей профессиональной деятельности.

2. Сфера *сопровождения саморазвития человека*. Например, уже упомянутое психолого-образовательное сопровождение как особая культура социализации индивидуальности, формируемая и культивируемая на основе реализации принципа соответствия возможностей человека (обучаемости, в том числе) такой образовательной среде, которая этим возможностям отвечает. В этом случае образовательная среда становится развивающей образовательной средой – в ней возможности превращаются в действительность (становление). Такая, сообразованная с возможностями человека образовательная среда, превращается в открытое образовательное пространство – в ней человек (как открытая система) обнаруживает ресурсы саморазвития, а его возможности становятся потенциями, т.е. обретают силу на самоосуществление.

Разрабатываемая учеными факультета психологии Томского государственного университета системная антропологическая психология своими задачами полагает поиск ответа на новые вопросы, диктуемые образовательной практикой.

1. Как может быть организована педагогика, основанная на понимании психологических механизмов избирательности (отражения, сознания, поведения, деятельности)?

2. Как может перестроить педагогическую теорию и практику знание психологических механизмов выхода человека «за пределы»: себя самого, своих поведенческих, интеллектуальных установок и стереотипов?

3. Как может (или должен) действовать педагог, понимающий истоки инициативного (свободного, надситуативного, сверхнормативного, сверхадаптивного) поведения, т.е. истоки инновационной активности, лежащей в основании актуализации побуждений (мотивации) к освоению нового, претворяющей творческие потенции человека и направляющие их?

4. Наконец, какие педагогические следствия может вызвать новый взгляд на онтогенез, понимаемый как последовательный, закономерный и многоэтапный процесс становления человеческого в человеке, проявляющий себя в закономерном усложнении многомерного мира человека и конституирующий процесс «вочеловечивания» – как непрерывного становления его суверенности, открытости, предполагающей возможность самостоятельно вхождения в мир культуры, в природный и социальный мир.

Мы полагаем, что в основу проектирования открытой информационно-образовательной среды, содействующей становлению инновационного потенциала молодежи в условиях непрерывного профессионального образования, могут быть положены следующие принципы:

- принцип сообразности форм образования этапам становления многомерного мира человека, раскрывающий особенности проявления в свернутой (редуцированной) форме в микроэтапах становления ценностно-смысловых измерений жизненного мира молодого человека характерных для онтогенеза этапов становления многомерного мира.. Формы и методы образования должны быть сообразованы с последовательностью этих этапов. Сначала должна быть сформирована предметная среда приложения инновационных усилий, затем она должна быть осмыслена, т.е. привязана к потребностям молодого человека как пространство для самореализации, и только потом выделен ценностный слой, превращающий пространство жизни в пространство саморазвития;

- принцип транскоммunikативной направленности педагогического взаимодействия, определяющий статус транскоммunikаций как коммуникации порождающего типа, в которых рождается транссубъективное пространство человеческого бытия. По мере его становления меняется содержание транскоммunikации, трансформируя и педагогическое взаимодействие. Предметный, смысловой, ценностный уровни сознания предполагают разную организацию педагогического взаимодействия и пересмотра образовательных форм, отвечающих новым задачам транскоммunikации;

- принцип трансформативности и непрерывности становления человека в условиях преемственности инновационного профессионального образования, указывающий на необходимость усложнения системной организации образовательной среды, способствующего созданию зоны ближайшего развития мотивации; опережения по степени усложнения образовательной среды растущее усложнение мотивационных структур человека; соответствия организуемой образовательной среды растущим возможностям человека, обеспечивая ему выбор поля приложения своих возможностей;

- принципа эквифинальности (многообразия) путей и способов формирования инновационной личности, постулирующий динамическое свойство образовательной системы, организующей перевод молодых людей, выходящих к общему старту вхождения в инновационную деятельность из различных начальных состояний, в одно и тоже финальное состояние быть инновационной личностью;

– принцип открытости образовательной среды для формирования индивидуального вектора развития ментального пространства человека, раскрывающий значимость динамических характеристик ментального пространства, вектор которого всегда индивидуален в силу индивидуальности самих динамических параметров. Открытая образовательная среда представляет собой пространство, в котором эти индивидуальные векторы обнаруживаются, проявляются и закрепляются в виде тенденций следования саморазвивающейся психологической системы;

– принцип полипарадигмальности образовательных систем и технологий, направленных на формирование мотивации к инновационной деятельности, указывающий на невозможность удержания процесса формирования мотивации к инновационной деятельности в рамках образовательной системы, проектирование и реализация которой опирается на единственную парадигму, которой придерживается разработчик образовательной системы. Трансляционные, формирующие, развивающие и т.д. системы содержат в себе позитивные, с точки зрения актуальной задачи, факторы и возможности. Системообразующим основанием для интеграции парадигм (полипарадигмальность) являются представления о человеке как открытой саморазвивающейся системе и об открытых образовательных средах, в которых только и может формироваться инновационная личность, способная выходить за пределы требований ситуации, устоявшихся способов поведения;

– принцип тенденциональности проектирования инновационных образовательных сред, предполагающий, что в неисчерпаемом потоке различных проектов инновационных образовательных сред внимание, изучение и обобщение с целью использования заслуживают только те проекты, которые отвечают общим тенденциям развития мировой образовательной системы и тенденциям развития образования в России (как ее органической части). Для выявления этих тенденций используется трансспективный анализ, который позволяет выделить линию трансляционная педагогика – фасилитативная педагогика – смысловая педагогика – онтопедагогика (педагогика становления жизненного пространства человека).

Таким образом, открывается новое поле проектной деятельности: проектирование единого образовательного пространства, особой «зоны перекрытия» научной, предпринимательской и образовательной сред, в которой обеспечивается непрерывный образовательный процесс, выступающий в качестве основания формирования мотивации молодежи к инновационной деятельности в условиях профессионального образования.

Приложение

ПСИХОЛОГИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ТЕЗАУРУС

(Словарь, охватывающий специфику
профессиональной лексики)

Предлагаемый тезаурус как краткая методическая разработка справочного характера являет собой достаточно мобильный способ вхождения в пространство тех методологических и теоретических построений, опираясь на которые осуществлялось выделение содержательных компонентов и психологических параметров мотивации к инновационной деятельности молодежи в процессе непрерывного профессионального образования.

В данном тезаурусе собраны термины, понятия и словосочетания как уже устоявшиеся в науке и получившие широкое использование в различных сферах социальных практик (раздел 1), так и недавно вошедшие или еще только входящие в профессиональный лексикон специалистов (раздел 2), а потому являющиеся дискуссионными.

При подготовке тезауруса использовались результаты многолетних исследований, проводимых коллективом факультета психологии Томского государственного университета (большая часть этих исследований было оформлена в виде успешно защищенных 7 докторских и более 20 кандидатских диссертаций).

1. Общие понятия, необходимые при исследовании инновационной сферы

Бизнес-инкубатор (технологический инкубатор, фирма-инкубатор) – субъект инновационной инфраструктуры, созданный с целью образования новых предприятий, рабочих мест и экономического развития региона на основе комплексного метода организации инновационного процесса. Различают субъекты трех типов: бесприбыльные – субсидируемые местными органами, организациями; прибыльные – частные организации; филиалы высших учебных заведений.

Венчурный бизнес – бизнес, ориентированный на практическое использование технических и технологических новинок, результатов научных достижений еще не опробованных на практике.

Государственная инновационная политика – часть государственной социально-экономической политики, связанная с осуществляемым государством комплексом организационных, экономических и правовых мер, направленных на развитие инновационной деятельности. В рамках инновационной политики органы государственной власти определяют цели инновационной стратегии и механизмы поддержки приоритетных инновационных программ и проектов. Одним из способов влияния на общий инновационный процесс в стране является предоставление государством финансовых средств (гранты, государственные заказы и т.д.)

Жизненный цикл нововведения – период времени от зарождения новой идеи, ее практического воплощения в новых изделиях до морального старения этих изделий и снятия их с производства. Жизненный цикл нововведения можно представить следующим образом:

- фундаментальные исследования;
- прикладные исследования;
- конструкторские разработки;
- технологическое освоение;
- маркетинг;
- производство;
- эксплуатация;
- модернизация;
- утилизация.

Инновации, нововведения – новые или усовершенствованные технологии, виды продукции или услуг, а также организационно-технические решения производственного, административного, коммерческого или иного характера, способствующие продвижению технологий, товарной продукции и услуг на рынок.

Инновация является конечным результатом основанной на использовании достижений науки и передового опыта деятельности по реализации нового или усовершенствования реализуемого на рынке продукта, технологического процесса и организационно-технических мероприятий, используемых в практической деятельности.

Непременным свойством инновации является научно-техническая новизна. Поэтому необходимо отличать инновации от несущественных видоизменений в продуктах и технологических процессах (изменения цве-

та, формы и т.п.); незначительных технических или внешних изменений продукта, а также входящих в него компонентов; от расширения номенклатуры продукции за счет освоения производства не выпускавшихся прежде на данном предприятии, но уже известных на рынке.

Инновационная инфраструктура – совокупность юридических лиц, ресурсов и средств, обеспечивающих материально-техническое, финансовое, организационно-методическое, информационное, консультационное и иное обслуживание инновационной деятельности.

Инновационная программа – комплекс инновационных проектов и мероприятий, согласованный по ресурсам, исполнителям и срокам их осуществления и обеспечивающий эффективное решение задач по освоению и распространению принципиально новых видов продукции (технологий).

Инновация услуг – инновация, связанная с непосредственным взаимодействием субъектов инновационной деятельности по удовлетворению нужд в процессе этой деятельности.

Инновационность – способность субъекта быть первым во взаимодействии с инновациями; фактор, повышающий вероятность того, что субъект будет инноватором; фактор, ускоряющий принятие субъектом новых технологий.

Инновационный проект – проект, содержанием которого является проведение прикладных научных исследований и/или разработок, их практическое использование в производстве и реализации. К инновационному проекту, например, относят комплексный план действий, нацеленный на создание или изменение конкретной системы посредством превращения новшества в нововведение и предусматривающий для его реализации определенные условия (сроки, финансы, оборудование, методы организации и т. д.).

Инновационный процесс – процесс последовательного проведения работ по преобразованию новшества в продукцию и введение ее на рынок для коммерческого применения.

В общем виде инновационный процесс состоит из следующих стадий:

- исследования и разработки;
- освоение в производстве;
- изготовление;
- содействие в реализации, применении, обслуживании;
- утилизацию после использования.

Инновационный процесс включает в себя также деятельность, обеспечивающую создание инноваций, научно-технические услуги, маркетинг

говые исследования, разработку бизнес-плана проекта, оценку экономической эффективности инновации, подготовку и переподготовку кадров, организационную и финансовую деятельность.

Инновационно-активные предприятия – предприятия, осуществляющие разработку и внедрение новой или усовершенствованной продукции, технологических процессов или иных видов инновационной деятельности.

Инновационно-промышленный комплекс (ИПК) – тип организации, объединяющей малый инновационный бизнес с крупным производством; все звенья этой системы объединены между собой на основе экономических интересов, и это позволяет сократить до минимума переход от фундаментальных исследований до создания высокотехнологичной конкурентоспособной продукции.

Инновационный интеллект личности – это образ ее мыслей, позволяющий осознать и проанализировать возникшее в культуре противоречие и для его устранения выдвинуть идею и реализующее ее творческое решение, которого не было на предшествующих стадиях развития культуры, после чего с учетом возможных последствий способствовать его социализации в культуре.

Инновационный капитал – способность отраслей хозяйства или предприятий производить наукоемкую продукцию, отвечающую требованиям мирового рынка.

Инновационный потенциал – совокупность ресурсов различных видов, включающая в себя материальные, финансовые, интеллектуальные, научно-технические и иные ресурсы, необходимые для осуществления инновационной деятельности.

Также к инновационному потенциалу можно отнести институциональные условия: нормативно-правовые акты (от муниципального до федерального уровня), финансового и социального характера.

Инновационный продукт – конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде:

- нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке;
- нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности.

Инновационный фонд – фонд финансовых ресурсов, созданный с целью финансирования научно-технических разработок и рискованных проектов. Источником финансовых ресурсов являются спонсорские взносы фирм и банков. Обычно средства фонда распределяются между претендентами на инвестиции на конкурсной основе.

Инновационный центр – субъект инновационной инфраструктуры, осуществляющий совместные исследования с фирмами, обучение студентов, переподготовку и повышение квалификации обучающихся кадров основам инновации и организующий новые коммерческие компании, которые финансирует на стадии их становления.

ИТЦ в отличие от НИИ практически реализует принцип: *производить то, что можно продать*. В этом случае лидером проекта становится менеджер (бизнес-лидер). ИТЦ следует требованиям рынка и востребованность (конкурентоспособность) товара заложена в нем изначально. Преимущество ИТЦ перед НИИ – это «не обремененность» запасом технологий и отсюда безынерционность, мобильность, тонкое чувство рынка.

Интеллектуальная инициатива – продолжение деятельности за пределами ситуативной заданности, момент преодоления «диктата внешней необходимости», т.е. момент свободы как самостимулируемости, самостоятельности. Интеллектуальная активность рождается как раскрытие глубинных потенций личности, как внутренне детерминированное действие.

Кадровые нововведения – целевая деятельность по внедрению кадровых новшеств, направленная на повышение уровня и способности кадров решать задачи эффективного функционирования и развития социально-экономических структур организации и ее подразделений.

Когнитивная инновационность – это тенденция получать удовлетворение от нового опыта, от взаимодействия с чем-либо новым и от изучения закономерностей функционирования этого нового. Когнитивная инновационность обуславливается потребностью в новом знании о вещах, фактах, процессах и о том, как они взаимосвязаны между собой.

Коучинг – современный вид консультирования, ориентированный на прояснение клиентом собственных целей и успешного достижения их за счет внутренних ресурсов и источников мотивации, а также компенсирующий основные ограничения тренинговых занятий.

Моделирование (*modulus* – мера) – метод исследования объектов на их аналогах, сохраняющих основные особенности реальности (Г. Клаус, Д.Н. Хорафас, А.А. Бартко и др.). Полученные данные переносятся на сами объекты, служат основой для практической деятельности, направленной на эти объекты. Метод моделирования применяется как для исследования структуры объектов – структурное моделирование, так и для исследования протекающих в нем процессов – функциональное моделирование.

Мотивационная готовность – многоуровневое, многостороннее и статико-динамическое явление психики человека, способное к ситуационным изменениям и адаптации в процессе деятельности.

Наднормативная активность – активность, проявляющаяся за пределами необходимости, обусловленной целями совместной кооперативной деятельности.

Надситуативность личности – «влечение к краю» (тенденция индивидов действовать вблизи пространственного маркера границы), «бескорыстный риск», превращение нетворческой деятельности в творческую, непрагматический отказ от подсказок, «презумпция существования решения» и т.д.

Научно-техническая деятельность – деятельность, включающая в себя проведение прикладных исследований и разработок с целью создания новых или усовершенствования существующих способов и средств осуществления конкретных процессов.

К научно-технической деятельности относятся также работы по научно-методическому, патентно-лицензионному, программному, организационно-методическому и техническому обеспечению непосредственного проведения научных исследований и разработок, а также их распространение и применение результатов.

Научные исследования (научно-исследовательские работы) (НИР) – творческая деятельность, направленная на получение новых знаний и способов их применения. Научные исследования могут быть фундаментальными и прикладными.

Национальная инновационная система (НИС) – совокупность законодательных, структурных и функциональных компонентов, обеспечивающих развитие инновационной деятельности в стране.

Структурными компонентами НИС являются организации частного и государственного сектора, которые во взаимодействии друг с другом в рамках юридических и неформальных норм поведения обеспечивают и ведут инновационную деятельность в масштабе государства. Эти организации действуют во всех сферах, связанных с инновационным процессом в исследованиях и разработках, образовании, производстве, сбыте и обслуживании нововведений, финансировании этого процесса и его юридически-правовом обеспечении.

НИС включает следующие компоненты:

- *нормативно-правовая база ИД;*
- *субъекты ИД.*

Новшество – научное знание, обладающее новыми или существенно отличающимися от существующих решениями.

Опытно-конструкторские работы (ОКР) – комплекс работ, выполняемых при создании или модернизации продукции: разработка конструкторской и технологической документации на опытные образцы (опытную партию), изготовление и испытания опытных образцов (опытной партии).

Опытно-технологические работы (ОТР) – комплекс работ по созданию новых веществ, материалов и/или технологических процессов и по изготовлению технической документации на них.

Организационная инновация – инновация, связанная с созданием или совершенствованием организации и управления производством, процессами, трудовыми ресурсами.

Продукт-инновация – инновация, связанная с разработкой и внедрением новой или усовершенствованной продукции (изделий) или уже реализованных в производственной практике других предприятий и распространяемых через технологический обмен (беспатентные лицензии, консултации).

Процесс-инновация – инновация, связанная с разработкой и внедрением новых или значительно улучшенных производственных процессов, предполагающих применение нового производственного оборудования, новых методов организации производственного процесса или их совокупности.

Разработка – деятельность, направленная на создание или усовершенствование способов и средств осуществления процессов в конкретной области практической деятельности, в частности на создание новой продукции и технологий.

Разработка новой продукции, технологий включает в себя проведение опытно-конструкторских (при создании продукции) и опытно-технологических работ (при создании материалов, веществ, технологий).

Сенсорная инновационность – это тенденция получать удовлетворение от взаимодействия с вещами из внешнего мира. Сенсорные инноваторы склонны скорее не структурировать и анализировать новую информацию, а использовать её для удовлетворения своей потребности в новизне. Поведенческие проявления сенсорной инновационности могут быть связаны с поиском и принятием риска.

Социальная инновация – инновация, связанная с улучшением социально-бытовых условий жизни, экологии, гигиены и безопасности труда, культуры и досуга.

Социально-психологическая готовность к предпринимательской деятельности – совокупность разноуровневых особенностей:

- личностных (устойчивая предпринимательская направленность, выраженность продуктивно-деятельностных мотивов и предпочтений, оптимальная уверенность, сила воли);

- социально-психологических (наличие коммуникативных и организаторских способностей, оптимального стиля управления и конструктивного поведения в конфликтных ситуациях, склонность к деловому риску, конкурентоспособность, доминировании нормативных терминальных и инструментальных ценностей);

- индивидуальных (эмоциональная устойчивость, ригидность).

Субъекты инновационной деятельности – организации и физические лица, осуществляющие создание и продвижение инновационного продукта.

Технико-внедренческая зона – зона, в которой предприятиям обеспечивается доступ к инфраструктуре ведения бизнеса и особый налоговый и таможенный режимы (создание таких зон находится в стадии проекта).

Технологический парк (технопарк, ТП) – субъект инновационной инфраструктуры, осуществляющий формирование условий, благоприятных для развития предпринимательства в научно-технической сфере при наличии оснащенной информационной и экспериментальной базы и высокой концентрации квалифицированных кадров. ТП является формой территориальной интеграции науки, образования и производства в виде объединения научных организаций, проектно-конструкторских бюро, учебных заведений, производственных предприятий или их подразделений. Часто технопаркам предоставляется льготное налогообложение.

Технологический кластер – совокупность предприятий, расположенных на одной ограниченной территории и связанных производственными связями.

Технологическая инновация – инновация, связанная с разработкой и освоением новых или усовершенствованных технологических процессов. Инновация в области организации и управления производством, социальных или информационных технологий не относится к технологической инновации.

У.М.Н.И.К. – программа «Участник Молодежного Научно-Инновационного Конкурса», поддерживаемая фондом «Содействие развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере».

Финансовая инновация – создание новых финансовых инструментов и финансовых технологий с целью получения прибыли и снижения уровня рисков.

Центр коллективного пользования – центр услуг, где малым и средним предприятиям предоставляется возможность использования новых технологий в производстве посредством коллективного пользования оборудованием.

Центр (офис) трансфера технологий – структурное подразделение организации, обладающей инновационными разработками либо самостоятельное юридическое лицо, основная задача которого – коммерциализация разработок, создаваемых в материнских организациях (соответственно, в организациях, которым он оказывает услуги). Решаемые вопросы: финансовые, экономические, маркетинговые, по внешнеэкономической деятельности.

Экономическая инновация – инновация, связанная с совершенствованием в финансовой, платежной, бухгалтерской сферах деятельности.

2. Психологические понятия, используемые в авторских исследованиях разработчиков проекта в области мотивации к инновационной деятельности

Актуализация социально-личностных компетенций на этапе вхождения в инновационную деятельность понимается нами как механизм самостоятельного перехода молодого человека на более высокий уровень самореализации (продуктивно-сверхадаптивный), выражающийся в психологической готовности к творческому самосозиданию, утверждению себя в качестве открытой системы и обретению ответственности за собственную открытость, проявляющуюся в процессах персонализации.

Вхождение в инновационную деятельность рассматривается нами как обретение молодыми людьми опыта *инновационного* деятельностного опосредования усложнения собственной системной организации, что проявляется в разворачивании способности к проектированию своего продвижения в инновационном секторе экономики и бизнеса.

Инновационное поведение – поведение, которое осуществляется путем выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов и иницируется не системой периодически актуализируемых (воспроизводимых) потребностей, но возникает инициативно в тех точках

жизненного пространства человека, в которых сходятся между собой как минимум три фактора:

- 1) возможности человека, представленные его личностным, духовным, творческим, интеллектуальным и т.д. потенциалом;
- 2) среда, отвечающая этим возможностям, т.е. размеченное ценностно-смысловыми «маркерами» пространство, в котором возможна самореализация;
- 3) готовность человека реализовать свои возможности «здесь и теперь».

В феноменах инновационного поведения проявляет себя особая, только человеку присущая форма перехода возможности в действительность, т.е. заявляет о себе процесс саморазвития человека. Мышление включено в этот процесс и выполняет в нем важнейшую функцию: оно опосредует процессы перестройки образа жизни и образа мира, добиваясь временного «консенсуса» между ними, необходимого для удержания человеком собственной целостности как устойчиво (само)развивающейся системы.

Инновативность человека – интегральная (системная) характеристика, включающая в себя две основные составляющие, обуславливающие инициацию (порождение) инновационного поведения: инновационный потенциал личности и мотивационную готовность к инновационному поведению.

Инновационный потенциал (ИП) человека – личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения. Одним из таких условий выступает модальность эмоционально-установочного комплекса, позволяющая человеку включаться в режим саморазвития (перевода возможностей в действительность) когда в окружающей среде открывается возможность перехода в такой режим. ИП включает в себя:

1. Личностные качества, такие как толерантность к неопределенности, способность к оправданному риску, ответственность, потребность в самореализации, мотивация достижения, рефлексивность, креативность (качества интеллекта, интеллектуальная инициатива).
2. Компетенции, прежде всего такие, как проектная компетентность, коммуникативная компетентность, информационная компетентность.
3. Витальность (особенности ценностно-смысловой организации жизненного мира, жизнестойкость, суверенность, трудоспособность, мобилизационный потенциал, уровень саморегуляции, ориентация человека на определенное качество жизни).

Интеллектуально одаренная молодежь (ИОМ) характеризуется параметрами: широта умственного кругозора, гибкость и многовариантность оценок происходящего, готовность к принятию необычной информации, умение осмыслить происходящее в трансспективе, ориентация на выявление существенных объективно значимых аспектов происходящего, склонность мыслить в категориях вероятного.

Коммуникативная компетентность – это коммуникативная гибкость, мобильность субъекта, которая определяется, во-первых, наличием в арсенале личности всех возможных коммуникативных установок и стратегий; во-вторых, реализацией той коммуникативной стратегии, которая основывается на анализе и оценке конкретной ситуации общения и, насколько это возможно, продвигает субъекта в решении проблем; в-третьих, гибким, адекватным использованием тех или иных приемов, техник общения, соответствующих конкретному моменту самого процесса общения.

Компетентностный подход – это попытка привести в соответствие образование и потребности рынка труда, подход, акцентирующий внимание на результате образования, причем в качестве результата рассматривается не сумма усвоенной информации, а способность человека действовать в различных проблемных ситуациях, подход, при котором результаты образования признаются значимыми за пределами системы образования.

Компетентность представляет собой знание в действии и выступает как целостное интегративное личностное образование, включающее когнитивный, поведенческий и мотивационно-ценностный компоненты; позволяющее человеку быть успешным в его жизнедеятельности и возникающее как психологический продукт социальной ситуации развития – специфической системы отношений среды и субъекта, отраженный в его переживаниях и реализуемый в совместной деятельности с другими людьми.

Ментальное пространство человека является общесистемным динамическим образованием, функциональная роль которого заключается в том, что оно, опосредствуя связь человека с объективной реальностью, определяет тем самым особенности многомерного бытия человека в создаваемом им самим многомерном жизненном пространстве. Динамика ментального пространства обеспечивается процессами разрешения перманентно возникающих противоречий между образом жизни и образом мира, что особенно выраженно выступает в периоды вхождения человека в новую социокультурную (в том числе и в инновационную) среду.

Психологическими проявлениями динамических характеристик ментального пространства являются легкость (трудность) перестройки ценностно-смысловых измерений жизненного мира человека, готовность к реализации в деятельности системы ценностей, качество отражения в сознании многомерного пространства собственного бытия (образ мира, образ жизни, образ мысли), самого себя как субъекта активности (локус контроля) и своей возможности расширения жизненного пространства как пространства самореализации, устойчивость связанных с ценностями и смыслами поведенческих стереотипов (ригидность).

Миграционная готовность – это психологическое новообразование, которое в содержательном плане представляет собой направленную активность, установку на добровольное изменение места жительства. Механизмом, порождающим миграционную готовность, является противоречие между образом мира личности, (который включает в себя ценностно-смысловые компоненты как актуального бытия, так и желаемого будущего), и сложившимся образом жизни, переставшими соответствовать друг другу.

Миграционная готовность и степень ее выраженности проявляются в особых параметрах смысложизненных составляющих образа мира, характеристиках общей удовлетворенности жизнью, эмоционально-оценочном отношении к месту проживания, присутствию в образе желаемого будущего содержаний, связанных с иным, привлекательным регионом.

Мотивообразующие смыслы – смыслы, указывающие на те «места» объективно существующей ситуации, в которых могут быть реализованы имеющиеся у человека возможности. Благодаря мотивообразующим смыслам сами возможности становятся потенциями – обретают силу, необходимую для своей реализации.

Мотивационная готовность к инновационной деятельности представляет собой способность человека инициировать инновационное поведение в тех условиях, когда в среде открываются возможности, соответствующие его личностному ресурсу (инновационному потенциалу), выступающему в качестве базального основания возникновения побуждения к инновационной деятельности. Основная характеристика – модальность эмоционально-установочного комплекса (эмуса), учитывающая особенности установок (на уход от инноваций или включение в них) связанных со смыслами и ценностями, намечающими сектор жизненного пространства человека, в котором можно инициативно осваивать и реализовывать новые формы поведения и деятельности.

Мышление в условиях реальной (инновационной) деятельности имеет полифункциональный характер, который проявляется в построении образа многомерного мира, в обеспечении целостности и системности этого образа, в трансформации жизненного мира и своей деятельности в нем. Мышление опосредует процессы перестройки образа жизни и образа мира, добиваясь такого «подвижного соответствия» между ними, которое необходимо для удержания человеком собственной целостности как устойчиво (само)развивающейся системы.

Образование – создание, созидание человеком образа мира в себе посредством полагания себя в мир культуры; формирование систем отношений к природе, другим людям, обществу и самому себе.

Образовательные результаты – представляют собой четко конкретизированные и описанные в проекте новообразования, которые предполагается получить при реализации данного образовательного проекта:

- на уровне коллективного субъекта (новые способы деятельности, новые социальные компетенции);
- на уровне конкретных людей (новые субъектные позиции);
- на уровне создания нового продукта, который избыточен для данного проекта и порождает необходимость нового проекта.

Образовательные эффекты представляют собой недетализированные (в силу слабой, недостаточной осознанности, проработанности разработчиками) образовательные результаты, описание которых в образовательном проекте не позволяет четко представить, в каком виде по каким основаниям можно будет делать суждения о получении планируемых образовательных результатов.

Потенциал самореализации – общесистемное свойство личности рассматривается в единстве трех аспектов: ценностном (как способности обнаруживать возможные направления самореализации в ценностно-смысловых параметрах актуальной ситуации), мотивационном (как сложившейся у человека готовности к реализации этих возможностей) и регулятивном (переход возможностей в действительность, опосредованный целеобразованием).

Психическая ригидность – общесистемное качество, характеризующее степень открытости-закрытости человека как психологической системы. Оно позволяет человеку осуществлять собственные изменения и взаимодействие с меняющимся миром. Высокий уровень ригидности является психологическим риском невозможности человека эффективно совладать с трудными ситуациями, сопровождающимися психозомоци-

нальной напряженностью, энергетическими затратами, социальными и внутренними конфликтами.

Психологическая готовность к инновационной деятельности понимается нами как проявление такого уровня самореализации, который обусловлен не столько актуальными потребностями человека, сколько наличными возможностями и особым типом системных образований ценностно-смыслового порядка, определяющими характер и форму открытия самоорганизующейся психологической системы (каковой является человек) в инновационную среду.

Психологический потенциал достижений – способность и возможность создавать нечто более качественное, эффективное, значимое, чем то, что человек (группа) достигал в прошлом, и он это понимает. Это способность самоосуществления на возрастающем пике своих возможностей, базовым условием которого является актуализация транскommунитативного потенциала.

Психолого-образовательное сопровождение – понимается нами как создание специальных условий, при которых молодые люди обретаю (или расширяют) опыт превращения своего личностного потенциала и возможностей социальной среды в ресурсы собственного образования как процесса самосозидания, создания себя путем полагания себя в мир культуры.

«Свободная инициация» мышления – самостоятельный переход к мышлению после обнаружения возможностей такого перехода, при котором мотивы и цели мыслительной деятельности не только не совпадают с мотивами и целями исходной деятельности (в ходе которой открывается возможность перехода к мыслительной деятельности), но иногда и противостоят им.

Системная детерминация самореализации – включает в себя собственно причинные и не причинные детерминанты: первые инициируют процесс самореализации, а вторые динамизируют его и придают ему направленность и избирательность. Причинная детерминация самореализации обусловлена самим фактом открытости психологических систем: открытость есть не частный признак системы, а условие ее существования. Динамизирующая не причинная детерминация является внеситуативной, определяется степенью «открытости – закрытости» человека как системы и обеспечивает устойчивость системы и ее подвижность, легкость или трудность ее выхода к инновационному поведению, особенно сти перестройки поведенческих стереотипов и выработки новых норм.

Системная антропологическая психология – относительно новое направление науки, особенность которого заключается в том, что его создатели исходно ставили своей задачей построение методологического базиса теории таким образом, чтобы он максимально укладывался в общее русло объективных тенденций становления психологического познания.

Смыслообразование представляет собой процесс, который начинается с возникновения смыслов как системных сверхчувственных качеств, фиксирующих соответствие некоторого фрагмента объективной реальности потребностям и возможностям человека; осуществляется в форме эмоционального переживания смысла и завершается процессом осознания (понимания) смысла, опосредованного мышлением, возникающим в ходе постановки и решения «задачи на смысл». Развернутость поиска решения, осознанность промежуточного смыслообразования, глубина анализа в процессе решения «задач на смысл», определяющие типологические особенности «восхождения к смыслу», обусловлены системой личностных качеств, характеризующих степень открытости человека как навстречу к миру, так и самому себе.

Социально-личностные компетентности (СЛК) понимаются как проявления самоорганизации человека как открытой психологической системы, осуществляющей перевод собственных возможностей в действительность. Социально-личностные компетентности представлены основными системными уровнями:

- понимание своих возможностей (собственной идентичности в ее постоянной динамике);
- умение соотносить собственные возможности и возможности окружающей среды, использовать их для собственного развития;
- соотношение собственных возможностей и возможностей образовательной среды, умение видеть возможности образовательной среды в контексте задач собственного развития;
- умение работать со своим потенциалом и потенциалом среды для создания инновационного продукта.

Транскоммуникация – это процесс общения между инаковыми и разнорядковыми субъектами в интра- и интерперсональных планах; это сверхдинамичный, смыслообразующий процесс гармонизации разноразрядных миров человека, открывающий в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса. Это такие межличностные взаимодействия и взаимодействия человека с культурой, в которой формируется транс-субъективное пространство человека.

Транскоммуникативный потенциал личности (ТПК) – разновидность творческого потенциала, проявляющегося в ситуации возможного, неочевидного, незаданного общения как креативная инициатива создания новой (инновационной) коммуникации с новым субъектом общения как иным (открывающимся другим). Величина потенциала характеризуется новизной, неожиданностью инициативы постигающей (транцендирующей в) степень инаковости и далее разнорядковости партнера. ТПК реализуется в трансформации коммуникативной стресс-мобилизации в творческий транс (раздвигающий исходные границы коммуникативной ситуации). Через ТПК происходит рост творческого потенциала и качества коммуникативной ситуации (пространства), где он реализуется.

Транспективный анализ – это метод познания, адекватный для постнеклассической науки, основное назначение которого – вскрывать тенденции развития открытых саморазвивающихся «человекоразмерных» систем (термин В.С. Степина). Он демонстрирует тот факт, что наука, понимаемая как открытая, прогрессивно эволюционирующая, закономерно усложняющаяся в своем становлении система, рано или поздно создаст инструменты для самопознания. В транспективном анализе историческим временем становящейся системы необходимо считать не прошлое, будущее или настоящее, а перекрывающий эти времена процесс превращения поливариативного будущего в моновариативное прошлое, который в транспекции неотрывен от процесса превращения поливозможностного пространства (среды) в пространство собственного становления системы.

Чувствительность к проблемам – способность человека, которая формируется как некоторое внутреннее основание, представленное комплексом определенных личностных свойств и выступает в форме готовности самостоятельно поставить мыслительную задачу, если открывается такая возможность.

Ценностно-смысловая структура ситуации – это понятие возникло в рамках смысловой теории мышления и понимается как результат взаимодействия человека с объективным миром, как особое психологическое пространство, в котором осуществляется взаимопереход внешнего и внутреннего, субъективного и объективного

Эмоционально-установочные комплексы (эмусы) – особые интегративные (общесистемные) образования, обеспечивающие единство человека, ситуации и деятельности в ней. Именно они определяют «устойчивую подвижность» деятельности в периоды ее трансформации, осуществ-

вляя связь осознаваемых и неосознаваемых, произвольных и непроизвольных, оценочных и исполнительных компонентов зарождающейся (новой) деятельности. С ними связано «обесмысливание» элементов ситуации при формировании новых мотивов и целей, что и обуславливает деактуализацию старых и одновременно актуализацию новых смыслов и новых установок, адекватных мотивам и целям инициативно возникающего инновационного поведения.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРОВ	3
1. ИННОВАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: «МНОГОМЕРНОСТЬ» СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА И «БИНАРНЫЙ» ОТВЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	6
1.1. Общество и инновации: сущность социального заказа, обращенного к психологии	6
1.2. Инновационное поведение: определение понятия	15
1.3. Опыт преодоления бинарных оппозиций в психологии	21
2. СИСТЕМНАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ	40
2.1. Тенденции развития психологической науки. Сущность и предназначение транспективного анализа	41
2.2. Целостный человек как предмет психологического исследования. Философия и психология многомерности	57
2.3. Становление многомерного мира человека и онтогенез сознания	78
2.4. Выход смысловой теории мышления в идеологию многомерности: эпистемологический анализ	96
3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ИННОВАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ	117
3.1. Экспериментальное исследование процесса возникновения инновационного поведения	118
3.2. Эмоционально-установочные комплексы (эмусы) в структуре инновационного поведения	140
4. ИННОВАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОТВЕТ ЧЕЛОВЕКА НА ПЕРЕМЕНЫ: МИР, МЕНЯЮЩИЙ ЧЕЛОВЕКА, И ЧЕЛОВЕК, МЕНЯЮЩИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ОБРАЗ МИРА	145
4.1. Методологическая прамбула	145
4.2. Инновационное поведение в контексте готовности человека к изменению образа жизни	152
4.4. Митрационная готовность как проявление инновационной мобильности	171
5. ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО РАЗВИТИЯ	184
5.1. Становление понятия	184

5.2. Возможности образовательных моделей для становления инновационного потенциала личности	196
5.3. Психолого-образовательное сопровождение становления инновационной личности в условиях профессионального образования	208
ПРИЛОЖЕНИЕ	219

Научное издание

**Клочко Виталий Евгеньевич
Галажинский Эдуард Владимирович**

ПСИХОЛОГИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Монография

Издание подготовлено в авторской редакции
Оригинал-макет А.Н. Гранкиной
Дизайнер А.В. Бабенко

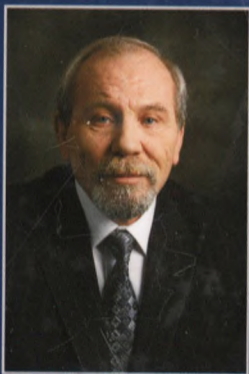
Подписано к печати 21.09.2009 г. Формат 60х84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 13,95.
Тираж 250 экз. Заказ № 138.

Редакционно-издательский отдел ТГУ
634050, г. Томск, Московский тр., 2е, корп. 4, ауд. 011
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

ISBN 5-94621-281-8

9 785946 212816

КЛОЧКО
Виталий
Евгеньевич

Доктор психологических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета. Заслуженный деятель культуры РК.

ГАЛАЖИНСКИЙ
Эдуард
Владимирович

Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой психологии личности Томского государственного университета. Лауреат премии Правительства РФ в области образования.